

Кафедра иностранных языков

ПРОЦЕССЫ РАЗВИТИЯ В ЯЗЫКЕ

СБОРНИК ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Т. А. ДЕГТЕРЕВОЙ

1255397

О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ МОМЕНТАХ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Каждый язык на протяжении своей многовековой, а иногда и многотысячелетней истории подвергается в той или иной степени иноязычным влияниям, так как народ, носитель языка, не находится в полной изоляции от других народов. Между народами существуют в разные периоды различные по характеру и по интенсивности экономические, политические или культурные связи, различные (дружественные или враждебные) взаимоотношения. Все эти связи оставляют те или иные следы в языке, которые в процессе лингвистического анализа часто становятся одним из источников нашего познания о многих иногда очень существенных деталях доисторической и исторической жизни народа.

Языковой контакт наблюдается в процессе развития общества в разных формах. Это может быть взаимодействие и взаимопроникновение языков разных племен, народностей или наций — в зависимости от эпохи — на основе территориальной близости или на основе аналогичных общественных достижений. Особой формой проявления языкового контакта может быть также и двуязычие населения, создавшееся в результате совместного существования двух этнических комплексов на одной и той же территории. Свообразные следы в языке оставляет также и взаимодействие общего литературного языка, чужого по происхождению, в государственных племенных союзах раннего типа или языка, выступавшего в качестве межплеменного средства общения. Влияние разных племенных языков на межплеменной язык — койнэ — внутри государственных союзов древности и эпохи раннего феодализма, а также взаимовлияние племенных языков через межплеменной язык отражается в дальнейшем развитии грамматического строя и особенно в словарном составе языков. Уже первое крупное общественное разделение труда породило необходимость в регулярном обмене между первобытными племенными коллективами. Регулярный обмен между племенами создал относительно длительные взаимосвязи различных и разноязычных племен, а значит и необходимость взаимопонимания между обменивающимися сторонами. А так как словарный запас каждого племени был невелик, то в

результате межплеменного общения он легко соединялся со словарными запасами других племен. Таким образом межплеменное общение приводило к усвоению со стороны каждого племени значительной части слов, а позднее, правда в небольшой мере, и грамматических элементов из языков других племен. Эти иноплеменные языковые элементы входили в состав языка в большинстве случаев как синонимы или как наименования предметов, для которых у одного из общающихся племен еще не существовало названия. Наличие богатой синонимии как результата межплеменного языкового контакта является характерным признаком всех языков на древней ступени их развития.

В качестве примера исключительной синонимичности древних языков можно привести многообразие звукового оформления понятия «народ», «коллектив», «военизированный коллектив» в древнерусском языке: «родъ, народъ». Возможно, но еще не полностью доказано, что по своей семантике и форме это слово является славянским новообразованием от общеиндоевропейского корня *neredh* (расти, подниматься, высокий) с усечением первого слога корня; «людъ, людье». Данное слово является общим достоянием славянских, балтийских и германских языков, сравните древневерхненемецкое *liūt* (народ), древнеисландское *lǫdR* (народ), древнесаксонское *liūd* (народ), древнеанглийское *léod* (народ), латышское *ljudis* (народ, люди), литовское *liadis* (народ, чернь), прусское *ludis* (человек, хозяин), — все разноязычные варианты этого слова являются новообразованием от общего индоевропейского корня *leudh* (вырастать); «племя» в значении «род», «народ», «семья». Слово является общим достоянием с одним и тем же значением только славянских языков, сравните болгарское племе, сербское *pleme*, словенское *pleme*, чешское *plémě* и другие. Индоевропейские связи этого слова сравнительно-историческим языкознанием еще не установлены; «свѣтъ» в значении «мир», «народ» от первичного значения «свет», «светить» развилось только в отдельных славянских языках, например, в русском, в сербском, верхнелужицком, чешском, болгарском. (Индоевропейский корень **kuē't* сохранил значение «сиять», «светить» в индоиранской группе индоевропейских языков и в балто-славянских. В других индоевропейских языках данный корень выступает со значением «белый», например, готское слово *hweits* «белый», немецкое *weiß*, английское *white* и т. д.; «орава» — «толпа». Слово только русское, контактные связи с другими языками не установлены); «громада» — «куча», «толпа». Это общеславянское слово; в украинском языке означает «сходку», болгарском — «кучу», «толпу», «стадо», в чешском (*hromada*) «куча», «ворох», «сходка». Слово имеет как по форме, так и по содержанию тесные связи с древнеиндийским (санскритским) *grāma-h* (толпа, деревня, община); «тълпа» — «толпа». Праславянская форма слова отражена как в западославянских, так и в южнославянских языках, например, чешское *tlupa*, болгарское «тълпа». Это слово имеет своим источником, по всей

вероятности, индоевропейский корень *tegr-* в значении «насыщаться», «расти». В балтийских языках этот корень отразился в существительных: литовское *taigrà*, латышское *taipa* в значении «рост». Переход значения «рост» в значение «толпа», «народ» в индоевропейских языках закономерен (сравните вышеуказанные этимологические данные о словах «люди» и «народ»). Однако этот семантический переход осуществился только в славянских языках и, видимо, в период, когда славянские языки входили в общеславянский язык в качестве его диалектов и мало контактировали с балтийскими языками; «миръ» — «общество», «спокойствие». В значении «вселенная» и «спокойствие» слово выступает во всех славянских языках, что проявляет их древние связи с индоиранскими языками, в которых данный корень отражается следующим образом: в древнеиндийских словах *mītram* (дружба, друг), *mītrás* (друг), в новоперсидском слове *mīhr* (солнце, любовь), в зендском *mīthrō* (друг, примирение). Значение «народ» объединяет только восточнославянские языки — древнерусский и украинский; «облава» — «войско», «отряд»; украинское *облава* (толпа, окружающая что-либо) — слово только восточнославянское, в польском языке *obława* возможно заимствование из украинского. Предположение, что слово является заимствованием из средневерхненемецкого языка, где *abelouf* означает «место облавы», недопустимо, потому что звук «о» в слове «облава» может соответствовать германскому «а» только в славяно-германских лексических общностях древнейшего происхождения, а не в заимствованиях, т. е. периода средневерхненемецкого языка 12—14 вв.; «рать» — «войско», «война», «вражда». Исходное значение — «спор», «война»; значение «коллектива» оно приобретает только в восточнославянских языках. Данное слово является свидетельством древних контактов с индоиранскими языками и языками балтийскими и германскими, сравните: санскритское *ṛti* (нападение, спор), *ṛāpa* (борьба), авестийское *ṛēpa* (борьба), древневерхненемецкое *ernust* (борьба). Другие группы индоевропейских языков не обнаруживают в этом слове общности, в них общеиндоевропейский корень *eg-* претворен в словах иной семантики; «войско». Это слово находит отражение во всех славянских языках. Контактное с другими языками отражено в лексических вариантах индоевропейского корня *pei tam*, где этот корень выступает в значении «преследовать», а именно в индоиранских и германских языках. Остальные группы индоевропейских языков проявляют более древнее значение этого корня, то есть: «спешить», «итти», «дорога»; «полк» или «пълк» «войско», «часть войска», «битва». Это слово является общностью трех языковых групп индоевропейских языков — славянской, балтийской и германской. Немецкие ученые считают это слово в славянских и балтийских языках заимствованием из общегерманского, однако, это заимствование должно было произойти задолго до германского передвижения согласных, что представляется исторически маловероятным. Исходное значение, видимо, «множество», «народ», так

как это значение является характерным для балтийских языков, например, литовское *pulkas*, латышское *pulks* (громада, множество) и для германских языков, например, древнеисландское *folk* (толпа, племя, народ), древневерхненемецкое *folc* (толпа, войско), новонемецкое *Volk* (народ) и т. д., а в славянских языках значение «толпа», «народ» сохранилось в сербском языке в форме *рук*.

Разнообразие звуковых оболочек для одного и того же понятия создавалось отчасти и в результате внутреннего развития словарного состава каждого древнего языка, но главным образом обогащение синонимии происходило вследствие разнообразных этнических контактов в предисторическую эпоху и в эпоху раннего феодализма. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что почти каждый член синонимического ряда объединяет разные языки внутри индоевропейской системы, как мы показали это выше на примерах. Следует обратить внимание на то, что богатство синонимии в древних языках нашло свое отражение в отдельных их письменных памятниках. Так, например, один из важнейших памятников древнегерманской письменности — «*Heliand*», датированный периодом между 822 и 840 годами, содержит более 50 различных по своему звучанию слов со значением «народ» с некоторыми смысловыми оттенками и без таковых. Сам памятник по своему языковому характеру является старосаксонским с большой примесью франконских и фризских элементов. Особенно часто в этом памятнике встречается существительное множественного числа *liudi*, которое означает «тесная общность людей одного и того же племени», а также «военный отряд». Параллельно с этим словом в памятнике наблюдается не менее часто и слово *werod*: оно обозначает как «коллектив общины», так и «военный отряд». Слово контактируется с очень многими древними индоевропейскими языками, например, с древнеиндийским *vṛ-ndam* (толпа, стадо), с кельтскими языками: древнеирландским *foigenn* (отряд, толпа), древнекимирский *guerin* (масса, народ) и конечно, с другими германскими языками: готское: *writhus* (стадо), старонисландские *gidull* (небольшой отряд людей); с балтийскими языками: литовское *voga* (длинный ряд животных, вереница), латышское *virksne* (большой отряд); с албанским *vaḡaḡ i* (ряд, отряд); со славянскими: русское «вереница» и т. д.

Для данного памятника характерным является также и сложение вышеуказанных равнозначных слов, например, *liudwerod* в значении «люди», «народ». Словосложений такого типа в нем очень много: например, *manwerod* (масса людей, народ); *liudvolk* (народ), где *liud* полностью синонимично слову *volk*; *liudkunni* (народ), причем слово *kunni* встречается чрезвычайно часто и как самостоятельное слово в значении «народ», а во множественном числе в значении «люди»; *mankunni* (народ), где *man*—«человек», «люди»; *gumkunni* (народ), где *gum*—«народ», «человек»; *liudstamm* (народ), где *stamm*—«народ, племя». Но кроме многочисленных сложных слов—в большинстве своем плеонастических об-

разований—используется много простых слов в значении «народ»; scola (община, отряд), gibrak (шумящая толпа), hwarf (толпа), brahtum (толпа), gimang (толпа); kraft (толпа, отряд), menegi (множество людей), thiod (народ), hegi (народ) и другие.

Свидетелями древних языковых контактов являются так называемые парные сращения, которые наблюдаются в каждом языке, типа «комони-лошади», «стѣжки-дорожки», «кремень-камень», «бог-владыка», «путь-дорога», «трын-трава», «трава-мурава» и тому подобное. Каждый член такого парного сращения обнаруживает свои индивидуальные этнические связи. Так, например, в сращении «путь-дорога» слово «путь» является лексико-семантической общностью всех индоевропейских языков так называемой группы «сатем» (сравни: санскритские *pántha-s* (дорога), древнеперсидское *panṭā* (дорога), прусское *pintis* (дорога), армянское *hup* (дорога). В группе «кентум» данное слово отражается лишь в некоторых германских языках: английское *path* (путь), древневерхненемецкое *pfad*, новонемецкое *Pfad* (тропинка), и является, по мнению Вальде и Покорного, заимствованием из какого-либо иранского языка.¹ Можно согласиться также и с Клуге, который считает это слово в германских языках заимствованием из какого-либо скифского диалекта,² так как иранский характер скифского языкового комплекса весьма убедительно доказывается В. И. Абаевым в работе «Осетинский язык»³. Слово «дорога» в значении «путь» выступает только в восточно-славянских и западнославянских языках. В старославянском и сербском языках слово «драга» означает «долина». В балтийских языках это слово не обнаруживается, а что касается германских языков, то связь данного слова с немецким глаголом *tragen* (нести), с древнеисландским *draga* (тянуть) представляется нам слишком отдаленной, чтобы считать ее проявлением непосредственного языкового контакта.

В сращении «комони-лошади» слово «лошадь» зафиксированное впервые в Лаврентиевской летописи, является южнорусским словом и обнаруживает связи только с тюркскими языками. Что касается древнерусского слова «комонь» и его варианта «конь», то оно объединяет все славянские языки и обнаруживает их связь с балтийскими языками через древнепрусскую форму *kamnet* (лошадь). Доказательства контактов с другими индоевропейскими языками отсутствуют полностью.

В сращении трава-мурава—слово «трава» является общим достоянием славянских языков и обнаруживает, как это ни странно, контакт только с одним индоевропейским языком — с армян-

¹ См. Walde — Pokorny. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Bd. II, S. 26.

² См. Fr. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. В переработанном Геце издании 1934 года эта точка зрения Клуге не огражена.

³ См. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, 1949.

ским, где слово *araut* означает «луг»¹. Семантические переходы трава—луг или луг—трава закономерны, доказательством тому является хотя бы слово «мурава», которое в украинском, болгарском, в польском языках означает «луг». Слово «мурава» является свидетелем языкового контакта в древности между славянскими и балтийскими языками, сравни: древнерусское «мурава» трава и белорусское «мурава» в значении «трава», литовское *maurai* (болотная трава), латышское *mauga, maugs* (трава около дома). В парном сращении «трын-трава» слово «трын» проявляет связи с древнеиндийским языком, где слово *ṛgn-as* означает «трава».

Происхождение парных сращений древнего типа объясняется, видимо, тем, что разноязычные племена, между которыми существовала хозяйственная или политическая связь, были вынуждены в целях лучшего взаимопонимания объединять в процессе коммуникации слово из языка одного племени с равнозначным словом из языка другого племени. Вероятность этого предположения особенно наглядно подтверждается примерами парных сращений из германских языков, где, как правило, один член сращения является только германской общностью, не обнаруживающей контакта с другими индоевропейскими языками, а другой член обнаруживает более или менее широкие связи с отдельными группами индоевропейских языков. Так, например, в немецком парном сращении *Grund und Boden* (шведское *grund och botten*) в значении «земля» слово *Grund* (дно, земля) является общегерманским достоянием без достоверной связи с другими индоевропейскими языками, тогда как *Boden* обнаруживает материальную и семантическую связь не только со всеми германскими языками, но и с древнеиндийским *bhūdhnā* (дно, основа), армянским *բլու* (основа, дно) и даже, возможно, со старославянским словом «дно», возникшим, по всей видимости, путем отпадения первого слога из праславянской формы *бъдно. Анализируя индоевропейские соответствия, можно предположить, что данное парное сращение в германских языках возникло в скифскую эпоху в результате контакта с праславянским, возможно, с сарматским населением.

То же самое можно сказать и о немецком парном сращении *Art und Weise* «вид», «образ действия». Слово *Art*, которое мы находим в средневерхненемецком языке в значении «способ», «вид» и в реликтовом состоянии в древнеисландском в сложном слове *ein-ardhr*—(простой, однотипный), имеет неоспоримые связи с древнеиндийским *ṛtá* (подходящий, правильный), *ṛtām* (святой порядок), *ṛti-h* (способ, вид), с древнеперсидским *arta-* (закон, право), авестийским *aša-* (правильный, правдивый), с армянским *art* (структура, орнамент), а также со славянским словом «род», которое означает «вид», «вариант» (например, русское выражение «в своем роде») и «семейная организация». Как и в примере со сло-

¹ Связь слова *trava* и армянского слова *araut* доказана лингвистом Педерсеном.

вом Boden в сращении Grund und Boden мы видим связи немецкого слова Art с индоиранскими языками через Кавказ, при каком то соприкосновении со славянским языковым комплексом. Второй член этого сращения Weise (способ, вид) является достоянием только западногерманской группы языков: древневерхненемецкое wisa, старосаксонское wisa, древнефризское wis. Контакт этого слова обнаруживается только с романскими языками, например: итальянское guisa, французское guise. Но этот контакт более позднего происхождения, и здесь мы имеем дело с заимствованием из германского языкового комплекса.

Шведское парное сращение glädje och gamman, означающее «радость» состоит также из двух равнозначных слов, с различными связями. Слово glädje (радость) является общегерманским и в то же самое время обнаруживает контакты со славянскими языками: сравните древнеисландское gládhг и древнесаксонское gládmôd, древневерхненемецкое прилагательное glát (гладкий, блестящий). Славянские языки обнаруживают это слово, главным образом в значении «гладкий», а не «радостный». На этом основании Клуге и Геце считают, что первоначальным значением слова было «гладкий», но в русском языке слово «гладкий» имеет значение «благополучный», «удачный», а производным, последующим значением является «радостный». Однако, наличие парного сращения древнего типа в шведском языке говорит о другом. В сращении «glädje och gamman» первое слово соотносится со словом gamman, которое никогда не имело значения «гладкости». Следовательно значение «радость» является очень древним, так как парные сращения относятся к древнейшим пластам словарного состава языка. Поэтому следует согласиться с Вальде и Покорным и рассматривать форму glädje, как позднейшее расширение дентальным звуком корня ghlo-ghlê-, имевшего своим исходным значением «блестеть». Расширенный корень ghládh-, ghládh- со значением «блеска» еще до контакта славянских и германских языков получил производное значение «радость», с одной стороны, и «гладкость», с другой. Может быть, эта семантическая нечеткость древнего слова glädje вынуждала древнешведский языковой коллектив уточнять его прибавлением слова gamman, которое было распространенным словом в значении «радость» в древнегерманских языках, но не выходило за пределы германского языкового комплекса. Правда, слово это мы встречаем в некоторых древних германских языках со многими значениями, которые, однако, ассоциативно тесно связаны с основным значением «радость», сравните: древнеисландское gamman (радость, веселье, сладострастие), древневерхненемецкое gaman (радость, игры, шутка).

Слово glädje уточнялось в шведском языке также и другим словом, а именно lust в сращении lust och glädje где lust являлось общегерманским словом с абстрактным значением от корня las. Сравни: готское lustus, англосаксонское, древневерхненемецкое, древнефризское lust, древнеисландское lyst (радость). В других

индоевропейских языках связи со словом непосредственно не существуют, только сам корень отражается в санскрите и в славянских языках, в частности в русском слове «ласкать».

Несколько иные связи проявляются в шведском парном сращении *eder och löften* (клятвы). Слово *ed* (клятва) является общим достоянием германских языков, но в них это слово проникло из кельтского языкового комплекса еще в период так называемого общегерманского языка. Соответствия в германских языках следующие: готское *aiths*, древнеисландское *eidhr*, англосаксонское *âth*, древнефризское и древнесаксонское *êth*, новонемецкое *Eid*, английское *oath* и т. д. Все эти формы служат основой для реконструкции исходной общегерманской формы *aitha-z* и протогерманской **oi-to-s*, что согласуется с древнеирландской формой *oeth*. Слово *löfte* (обет, клятва) является собственно германским новообразованием; помимо скандинавских языков, мы встречаем его в немецком в форме *Gelübde* (обет, клятва), которое прослеживается в письменных памятниках с XI века (слово зафиксировано у Ноткера). Однако, есть основания предполагать что слово существовало в немецком языке и в более раннюю эпоху: на основании колебаний в грамматическом роде слова Клуге считает возможным реконструировать древневерхнемецкую форму *gilubidi*. Клуге высказывает также то мнение, что *Gelübde* является исключительно немецким новообразованием по типу *Behörde* (учреждение) от глагола *behögen* (выслушивать). С этим, однако, нельзя согласиться хотя бы потому, что в названном шведском парном сращении мы имеем форму *löfte*, полностью совпадающую с основой слова *Gelübde*, как в звуковом, так и в смысловом отношении. Кроме того колебания между женским и средним родом в данном случае говорят скорее о том, что слово, не имея словообразовательной родни, по своей форме ассоциировалось постепенно в сознании немецкого языкового коллектива с глаголом *geloben* (обещать), который под влиянием этой ассоциации сам изменил свое значение, сблизившись с семантикой слова *Gelübde*, что происходит лишь в XV веке.

Но еще больший интерес, чем анализ парных сращений, представляет выявление древних языковых связей на материале наименований предметов, являющихся определенными достижениями в развитии древней материальной культуры. Так, например, в индоевропейских языках пеструю и загадочную картину представляют обозначения понятий «руда», «медь», «железо». В группе многочисленных синонимичных наименований указанных металлов перекрещиваются влияния самых разнообразных языков индоевропейского происхождения. В значительную часть индоевропейских языков проникло сумерийское слово *igid* (медь), которое сейчас живет в русском слове «руда», в украинском прилагательном «рудый», в немецком слове *rot* (красный), в слове *Rost* (ржавчина) и т. д. Обозначения основных цветов в индоевропейских языках

тесно связаны по своему происхождению с названиями металлов¹. Связи данных индоевропейских слов с сумерийскими *igud* не подвергаются сомнению, расхождения среди языковедов имеются в вопросе, кто у кого заимствовал данное слово—сумерийцы у индоевропейцев или индоевропейцы у сумерийцев. Шрадер², например придерживается теории индоевропейского субстрата в сумерийском языке, другие исследователи например, Ипсен³ высказывают уверенность в сумерийском происхождении слов руда, руды, *got* и т. д. Возникает в связи с этим вопрос, когда индоевропейцы имели контакт с Сумером. Распространение данного звукового комплекса для обозначения понятия, связанного с таким важным достижением человеческой культуры, каким является добыча руды, меди, железа, по всей территории расселения индоевропейских народов говорит в пользу того предположения, что контакт с Сумером был до эпохи распада индоевропейского языка-основы на отдельные самостоятельные ветви. Так, в санскрите мы имеем: *gôhita* (красноватый), *lôhâ* (красный, красноватый металл, медь, железо). Во всех других языках индоевропейской семьи корень *geudh* выступает в соответствующих звуковых вариациях в зависимости от фонетических законов каждого конкретного языка в одном и том же значении «красный»: сравните латинское *tubidus* (темнокрасный), диалектальное *tufus* (светлокрасный), греческое *erevdo* (окрашиваю в красный цвет), литовское *gaudas*, древнеисландское *gaudR*, готское *gauths*, древневерхнеирландское *guod* (красный) и т. д.

Сравнительно-исторический анализ этого языкового факта и исследование особенностей его географического распространения позволяет сделать очень важный вывод, что индоевропейский языковый комплекс существовал как таковой уже в V—VI тысячелетии до нашей эры, то есть в период, когда Сумер находился на

¹ Так, например, русское слово «зеленый» восходит к общиндоевропейскому корню *ghel* (*ghel-*), который отражается в отдельных индоевропейских языках, с одной стороны, в формах со значением «золото», с другой стороны, в словах, обозначающих зеленый или желтый цвет, например: санскритские *hari* (желтый, зеленовато-желтый) и *hiranya* (средний род) (золото), авестийское *zagaу* (желтый) *zagaу* (средний род) (золото); в германских языках: старонорвежское *gulR* (желтый), старосаксонское, древневерхнегерманское *gelo* (желтый) и готское *gul* (средний род), старонорвежское *gull*, *goll* (средний род), англосаксонское, старонорвежское, древнесаксонское, древневерхнегерманское *gold* (средний род) (золото), в балтийских языках: литовское *zalias*, латышское *zâl's*, прусское *saligan* (зеленый) и латышское *zelts* (золото), восточно-литовское *zaltas* (золотой); славянские языки: старославянославянское «зелень», словенское *zelen*, болгарское «зелен», сербохорватское *zelen*, чешские *zeleny* (зеленый) и старославянославянское «злато», словацкое *zlato*, болгарское «злато», сербохорватское «злато», чешское *zlato*, польское *złoto* (золото). Слово «желтый» в русском языке и соответствующие формы в других славянских языках являются вариантами того же самого корня.

² См. O. Schrader. *Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde*, Straßburg, 1901—1921 ff. SS 55, 175, 491.

³ Gunther Ipsen. *Der neue Sprachbegriff*. «Zeitschrift für Deutschkunde», 1932, S. 14—15.

высшей точке своего расцвета. Произведенные в 20-х годах нашего века раскопки в Пенджабе и Синде показали значительную зависимость древнеиндийских цивилизаций от современной им месопотамской культуры. Археологи датируют процветание как культуры Махенджодаро (Синд), так и культуры Хараппы (Пенджаб) 3250—2750 гг. до нашей эры. Характерным для этих культур является сумерийский стиль строительства многоэтажных зданий.

Лингвистический анализ печатей того периода, проведенный чешским ученым Б. Грозным, позволил Грозному прийти к заключению, что имена собственные на этих печатях носят, как правило, ярко выраженный месопотамский характер.

Однако, сумеро-индоевропейский контакт, отраженный в соответствии *игид* — руда, должен был, видимо, иметь место еще до эпохи процветания указанных цивилизаций на территории древней Индии, так как к этому периоду внутри так называемого индоевропейского языка-основы уже совершился процесс обособления некоторых языковых групп. Индоевропейско-египетские лексические соответствия, возникшие, как доказывает Форрер¹ в IV тысячелетии до нашей эры в результате лувийской экспансии в Египте, характеризуются в основном тем, что имеют облик языкового комплекса индоевропейских языков, обнаруженных в письменных памятниках архива хеттских царей. Что же касается распространения вариантов индоевропейского корня, отраженного в русском слове «руда», то оно свидетельствует, как уже сказано, о том, что этот корень мог возникнуть только до периода полного обособления языковых групп индоевропейской системы, так как он наличествует во всех индоевропейских языках и на нем отразилось в полной мере влияние соответствующих фонетических законов в каждом отдельном индоевропейском языке.

О чрезвычайно раннем наличии данного корня в индоевропейских языках говорят также и результаты системного и географического анализа языковых фактов. Анализ индоевропейской синонимии показывает, что индоевропейские языки по общности обозначений понятия «руда» распадаются на отдельные группы, которые являются заимствованиями из разных языковых источников. Так, во многих индоевропейских языках, исключая славянские, балтийские, армянский и техарский языки, функционировало для обозначения понятия «меди» и «руды», слово, представленное в латинской форме *aes*, (родительный падеж *aeris*), которое является древнейшим наименованием острова Кипр. Индоевропейский корень этого слова *aios* представлен в древних индоиранских языках в значении металла вообще и железа, в частности, санскритское *ayas*, авестийское *ayant*, сюда же относятся и германские наименования руды и железа, как то: немецкие *Erz* и *Eisen*. Но почему при охвате индоевропейских языков этим словом исклю-

¹ См. E. Forrer. Stratification des langues et des peuples dans le Proche-orient préhistorique, Journal «Asiatique», Paris, 1930, pp. 229—252.

чается огромная территория балто-славянских народов? Потому ли, что слово «руда» сохраняется в славянских языках в значении металла, а в других языках оно является обозначением только красного цвета? Ответ на этот вопрос осложняется тем, что в несколько более позднее время в небольшой группе языков, где представлено слово *aes*, *aeris* наблюдается новое заимствование, конкретное отражение которого мы находим в латинском слове *сиргит*, в немецком слове *Kupfer* (медь). Это заимствование в свою очередь является наименованием острова Кипр, но только в его более новом варианте. Греческое слово *kurpion* (медь) послужило основой для образования латинского *сиргит*, в первом веке нашей эры слово из латинского языка проникло во многие германские языки, которые в отношении этого слова объединяются с романскими языками.

Характерно, что славянские языки занимают особое место в отношении наименований важнейших металлов. Так, например, они не контактируют с германскими и кельтскими языками в заимствовании латинских *aes* и *сиргит*. Для наименования меди у них своё собственное слово—«медь»—,этимология которого не представляется достаточно ясной. По всей вероятности это слово является еще одним из многочисленных языковых элементов, сближающих славянские языки с иранским языковым комплексом, потому что слово «медь» близко к самоназванию древней Персии, которая, подобно Кипру, была местом добычи меди в древности. Правда, данное слово в большей степени согласуется по звуковому составу не с древнеперсидским словом *mâda-*, а с древнегреческим названием древнего государства персов. Можно согласиться с предположением известного советского ираниста В. И. Абаева, что славянское слово «медь» было первоначально этногеографическим названием и лишь позднее оно переосмыслилось в наименование понятия металла, по тем же самым семантическим законам, которые мы наблюдали на вышеприведенных примерах латинских названий железа и меди. Однако едва ли можно считать, что это этнографическое название было заимствовано славянами из греческого языка. Скорее всего источником как славянского, так и греческого слова был язык какого-либо скифского племени или группы племен, живших на северном побережье Понта.

В сопоставлении со всеми вышеизложенными фактами интересно также и заимствование из языка какого-то припонтийского населения. Это заимствование в первоначальной форме *ghel(e)gh* образует общее достояние греческого, славянских и балтийских языков, причем оформлено это слово в каждой из этих трех языковых групп согласно фонетическим законам древнейшего развития этих языков, что позволяет делать вывод о независимости этого заимствования от греческого языка в балтийских и славянских языках.

Заимствование произошло в глубокой древности, еще до распада индоевропейских языков на группы «кентум» и «сатем».

По законам греческого языка звук gh принимает форму X, поэтому мы имеем в греческом χαλκος, в критском kalxos со значением «медь», «бронза»; в славянских языках: русское «железо», сербско-хорватское zeljezo и т. д.; в балтийских языках: литовское—gelezis, латышское dzelzs, древнепрусское gelso (железо). Данное заимствование имеет, как видно, измененное значение. Первоначальное значение было, видимо, «медь», «бронза», так как в греческом языке имеются следы ассоциации этого корня с красным цветом, например, слова χαλχῆ, χαλχῆ (красный моллюск).

Это общее заимствование является свидетельством того, что славянский этнический комплекс, под каким бы этническим наименованием он не выступал, существовал в районе Черного моря в эпоху до нашей эры. Конечно, можно было бы использовать данный пример для подтверждения северной теории происхождения греков, но последние лингвистические данные решительно противоречат этому. Расшифровка критоминойских надписей II тысячелетия до нашей эры и их лингвистический анализ показывают, что греческий этнический комплекс находился уже в столь отдаленные от нас времена в средиземноморском районе. Язык этих надписей, хотя не является собственно греческим, но носит характер языка близко родственного греческому.

Таким образом, соотношения древней индоевропейской синонимии для обозначения меди и железа показывают разные контактирующие группировки народов или племен в разные эпохи существования индоевропейской семьи языков. Уже на их примере можно сделать вывод, что взаимосвязи славянских, балтийских и германских племен были наиболее тесными в период, относящийся к началу нашей эры. Это подтверждает также и четкое обособление славянских и германских языков от всей остальной семьи индоевропейских языков в отношении обозначений других двух металлов, показательных для уровня древней культуры: серебра и золота. Если индо-иранцы, кельты, греки, армяне и другие объединяются использованием в своих языках корня, отражение которого мы находим в латинском слове argentum (серебро), то славянские, балтийские и германские языки имеют свою общность, отраженную в русском слове «серебро», в древневерхненемецком silabar и ивонемецком Silber, готском silubrg, в древнеисландском silfr, в древнепрусском silablan и т. д. При этом большинство исследователей склоняется к тому мнению, что исходным источником этого слова является славянский языковый комплекс.

То же самое наблюдается и в отношении понятия «золото». Праформа ghltō является источником только славянских, балтийских и германских обозначений золота. Так, мы имеем старославянское «злато», русское «золото», латышское zelts, готское gulth древнеисландское goll, gull, древневерхненемецкое gold и т. д. При анализе этих славяно-германских соответствий становится также очевидным, что возникновение данной общности относится к очень древней эпохе, т. е. эпохе, предшествующей образованию звуковых

особенностей славянских языков, характерных для языковых групп «сатем». Что же касается этнического источника звукового комплекса со значением «золото», то этим источником не могут быть германцы, а могут быть только носители славянских и балтийских языков. Для данного предположения имеются следующие основания: реконструированная на основе славяногерманских вариантов форма *ghlto* является по своему морфемному образованию отглагольным прилагательным на *-to* с первоначальным значением «желтоватый». Помимо форм в санскрите, обозначение оттенков цвета образованиями причастного типа наблюдается в балтийских языках, например, в литовском *baltas* (белый), *rus-tas* (коричневатый). Причем мы здесь наблюдаем именно то древнее состояние суффикса *-to*, когда этот суффикс был связан не с глагольными основами, а только с именными. Партиципно-вербальное значение этого суффикса явилось позднейшим новшеством в славянских языках и новшеством весьма недолговечным. Сейчас этот суффикс при глагольных основах представляет собою пережиточное явление в славянских языках, тогда как в германских языках он получил широкое распространение в причастии прошедшего времени при глаголах слабого спряжения.

Итак, мы видим, что в лексике путем сравнительно исторического и географического анализа языковых фактов можно вскрыть древнейшие контакты народов и материально-культурную основу этих контактов. Каждый язык, особенно на древней ступени своего развития, обнаруживает исключительно большое богатство равнозначных слов. Исследование слов равного значения показывает, что каждое из них имеет свои собственные соответствия в языках других народов. Особенно ярко разноязычные связи синонимов проявляются в парных сращениях древнего типа.

Анализ синонимов без учета культурной ценности воплощенных в них понятий даст очень интересный познавательный материал о связях народов в древности, но полное восстановление картины доисторической жизни народов может быть достигнуто только тогда, когда дополнительно привлекаются синонимические ряды слов, отражающие в своей семантике важнейшие предметы материальной культуры древнейших времен, как-то: металлы, земледельческие орудия, культурные злаки и тому подобное. Индоевропейский словарный состав предстает перед нами не как нечто единое, а как сумма отдельных пластов, из которых каждый группирует по-своему языки разных народов, контактирующих друг с другом в отдельные эпохи; установить примерное время этих контактов позволяют определенные звуковые законы.

Так, проанализированный выше словарный материал, объединяющий в себе обозначения металлов, показывает своеобразную культурно-языковую общность на территории южнорусских степей и причерноморских районов в период, когда индоевропейские языки еще не знали деления на группы «сатем» и «кентум». А это разделение индоевропейских языков относится к очень отдаленной

эпохе, так как языковой материал архива хеттских царей, датируемый вторым тысячелетием до нашей эры, уже обнаруживает как языковой комплекс «сатем» (например, иероглифический хеттский), так и комплекс «кентум» (например, клинописный хеттский язык).

Столь отдаленную от нашей эпохи дату древнейших культурных и языковых контактов в этом районе подтверждают и названия сельскохозяйственных орудий. Так, например, термин «соха» проявляет лингвистические связи почти со всеми языками индоевропейской системы. Однако, в большинстве из них соответствующий слову «соха» звуковой комплекс не имеет значения сельскохозяйственного орудия, а только более раннее значение «сук», «палка», например, древнеиндийское слово *ṣākhā* (сук), готское *hōha* (ветвь), армянское *ṣax* (ветвь), литовское *šakà* (сук), латышское *sakne* (корень),¹ и лишь в славянских языках слово в несколько своеобразной звуковой форме (повидимому первоначальное **saksâ*) получило значение сельскохозяйственного орудия; (сравните русское соха—«столб» и «соха», древнерусское соха — пахотное орудие, дубина, кол, земельная мера; белорусское—соха—орудие, украинское соха — столб, мера пахотной земли, польское *socha* — соха, столб).

Указанное слово в славянских языках является их древним достоянием, потому что оно контактируется с некоторыми реликтивными элементами в германских языках. Из германских языков данное слово в форме *hoha* (мужской род) «соха» встречается один раз в памятниках готского языка, именно в евангелии от Луки (9,62) и, в уменьшительной форме, в древневерхненемецком языке *huohilî*, от которой можно воспроизвести форму *huoho* (соха). Сопоставление германских форм со славянскими показывает, во-первых, что общность в данном слове возникла до германского перебора согласных, в результате которого «k» перешел в h, а во-вторых, что эта общность существовала еще в тот период, когда славянские языки не имели звуковых особенностей языков «сатем». В отношении времени действия германского передвижения согласных существуют разные точки зрения, наиболее древней датировкой в лингвистической литературе является V век до нашей эры. Что касается деления индоевропейских языков на группы «кентум» и «сатем», то это деление, с точки зрения современного сравнительно-исторического языкознания, не было единым и одновременным актом, а происходило, видимо, в разные эпохи в отдельных языковых группах. Судя по состоянию письменных памятников языков хеттской группы, процесс формирования звуковых черт языков «кентум» и «сатем» начался задолго до второго тысячелетия до нашей эры. Когда этот процесс начинался в славянских

¹ Русское слово «сук» хотя и стоит в некотором родстве с указанными словами, но восходит к назализованному корню, который в древнеиндийском имеет соответствие *ṣankûs* (кол, палка, свая).

языках, сказать трудно, но во всяком случае — в тот период, когда славянские языки существовали под каким-то другим этническим названием на территории Южной России.

Славяно-германской общностью является слово «плуг». Как предполагает М. Гейне, немецкое слово Pflug (плуг) и его другие германские соответствия являются заимствованием из неизвестного языкового комплекса. Можно предположить, что это заимствование произошло где-то в южном или юго-восточном районе Европы. Это слово имеет повсеместное распространение в славянских языках; сравните: болгарское плуг, плуженица (то же самое), сербское plug, чешское pluh, польское plug, верхне-лужские ľuh, полабское pleug, словенское plug, древнерусское плугъ. При этом следует обратить внимание на то, что в славянских языках уже в древний период их существования это слово обладало семьей производных, например, в древнерусском языке мы встречаем производное плугарь (пахарь), плужити (пахать). В германских языках слово носит ярко выраженный характер заимствования. Плиний в своей «Естественной истории» указывает, что жители Ретии, находившейся к югу от верхнего Дуная и с XV века до нашей эры являвшейся римской провинцией, имели своеобразное орудие на колесах для вспашки земли, которое обозначалось словом *plautogati*. Клуге считает, что именно из Ретии слово было заимствовано германцами через лангобардов. Действительно, первые примеры этого слова мы находим в лангобардских документах на латинском языке в VII веке нашей эры, причем слово имеет латинское грамматическое оформление: *plovus*, *flous*. Из лангобардского языка слово проникает в древневерхненемецкий язык в результате исторически зафиксированного контакта лангобардов с древними баварцами, начиная с VI века. В древневерхненемецком языке мы также наблюдаем колебания между передвинутыми и неподвижными формами: *pluog*, *ploh*, *fluog*, *fluoc*. Именно VI веком, то есть датой контактов лангобардов, баварцев и алеманцев, датируется обычно период действия второго, т. е. древневерхненемецкого передвижения согласных. По поводу этого передвижения немецкий лингвист Бринкманн справедливо замечает:

«Изменения в составе согласных древневерхненемецкого языка появляются прежде всего у лангобардов, баварцев и алеманцев. Были сделаны попытки доказать баваро-лангобардскую общность, которая проявляется в языковом материале, также и в государственной экономической, культурной и духовной жизни. Эта общность настолько велика, что хотелось бы говорить о баваро-лангобардской сфере культуры... Мощностъ лангобардских позиций основывается как раз на том, что лангобарды приннесенное ими средневропейское наследство соединяют с византийско-восточными элементами...

...Приток восточных элементов культуры, которые нашли свое распространение именно через эту группу, — все эти моменты объясняют растекание звуковых новшеств за пределы южноне-

мецких городов, а тем самым они объясняют и языковое движение с юга на север. Передвижение согласных есть нечто большее, чем просто фонетический феномен; в отношениях, которые оно предполагает, оно дает и освещает важный отрезок истории»¹.

Едва ли можно сомневаться, что слово «плуг» получило частичное распространение в германских языках через посредничество лангобардского языка. Однако мнение о связи этого слова с латинским *plauogati* не может быть поддержано в силу фонетического несоответствия. Возможно, что первая часть самого латинского слова является рефлексом какого-то слова восточноевропейского языкового комплекса, близкого к славянскому слову «плугъ».

Точка зрения многих германистов, что слово «плугъ» в славянских языках является древнейшим заимствованием из германских языков, не приемлема уже потому, что в VI—VII веках контакт южнонемецких племен с восточнославянскими племенами мало вероятен, а севернонемецкие, восточно и северногерманские племена в этот период не могли дать славянам этого слова, так как не имели его сами. В старосаксонском и англосаксонском языках мы встречаем в этом значении или слово *erida* или слово *sulh*, в готском—*hoħa* и т. д. Северногерманское *plogR* (плуг) и англо-саксонское *ploh* получают распространение примерно в конце X и начале XI века.

Таким образом, в германских языках мы наблюдаем все черты движения данного слова именно как заимствования, тогда как в славянских языках это слово является их исконной самостоятельной общностью, которая сильна продуктивностью своих форм. При этом следует обратить внимание на тот факт, что движение слова по славянской территории могло быть только с юга на север, а не с севера на юг, так как это слово не проникло в балтийские языки со стороны славян; литовцы заимствовали это слово от германцев в более позднее время, о чем свидетельствует звуковая форма литовского слова *plingas*.

В заключение статьи хотелось бы еще раз подчеркнуть, что рассмотрение индоевропейской лексики в движении и взаимодействии ее отдельных элементов имеет принципиальное значение для нового выявления древнейших центров материальной культуры, а также этнических контактов на основе определенных достижений в развитии древней материальной культуры. Вновь созданный предмет, как и его обозначение, не остаются в пределах одного племени или народа, а распространяются на смежных территориях в результате экономического или политического контакта населения этих территорий. Наблюдение над движением, распространением языкового обозначения способствует созданию представления об особенностях языковых союзов отдаленных от нас эпох и о материально-культурной основе языковых контактов.

¹ H. Brinkmann. Sprachwandel und Sprachbewegungen in althochdeutscher Zeit, Jena. 1931, S. 216—217.

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ S И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЛАРИНГАЛЬНОЙ ТЕОРИИ¹

Индоевропейская система шумных согласных отличается подвижностью своих фонетических свойств, хотя в целом фонологическая модель и основные противопоставления внутри нее обладают устойчивостью. Фонетические изменения одних фонем как правило сопровождалось сдвигом других, которые занимали освобождающееся место в фонологической системе языка. По всей вероятности, германские передвижения согласных являются продолжением и завершением фонетических тенденций, свойственных индоевропейскому состоянию. Целый ряд индоевропейских языков обнаруживает явления, аналогичные германским передвижениям согласных. В разной степени эти тенденции проявляются в армянском, хеттском, догреческом, фракийском и кельтском языках. Несмотря на обилие точек зрения по данному вопросу, в науке все более начинает преобладать мнение, что сдвиг германских согласных—скорее последняя страница сравнительной грамматики индоевропейских языков, чем начало сравнительной грамматики германских языков². Некоторые данные позволяют предполагать, что передвижение согласных пережил и индоевропейский язык-основа. Исключительная редкость звука *b* не позволяет реконструировать этот звук в праязыке, в индоевропейской системе взрывных, таким образом, приходится постулировать лауну, рационально объяснить происхождение которой можно только через древнейшие изменения согласных доиндоевропейской эпохи³. Только один индоевропейский шумный согласный звук стоит, казалось бы, в стороне от этих тенденций, это *s*. Индоевропейское *s* фонологически противопоставлено почти всей системе остальных шумных согласных, входя лишь в ряд зубных *t-d-dh*. Положение *s* в известной мере аналогично положению «ларингальных».⁴

¹ Доклад, прочитанный на заседании кафедры.

² См. J. Fourquet. *Les mutations consonantiques du germanique*, Paris, 1948.

³ См. H. Pedersen. *Die gemeinindoeuropäischen und die vorindoeuropäischen Verschlusslaute* — *Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, Historisk-filologiske Meddelelser*, bind 32, nr. 5. København, E. Munksgaard, 1951.

⁴ Индоевропейская система шумных согласных в данном виде предложена В. В. Ивановым.

Если фонеме *s* не свойственны тенденции, вызывавшие сдвиги согласных в индоевропейских языках, то естественно встает вопрос, по каким закономерностям развивался этот звук в различных индоевропейских языках и, вообще, можно ли говорить о закономерностях в его развитии.

S твердо устанавливается в индоевропейском языке на основании большого числа примеров. *S* часто используется в морфологии (например, для образования 2 лица единственного числа, аориста, именительного падежа и т. д.), достаточно часто оно встречается в корнях. Например, в середине слова—Индоевропейское **dʰers*: древнеиндийское *dharṣati* (он решается), греческое *θέρσος* (дерзость), готское *ga-dars* (смелый), литовское *drasù-s* (смелый). Индоевропейское **deks*: древнеиндийское *dakṣinas*, греческое *δεξιός* готское *taihswa*, латинское *dexter*, старославянское *дєсьнь* (правый). В начале слова.—Индоевропейское **sneigh*: авестийское *snae-zat* (идет снег) ирландское *snecht*, готское *snaïws*, литовское *sne-gas*, старославянское *снѣгъ*. Индоевропейское **septm*: древнеиндийское *saptá*, греческое *ἑπτά*, латинское *septem*, древнеирландское *secht*, готское *sibun*, литовское *septyni*, старославянское *сєдмъ* (семь) и т. д.

Проследим некоторые факты развития *s* в различных индоевропейских языках. В индо-иранском *s* давало шипящую *š* после *i*, *u*, *g*, *k*; так, мы имеем в этой позиции древнеиндийское *какуминальное š*, авестийское *š*, например, древнеиндийское *vakṣyam* (я буду говорить), гатское *vaxšya*, где *k* дало спирант *x* по ассимиляции. *S* после *a* в абсолютном конце слова давало *h*.

В доиранском индоиранское *s* в начале и середине слова в большинстве случаев дало *h*, например: авестийское древнеперсидское *hama* (равный), древнеиндийское *samá*; авестийское *haepa*, древнеперсидское *haipa* (войско), древнеиндийское *sepa*; авестийское *ahi*, древнеперсидское *ahu* (ты есть), древнеиндийское *así*; авестийское *rahi*, древнеиндийское *ra-si* (защищаешь) и т. д. В начале слова *s* перед *g* также давало *h*, которое потом отпадало, например, древнеперсидское *gautah* (ручей), древнеиндийское *strotas* (ручей), индоевропейское *sreu* (течь). Важно для последующего изложения отметить, что в абсолютном начале слова перед согласным доиранское *š* < *s* представляло как *xš*: авестийское *xštat* (стоит), древнеиндийское *á-asthat*, авестийское *xšva* (шесть), авестийское *xšma* (им) и древнеиндийское *yušma*¹.

В армянском индоевропейское *s* сохраняется перед *t*, *k*, перед *x* (из более раннего *kH*) и в некоторых других случаях, например: армянское *sterj* (яловый), древнеиндийское *stari*, греческое *στείρα*

¹ См. Chr. Bartholomae. Grundriss der Iranischen Philologie, Strassburg, K. Trübner, 1901, I, стр. 36. Ср. ero же Arica I, Indogermanische Forschungen I, стр. 185—187. Arica III, Indogermanische Forschungen II, стр. 260—262; H. Reichelt. Awestisches Elementarbuch, Heidelberg, 1909, §§ 103, 160, 174. K. Brugmann, B. Delbrück. Grundriss der vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen, Strassburg, 1897, I, 2, § 837, стр. 739.

(бесплодный), албанское štjere (телка), латинское sterilis (бесплодный), готское stairo; армянское astl (звезда), древнеиндийское str, греческое ἀστὴρ, латинское stella, готское stairpo и т. д.; армянское sxalem (блуждаю), древнеиндийское skhalate (он блуждает), греческое σφάλωμαι (я заблуждаюсь). Перед гласными в начале слова s либо выпадает, либо отражается как h: армянское hip (старый), древнеиндийское sápas, греческое ἔννι, латинское senex, древнеирландское sen, готское (превосходная степень) sinistra, литовское senas и т. д.; армянское evtn, древнеиндийское saplá (семь), греческое ἑπτὰ, латинское septem и т. д.; армянское al (соль), греческое ἄλς—s, латинское sal, старо-славянское соль и т. д. Между гласными s выпадает, например армянское khoir (сестра), древнеиндийское svasa. В этом же примере представлен переход su->kh—Сочетания sr и ps переходят в придыхательное rh, например, арм. phoit (рвение), греческое σποιδή армянское pharat, греческое σποράς (разбросанный). В конце слова после гласной s в армянском отпадает, предварительно перейдя в h. Следует отметить, что в армянском как h отражается (помимо s) и индоевропейский ларингальный. Это черта, сближающая армянский язык с языками анатолийской группы. Сравни: клинописное хеттское huhha, иероглифическое хеттское huha (дед), ликийское хуга (дед по матери), армянское haw, латинское avus (дед).

В греческом s остается неизменной перед взрывными глухими согласными, после ρ, λ, в конце слова и в некоторых других случаях: греческое ἦσα (он сидит), древнеиндийское aste, греческое лесбосское θέρσος — индоевропейское *dherš (смелость), греческое ἄλσος (роща)—старославянское лёсь В начале слова перед гласными s дает h, перед сонантами—то же изменение с последующим выпадением h (<s), перед m в начале слова s иногда остается, например, греческое ἄλς (соль)—латинское sal, Меж гласными h<s выпадает, например ἦα (я был)—древнеиндийское asam. Весьма вероятно, что в прагреческом s и h являлись вариантами одной фонемы¹: «Перед взрывным и после него, а также в конце слова индоевропейское s произносилось как s, в начале слова перед гласной и в интервокальной позиции—как h. Эти два, с фонетической точки зрения разные, звука средствами фонологии могут быть сведены к первоначально единой фонеме»¹.

¹ s и h являются единой фонемой в эвенском языке. В корейских диалектах крайнего севера звуку s литературного корейского языка перед гласными переднего ряда соответствует х, например, корейское литературное sepa (считать) и северное диалектальное х'epa. В китайских заимствованиях в корейском языке китайский палатализованный глухой заднеязычный спирант также отражается, как s.

² См. W. Merlingen. Das «Vorgriechische», Wien, 1955. Ср. рецензию В. В. Иванова на книгу В. Мерлингена, «Вопросы языкознания», 1955 г. № 6 стр. 125

В албанском индоевропейское *s* не сохранилось ни в одной позиции как *s*. В начале слова оно проявляется как *š*, *h*, *gj*, *th*, которые являются отражением более раннего *x* (<*s*), например, албанское *šat* <**sekti*, латинское *secula*, древневерхненемецкое *seh* (мотыга), старославянское *сѣк-* (секу); албанское *helk* (я тащу), греческое *ἔλκω* (я тащу), латинское *sulcus*, древнеанглийское *sulh* (плуг), албанское *gjaqreg* (змея), древнеиндийское *ságrati*, греческое *ἔρπω* (я пресмыкаюсь), латинское *serpo*; албанское *gjalp* (масло), древнеиндийское *sarpis*, готское *salþon* (маслить), албанское *gjak* (кровь), литовское *sakai*, старославянское *сокъ*, албанское *than* (сохну), литовское *sausas*, старославянское *соухъ* и т. д.

В славянском¹, так же как и в индоиранском, *s* после *g*, *k*, *i*, *u* отражается как *x*, дававшее *š* перед гласными переднего ряда например, старославянское *блѣха*—литовское *blusa*, старославянское *мѣхъ* (мох)—литовское *musos*, древневерхненемецкое *mos*, латинское *muscus*; старославянское *мышь*—древнеиндийское *mus*, греческое *μῦς* латинское *mus*, древневерхненемецкое *mus*, старославянское *лѣха* (гряда)—литовское *lyse*, готское *laists* (коля), латинское *de-ligus* и т. д.

В кельтских языках индоевропейское *s* частично перешло в *h*, частично сохранилось как *s*. В галльском и древнебриттском языках предполагается наличие слабо артикулированного звука, среднего между *s* и *h*, но на письме отраженного как *s*. Сохранившийся в ирландском звук *s* произносится с палатализацией как *š* перед губным в начале слова, ирландское *h<s* имеет вариант *x*. В начале слова перед гласным *s* сохраняется в ирландском, но в предложении может быть ослаблено до *h*, в бриттском из вариантов *s/h* победил вариант *h* приблизительно в начале римского господства, например, ирландское *sam* (лето), валлонское *haf*, корнское *haf*, бретонское *hanv*—древневерхненемецкое *sumar* (лето), греческое *ἡμέρα* (день), древнеиндийское *sama* (год); ирландское *sesc* (сухой), валлийское *hysb*, бретонское *hesp*—авестийское *hišku* (сухой) и т. д. Переход *s>h* характерен также и в других позициях.

В итальянских языках, так же как и в германских, *s* остается неизменным², если отвлечься от явлений синкопирования, озвончения и связанного с этим ротацизма. Отражение *s* в хеттском языке требует особого рассмотрения и мы к нему вернемся позже. Эти факты, уже давно зафиксированные сравнительной фонетикой ин-

¹ Об индоевропейском *S* в славянских языках см. статью Х. Педерсена в «Indogermanische Forschungen», 5, стр. 33 и сл.

² Следует указать, что в латинском индоевропейское начальное *S*, синкопируясь перед *l*, *m*, *n*, отражается как *f* перед *g*. М. Майерхофер предположил, что переход *s>f* имел место и перед *l* с последующим выпадением *f*, см. «Indogermanisch—SL-im Lateinisch», Archivum Linguisticum, v. 4, f. 2. Ср. разбор этой точки зрения в статье О. Szemerényi, «The Indo-European Cluster -SL-in Latin», там же v. 6, f. 1.

доевропейских языков, показывают удивительное единство фонетической тенденции. За исключением италийских и германских языков везде первоначальное *s* давало звук типа *x*, который либо палатализовался и переходил в шипящий, либо просветлялся, становясь придыханием *h*, либо оставался заднеязычным щелевым *x*. И при отражении *s* как шипящего *š*, последний артикулярно остается близок к заднеязычному спиранту (см. выше, например, авестийское *xštat*). Подробнее этот процесс мы можем представить следующим образом. Первоначальное *s* приобретало все более заднюю артикуляцию и ослаблялось до *x*; одновременно могла происходить палатализация *x* в *x'*. При дополнительной палатализации это *x'*, в положении после гуттуральных или сонантов в индоиранском и между гуттуральным или сонантом и гласным переднего ряда в славянском, становилось трудным для произношения, теряло заднеязычную артикуляцию и переходило в шипящий с переднеязычной артикуляцией. Подобный процесс превращения заднеязычного в переднеязычный под воздействием палатализации мы видим в некоторых северорусских говорах, где сильно палатализованное «*k'*» дает «*t'*», например, «жат'ётка» вместо «жак'ётка». Логически также возможен и процесс $s > \check{s} > x$, предполагаемый А. Мартине¹, однако линия развития $s > x, h$ при $s > x' > \check{s}$ в палатализующей позиции более вероятна. Прежде всего тенденция $s > h, x$, как следует из приведенного выше материала, распространена гораздо шире. Изоглосса *š* идет по палатализующим языкам (типа «сатем»)² и безусловно связана с палатализацией. В славянских языках мы имеем *š*, а не *x* перед гласными переднего ряда, ср. мѣхъ, но мышь, т. е. как раз в позиции, где обычно наблюдается палатализация. Индоиранское шипящее *š* после сонантов и *k* также хорошо объясняется палатализующим действием последних. Более заднее произношение *s* и его палатализация—это две стороны одного и того же процесса, хотя для превращения первоначального *s* в шипящий в славянском языке требуется бо́льшая ступень палатализации, чем в индоиранском: в славянском шипящий возникает после сонантов и *k* перед гласными переднего ряда, в индоиранском — вне зависимости от воздействия последующего гласного.

Закономерность перехода *s* в *x* или в *h* свойственна, как мы видели, широкому ареалу индоевропейских языков, ее нет только в италийских и германских. Факт отсутствия в италийских и германских языках тенденции $s > x$ легко объясняется, если рассматривать фонологическую систему этих языков в целом. В италийских и германских языках *s* не могло развиваться в сторону заднеязычного глухого спиранта, так как в этом направлении развивались в

¹ См. A. Martinet. Concerning some Slavic and Aryan Reflexes of Indo-European S. Word, vol. 7, 1951. Сравним его же Economie du Changement phonétique, Bern, 1955, стр. 239—340.

² A. Meillet. Dialectes indo-europeennes, Paris, 1922, p. 3.

этих языках индоевропейские гуттуральные; индоевропейское $gh >$ латинское h , например, латинское *hostis* (враг), готское *gasts*, русское «гость»; индоевропейское $k >$ германское h , например, греческое *δέκα*, готское *taihun* (десять). Таким образом, в германских и италийских языках столкнулись две фонетические тенденции, причем одержала верх региональная итало-германская тенденция. Очень важно, что и s претерпевает в этих языках сходные фонетические изменения. Именно в этих языках наблюдается ротацизм, тенденция развития в сторону сонанта, т. е. линия развития прямо противоположная $s > x$; ср. латинское будущее время *erit* наряду с настоящим — *est* и германское древнеисландское *egum* (1 лицо множественного числа настоящего времени) и готское *est* (3 лицо единственного числа) от глагола «быть». Эти факты нельзя считать простым совпадением, как то делала младограмматическая школа, признававшая взаимосвязь фонем в речевом потоке на основании ассимилятивно-диссимилятивных связей, но не поднимавшаяся до понимания связи фонем в фонологической модели языка. Комбинаторные взаимоотношения звуков речи — это лишь одна из причин, вызывающих то или иное фонетическое изменение. Если в одной группе индоевропейских диалектов тенденция $s > x$ проявилась в позициях после k, g, i, u (общая черта славянских и индоиранских языков), а в других диалектальных группах она не проявилась (например, в германских и италийских языках), то причину этого следует искать в том или ином развитии всей фонологической системы данных языков, определяемом в конечном счете нуждами общения данного языкового коллектива. «...Сдвиг звуков происходит не независимо от нужд коммуникации и одним из факторов, который может определить их направление и даже их возникновение, является первичная необходимость обеспечения взаимного понимания путем сохранения требующихся для этого фонематических противопоставлений»¹.

Каждая фонема обладает акустически обычно целым рядом оттенков, располагающихся вокруг определенного центра, определенной артикуляции, которая закрепляется, нормализуется. Иногда в своих фонематических отклонениях, часто вызванных комбинаторным воздействием других фонем в речевом потоке, одна фонема приближается к центру, к наиболее характерной артикуляции другой фонемы, тогда, если нет внешних комбинаторных причин этого сближения, или они выпали из языка, две фонемы совпадают, однако иногда вторая фонема как бы отодвигается, в свою очередь меняя свою артикуляцию. Происходит сдвиг ряда, столь характерный, например, для германского консонантизма. Графически это можно изобразить следующим образом. Допустим у нас есть I, II, III, IV — четыре возможных в языке артикуляции и A, B, C, — три фонемы. Первоначальное положение таково.

¹ A. Martinet. *Function, Structure and Sound Change*, «Word», vol. 8, No. 1, April, 1952, p. 5.

I	II	III	IV
A	B	C	

Затем происходит сдвиг одной из фонем.

A	B	C
---	---	---

Тогда при определенных условиях происходит совпадение фонем B и C, но иногда происходит сдвиг всего ряда и из фонем A, B, C с артикуляциями I, II, III образуется ряд A', B', C' с артикуляциями II, III, IV:

II	III	IV
A'	B'	C'

А. Мартине в цитированной выше статье различает два типа таких динамических систем, где одна фонема как бы «тянет» за собой другие и где она как бы «выталкивает» их из артикуляционных центров. В тех случаях, когда в фонологической системе образуется лакуна (артикуляция I в нашем теоретическом примере), то какая-либо другая фонема X, акустически наиболее близкая, стремится занять это место в фонологической модели языка, т. е.:

I	II	III	IV
X	A'	B'	C'

Фонема в своих фонетических вариантах стремится к наибольшей противопоставленности в фонологической системе языка.

«Теория воздействия модели (pattern attraction) может быть соответственно суммирована в положении, что фонемы какой-либо фонологической модели имеют тенденцию к наибольшему противопоставлению внутри модели, насколько то позволяют конфликтующие факторы»¹. Возвратимся теперь к описанной выше фонетической тенденции $s > x, h$. Очевидно, что эта тенденция не могла проявиться в итальянских или германских языках, так как соответствующая лакуна в системе уже была занята в результате $gh > x > h$ в латинском и $k > kh > h$ в германском. Трудно сомневаться, следовательно, в том, что эта тенденция имеет индоевропейский характер. Она проявляется в очень широких как хронологических, так и географических рамках — от индоиранского до кельтских языков начала нашей эры. В целом ее распространение шло, видимо, по направлению с юго-востока на северо-запад евразийского материка. Какими историко-фонологическими причинами было вызвано возникновение этой тенденции? В индоевропейском языке не было, как известно, заднеязычного глухого спиранта x , он развивался позднее либо из s , либо в отдельных словах очень ограниченной семантической группы из сочетания k с ларингальным. Например, в индоевропейском глаголе «хихотать» — древнеиндийском $kakhati$ из * $kNakNati$, греческое $\chi\alpha\chi\acute{\alpha}\omega$ армянское $хах\alpha\eta k h$, старославянское $хохоть$. Эти немногие слова по преимуществу звукоподражательного характера и они не могли оказать существенного влияния на систему языка. Таким образом представляет-

¹ A. Martinet. Function, Structure and Sound Change, «Word», vol. 8, No. 1, April, 1952, p. 20.

ся абсолютно несомненным, что возникновение в индоевропейских диалектах тенденции $s > x$, h связано с существованием или возникновением лакуны в индоевропейской фонологической модели на месте заднеязычной глухой щелевой артикуляции. Очень важно с этой точки зрения, что индоевропейское z —звонкий вариант s возникавший перед звонкими взрывными, хотя и палатализуется в индоиранском, но нигде не отражается как заднеязычный звонкий спирант, так как близкая артикуляция уже имелась у так называемого звонкого придыхательного (спиранта?) gh .

Такие выражения, как «фонема стремится к наибольшей интеграции» или «фонема стремится занять пустующее место в фонологической модели языка», не следует толковать телеологически, приписывать фонеме что-либо подобное свободе воли и т. д. Если отсутствие в фонологической модели индоевропейского языка заднеязычного глухого спиранта вызывало определенную тенденцию развития у s , то этот факт должен получить конкретное фонетическое объяснение. Сибилянт s , поскольку он акустически отличается от шипящего \check{s} , может быть либо передне-дорсальным, либо апикальным. В первом случае щель возникает между передней частью спинки языка и альвеолами верхних зубов, во втором случае звук артикулируется на том же месте, но кончиком языка. Для индоевропейского языка-основы можно предполагать одну из этих артикуляций¹. В процессе речи у разных индивидов, особенно у детей, в разных фонетических условиях фонема может иметь варианты, отклонения от обычного произношения. Если индоевропейский язык не имел в какой-то определенный период x или h , то очевидно, что любая ошибка в произношении, заключающаяся в отведении языка назад, не вызывала нарушения коммуникации и, следовательно, не корректировалась языковым коллективом, так как смещения с какой-либо другой фонемой возникнуть не могло. Так возникла фонетическая тенденция озвончения и палатализации s , приводившая к изменениям, конечными результатами которых были x , h , \check{s} . Если предположение В. Мерлингена² о более заднем и палатализованном произношении индоевропейского s верно, то указанная тенденция становится еще более вероятной.

Можно задаться вопросом, почему же проявилась тенденция сдвига именно в сторону x , ведь в индоевропейском языке равным образом не было, по всей видимости, и зубного спиранта³. Думается, это можно объяснить тем, что заднеязычная спирантная артикуляция не была абсолютно чужда индоевропейскому языку-основе. В индоевропейском существовали «ларингальные» фонемы. Ряд данных заставляет предполагать, что ларингальные приближались артикулярно и акустически к заднеязычному

¹ См. А. Martinet. *Economie du changement phonétique*, стр. 236—237.

² См. В. Мерлингген, *ук. соч.*, стр. 27.

³ См. Э. Бенвенист. *Le problème du th indo-europeen*. «Bulletin de la société linguistique de Paris», vol. 38, f. 1, N 112, 1937.

спиранте х или придыханию h. Поэтому возникновение и распространение в различных индоевропейских диалектах тенденции $s > h$, х представляется возможным связать с процессом выпадения ларингалных. В компаративистике последних десятилетий в качестве рефлекса ларингалных рассматривается, помимо возникновения долгих гласных, также появление в индоиранском, греческом и других языках ряда глухих придыхательных ph, th, kh, появление протетической гласной в греческом, закон Хольцмана в германских языках. Нетрудно заметить, что хронологические рамки, к которым могут быть приурочены эти явления, хорошо согласуются со временем появления тенденции в сторону заднеязычного спиранта у индоевропейского s. Курилович рассматривает возникновение ph, th, kh из pН, tН, kН (где Н—ларингалный) как индоиранское явление¹. Тенденция образования заднеязычного глухого спиранта из s также, видимо, проявилась именно в позднем индоиранском и нашла свое завершение в совпадении авестийского $x < s$ и авестийского $x <$ индоиранского kh. Два изменения $s > h$ и $kh > x$ параллельны и вызваны одними и теми же структурными причинами. Они не могли стать контрастирующими (сравни, например, латинский $gh > h$), так как звук kh встречался сравнительно редко и функциональная нагрузка противопоставления $kh-s$ в индоиранском была невелика. В славянском был тот же процесс, так как фонема х здесь соответствует индоевропейскому S и индоевропейскому kН.

Возникновение протетической гласной в греческом языке из ларингалного и переход начального s в глухое придыхание — это также явления хронологически близкие. Так Хаммерих² показал, что в греческом языке существовало систематическое противопоставление начальных am и m, hm, где $hm < sm$, причем тот факт, что процессы перехода s в придыхание и вокализация ларингалных в протетический гласный были хронологически смежными, доказываются некоторыми случаями, когда индоевропейское s отражается как протетическая гласная, например ὀλιστανω (яскольжу) от индоевропейского корня sleidh/sleibh- (ср. древнеанг-

¹ Из ассимилятивных явлений Курилович делает заключение, что в индоевропейском не было противопоставления по глухости-звонкости между bh, dh, gh и p, t, k, т. е. что с точки зрения глухости-звонкости bh, dh, gh так же нейтральны, как и сонанты, поэтому и нет в индоевропейском корней типа tebh- —или bhet. В раннем индоиранском bh, dh, gh, плюс глухой взрывной давали bdh, ddh, gdh, а не pth и т. д., как следовало бы ожидать, если бы в индоевропейском существовал ряд ph, th, kh. Во время индоиранской диссимилиации придыхательных противопоставление по сонорности уже возникло, на что указывает диссимилиация индоевропейского bheudh- в древнеиндийское bodhati. С другой стороны отдельные соответствия в славянском, армянском и латинском языках, на которые указывает Стертевант в статье «Индоевропейские глухие придыхательные», предполагают наличие ph, th, kh < pН, tН, kН и в этих языках. Видимо, ряд глухих придыхательных независимо развивался в разных языках. См. Kurylovicz. Etude indo-europeenne, Crakow, 1935, стр. 46—56 и 254—255. Sturtevant, The Indo-European voiceless aspirates, Lg., vol. 17, N 1, pp. 1—11, 1941.

² L. L. Hammerich. Laryngeals before Sonnants, § 5—Det Kongelige Danske videnskabernes selskab, Hist.-fil. med., b. 31, nr. 3, København, 1948.

лийское *slidan* (скользить), русское «след»). Существуют формы и без протетической гласной, например, греческое *λείος* (гладкий), *λείμαξ* (слизняк,) (ср. русское «слизняк»). Здесь обычный случай беглого *s*, которое перешло перед сонантом в *h* и потом отпало. Так как процесс возникновения протетического гласного из ларингального был еще достаточно живым в языке, начальное *λ* с выпавшим перед ним придыхательным было воспринято как *λ* с выпавшим ларингальным.

В 1941 году Хенри Л. Смитом¹ было замечено, что слова, имеющие в германских языках удвоение по закону Хольцмана, в других языках могут быть представлены с долгим корневым гласным. Это позволило дать закону Хольцмана объяснение при помощи ларингальной теории, которое исходит из того, что в протогерманском языке еще существовали либо ларингальные, либо их рефлексы в виде сильно аспирированных полугласных. Очевидно, что если это так, то в германском не было структурных причин для возникновения у *s* тенденции перехода в заднеязычный спирант, а когда указанные выше звуки выпали, уже безусловно начался переход *k > kh > h*, а следовательно эта тенденция не могла осуществиться. Однако здесь мы приходим, казалось бы, к непреодолимому хронологическому противоречию. С одной стороны, замечательное удлинение гласных и изменение их тембра, связываемые с выпадением ларингальных, отмечаются уже в древнейших индоевропейских языках, что оказало значительное влияние на структуру корня в индоевропейском, на всю его морфологическую структуру. Это явление следовало бы отнести к эпохе индоевропейской общности. С другой стороны, явления консонантизма показывают на относительно позднее выпадение ларингальных уже в пределах отдельных индоевропейских языков. Эти явления, как правило, не были морфологизованы ни в одном индоевропейском языке. Если с исчезновением ларингальных связаны такие далеко отстоящие друг от друга факты как закон Хольцмана и возникновение глухих придыхательных внутри индоиранской группы, то очевидно, что это исчезновение происходит на базе уже отделившихся индоевропейских языков. Данные о времени появления в отдельных индоевропейских языках тенденции перехода *s* в *h*, *x* косвенно подтверждают это.

Думается, что в отношении отражения ларингальных индоевропейский язык-основа прошел ряд этапов. Первоначально в нем существовали звуки, называемые нами ларингальными, но их влияние на качество соседнего гласного еще не проявлялось. На это состояние указывает ряд открытых Хенигсвальдом примеров на выпадение ларингального после древнего индоевропейского префикса *s-* без влияния на качество последующего гласного². На-

¹ H. Smith. The Verschärfung in Germanic, «Language», vol. 17, N 2, 1941.

Sturtevant. Indo-hittite Laryngeals, Baltimore, 1942.

² 1941. См. так же Н. М. Hoenigswald, Laryngeals and S-movable, «Language» vol. 28, N 2(1).

пример, греческое ἀρχος (защита), ἀρχέω (помогаю), латинское arx (крепость), arceo (охраняю), армянское argel (препятствие), хеттское harkanzī (они имеют) — это формы, показывающие влияние ларингального на гласный, — и греческое ἔρχος (стена, защита), где мы имеем неизменный вокализм «е», так как Н выпал после s. В латинском слове sarcio (исправляю, чиню) гласный восходит к редуцированному (sHьrk-). Ларингальные в этот период видимо представляли собою гортанные звуки, обладавшие либо веллярным, либо палатальным, либо лабиальным компонентом (в зависимости от гласного), который позднее воздействовал на последующую гласную. Затем ларингальные теряют указанный выше компонент, соответственно изменяя последующую гласную. Осуществляется процесс, который Курилович обобщил как $N_1 + e = e$, $N_2 + e > a$, $N_3 + e > o$. Там где указанный компонент не изменял последующего гласного, ларингальные переходили в долгие, сильно аспирированные hw и hj (т. е. w и j, обладающие очень сильной аспирацией), там же, где ларингальный изменял последующий гласный, он превращался в звук типа h или x как в хеттском языке, так как полугласный элемент отражался в изменении качества гласного. Звуки hw и hj сохраняются в протогерманском языке в определенных акцентных условиях, отражаясь в виде закона Хольцмана в германских языках. h также вокализуется (возможно не без участия слабого редуцированного звука) в позиции между согласными, в результате чего образуются так называемые корни типа set, например индоевропейское *gen H-ter откуда древнеиндийское jānīta, греческое γενετήρ (родитель). Затем все звуки, восходящие к первичным ларингальным (т. е. h или x, hw и hj) выпадают, вызывая удлинение предшествующего гласного. Звук h или x сохраняется в виде придыхания после глухих взрывных, образуя ряд ph—th—kh. После этого индоевропейское s получает тенденцию сдвига в сторону x, h.

В то время, как фонетическая система индоевропейского языка развивалась в этом, в общем и схематически очерченном направлении, от него отделялись в разное время различные диалекты, которые потом вторично могли контактировать с языком-основой и друг с другом, отчего в индоевропейских языках оказываются отраженными явления разных эпох. Поэтому нет абсолютно ничего методологически неверного в допущении того, что, скажем, в германских языках совмещаются следы и очень древних и гораздо более поздних процессов, связанных с исчезновением ларингальных.

Нам остается отметить то место, которое занимает хеттский язык с точки зрения соотношения между выпадением ларингальных и возникновением тенденции перехода s в x, h. Хеттский язык имеет фонему h, которая не обнаруживает почти никаких тенденций к выпадению. Согласно основному положению ларингальной теории, этот звук h (hh) и является отражением ларингальных. Примеры общеизвестны, мы приведем только некоторые из них:

Хеттское *hanz* (лоб), *hanti* (вперед), *hantezis* (первый). Ср. греческое *ἀντί* (напротив), латинское *ante* (перед); хеттское *harkis* (белый, блестящий), древнеиндийское *arjunaś* (белый), латинское *argentum* (серебро); хеттское *paḥs* (охранять), древнеиндийское *paśi* (хранишь), старославянское *пасти*, латинское *pasco*, *pavi* (пасу), тохарское *pask* (пасти) и т. д. Индоевропейское *s* сохраняется в хеттском языке (сочетание хеттского *t* любого происхождения с *s* дает аффрикату *ts*, изображаемую на письме как *z*), например, хеттское *smi*, древнеиндийское *asmī*, (я есмь) и т. д. В хеттском для обозначения *s* применяется знак *š*. Это объясняется некоторыми фактами аккадской клинописи, к которой восходит хеттская письменность. Применение графемы *š* со значением *s* нельзя считать отражением описанных выше тенденций, да они и не могли здесь проявиться в силу наличия в хеттском языке *h*.

Особого исследования требуют факты армянского языка, где сохранилось в некоторых случаях отражение ларингальных в виде *h* и в то же время проявилась, хотя и непоследовательно, тенденция перехода *s > x, h*. Эти факты можно объяснить диалектальным смещением, промежуточным положением армянского языка между хеттским и остальными индоевропейскими языками. Первый отделился от индоевропейского языка-основы ранее выпадения *x* или *h* с заменительным удлинением предыдущего гласного, но позже того, момента, когда ларингальные лишились элементов своей артикуляции, вызывавших изменения тембра последующих гласных. Среди других древних языков Малой Азии, материалы которых еще мало изучены, подобно армянскому, противоречивую картину дает ликийский¹.

В целом для индоевропейских языков оказывается справедливым правило, согласно которому тенденция перехода *s* в *h* проявляется там, где произошло выпадение ларингальных или их заднеязычных щелевых рефлексов и ни одна из других фонем не испытывала сдвига в том же направлении. Изменение типа *s > h* закономерно следует в индоевропейских языках за выпадением ларингальных. Процесс выпадения ларингальных косвенно, опосредствованно через фонологическую систему языка отражается в возникновении тенденции сдвига *s* в заднеязычный глухой спирант. Из сказанного не следует, что теоретически при любых условиях в языке, где отсутствует *h* или *x*, *s* должно переходить в *x* или *h*. Возникновение такой тенденции в индоевропейских языках объясняется конкретными чертами праязыковой фонетической системы, где *s* и ларингальные, как нам представляется, объединяясь по способу образования как спиранты, имели большое количество позиционных вариантов, смежных в артикуляционном и акустическом отношении.

¹ См. Н. Pedersen. Lykisch und Hittitisch — Det Kongelige Danske videns kabernes Selskab, Hist.-fil. Medd., b. 30, nr. 4, §§ 90—92, стр. 52—54.

РАБОТЫ АКАДЕМИКА М. М. ПОКРОВСКОГО В ОБЛАСТИ ЛЕКСИКОЛОГИИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

В связи с общим пониманием языка как системы взаимообусловленных, связанных и взаимодействующих компонентов, особое значение в современном языкознании приобретает системный анализ словарного состава, т. е. того компонента, который претерпевает наиболее быстрые и глубокие изменения и в силу своей специфики представляется наименее «системным». Однако, основания системного анализа лексики еще не могут считаться выясненными, хотя отечественные и зарубежные ученые и предприняли много интересных и поучительных попыток такого анализа.

Большинство ученых кладет в основу анализа так или иначе понимаемую идею смысловой группировки слов языка. Этот естественный подход к фактам лексикологии, несмотря на все свои положительные стороны, не дает «твердой почвы» для глубокого и всестороннего исследования всех проявлений лексики как системы. Так например, критерий контрастности, использовавшийся в трудах продолжателей Соссюра (Балли, Ульман), хотя и позволил охватить колоссальный лексический материал, все же не дал возможности вскрыть реальные основы системы лексики и ее закономерностей в развитии. Немецкие лингвисты, разрабатывавшие проблему семантического или лингвистического поля (Ипсен, Трир), дали ряд весьма интересных конкретных исследований по группам слов, но также не смогли показать «жизнь» словарного состава языка как целостной системы во всем ее многообразии. Из подобных попыток со всей очевидностью следует, что только в семантическом плане проблема решена быть не может; необходим учет других аспектов языка, вскрытие иных связей, лежащих в основе существования и функционирования системы лексики¹.

Крупнейший русский языковед А. А. Потебня задолго до появления работ западных ученых выдвинул мысль о наличии семантических рядов, не только группирующихся вокруг одного «предста-

¹ Изложение и критику взглядов указанных лингвистов см. в статье Т. А. Дегтерева «Системный анализ языковых явлений». Ученые записки МГПИИЯ т. VII, М., 1955, стр. 11—15. Автор справедливо указывает, например, что центром группировки слов является не субъективно понимаемое «смысловое содержание внешнего порядка», а корень определенной значимости (стр. 15).

вления», но и тесно связанных с грамматическими категориями. Вскрыв и показав в ряде случаев связь этих рядов или «цепей» с историей народа, его бытом и мировоззрением, он поставил проблему «законов перехода представлений» (т. е. общих закономерностей развития значений слов) и сделал попытку объяснить эти законы. Наконец, он связал эти ряды с конкретной историей словообразования¹. Таким образом, А. А. Потебня убедительно показал, что система лексики базируется не только на семантически-понятийной группировке, но одновременно определяется и другими взаимосвязями, среди которых важную роль играют закономерности и история словообразования. Правда, Потебня не ставил цель показать системность лексики; его анализ носит частный, а порой и случайный характер, будучи подчинен основному исследованию становления частей речи в плане его общей концепции развития языка; здесь важно отметить лишь самую постановку проблемы.

Многообразие связей, на которых покоится лексика как система, показал акад. В. В. Виноградов, вычленив пять «структурных скреп или связей» внутри словарного состава: «1) организующая и структурно-формирующая роль основного словарного фонда по отношению ко всей лексике; 2) группировка слов по частям речи; 3) группировка слов по словопроизводственным «гнездам» или сериям; 4) «идеографические» или предметно-смысловые, определяемые общностью, близостью или взаимодействием значений. связи, 5) экспрессивно-синонимические связи. Внутри каждой из этих групп имеются свои твердые закономерности или законы, создающие систему в лексике»². Таким образом, при системном анализе лексики следует учитывать каждый тип связи отдельно и всю их совокупность — во взаимодействии.

Очевидно, что разные типы связей играют разную роль в разных пластах лексики, различна роль и взаимовлияние вскрытых «скреп» в различных языках. «Группировка слов по частям речи» носит, например, вторичный характер в русском языке в том смысле, что почти полностью определяется связями словообразовательными. Каждый словообразовательный аффикс в русском языке «привязан» к определенной части речи: можно указать лишь единичные приставки, присоединяемые к разным частям речи (*пере-, рас-, архи-* и под.). В английском языке словообразовательные связи играют, очевидно, менее значительную роль; словообразователь-

¹ См. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, Харьков, 1899; его же. Этимологические заметки. «Живая старина», 1891. См. также: А. А. Булаховский. Потебня—лингвист. Ученые записки МГУ, вып. 107, т. III, кн. 2, 1946; В. В. Виноградов. А. А. Потебня, «Русский язык в школе», № 5—6, 1938.

² В. В. Виноградов. О некоторых вопросах исторической лексикологии. Доклад на совместном заседании сектора русского языка и группы общего языкознания в Институте языкознания АН СССР 26 марта 1953 и тезисы к нему. См. также: его же. Основные типы лексических значений слова. «Вопросы языкознания», № 5, 1953.

ных средств, обслуживающих разные части речи, в английском языке несравненно больше, чем в русском. В силу большого количества заимствованных слов в лексике английского языка особую роль играют синонимические связи. Роль «идеографических связей» в английском языке вообще больше, чем в русском; достаточно указать на распространение омонимии.

Словообразовательные связи являются наиболее устойчивыми и прозрачными. Интересно привести мнение В. Н. Сидорова (к сожалению еще не опубликовавшего свои взгляды по этому вопросу), настойчиво и прямолинейно указывающего, что структурной базой лексики являются словообразовательные категории со всеми их особенностями и закономерностями. Группировка богатства лексики по частям речи, с этой точки зрения, равно как и связь словообразования с грамматикой, не является определяющей и представляется следствием особенностей структуры каждого отдельного языка.

Таким образом, системный анализ лексики требует учета разных явлений, среди которых важнейшими представляются словообразовательные и семантические связи, «скрепляющие» лексику именно как систему и определяющие закономерности в развитии и изменении значений слов. Поскольку изменение значений слов вызывается к жизни потребностями общества, эти закономерности оказываются связанными и с историей носителя данного языка. При учете этих общих положений, признаваемых, как видно из нашего обзора, в настоящее время, и строил свой анализ лексики как системы и исторических закономерностей ее развития М. М. Покровский. Именно это и привлекает внимание современного исследователя к творчеству русского ученого, который первым в России и задолго до подобных работ на Западе дал стройную систему взглядов на развитие лексики, поставил важнейшие вопросы исторической лексикологии, связал их с историей словообразования и с историей народа и его быта, культуры. Решение им ряда вопросов не является, конечно, удовлетворяющим современное состояние науки, особенно при учете характерного для М. М. Покровского субъективно-психологического их толкования; однако, для нас важен сам факт их постановки. Кроме того, в работах Покровского имеется много правильных наблюдений и богатый материал, мимо которых современное языкознание не может пройти.

Академик Михаил Михайлович Покровский большую часть своей жизни (1869—1942) отдал Московскому университету, в котором он получил образование, а затем, с 1894 года по 1930 год, работал профессором. Будучи талантливым учеником и представителем московской лингвистической школы, работая вместе с Ф. Ф. Фортунатовым и Д. Е. Коршем, он разделял воззрения так называемого младограмматического направления в сравнительно-историческом языкознании.

Исходя из определения языка как исторически изменчивой психо-физической деятельности индивида, младограмматики строили

свой анализ языка, признавая основополагающими принцип звуковых изменений, действующий со слепой необходимостью, и огромную роль новообразований по аналогии. Эти два момента, по их мнению, определяют наличные в данный период формы языка, причины исключений надо искать в особых для каждого случая частных условиях. Фактор аналогии определяет все развитие языка — независимо от нашего сознания. По мнению младограмматиков, формы языка объединяются «в нашей душе» в различные категории на основе их взаимного сходства: так имена объединяются в типы склонения, глаголы — в типы спряжения и т. д. Несмотря на произвольно идеалистическую и субъективистскую трактовку, признание фактора аналогии толкало к конкретному исследованию, помогало вскрывать реальные законы развития языка.

Младограмматики изучали в основном только фонетику и морфологию, они рассматривали звуковые законы в полном отрыве от семантики слова, в отрыве от категорий лексикологии. М. М. Покровский, напротив, все свое внимание посвятил лексикологии и семантике. Он применил общие теоретические положения и методику анализа младограмматического направления для того, чтобы обнаружить общие закономерности в истории значений слов, принадлежащих к одной и той же морфологической или словообразовательной категории¹.

Излагая основные положения работ М. М. Покровского, стараемся выявить то позитивное, что может послужить дальнейшему движению науки вперед, подвергая критике малоубедительные положения и общефилософские недостатки ученого. Следует отметить, что в работах М. М. Покровского за чуждой нам младограмматической фразеологией нередко скрываются правильные и убедительные мысли и выводы.

В вводных главах своих основных работ («Семасиологические исследования в области древних языков», 1895; «Материалы для исторической грамматики латинского языка», 1898), а также в поздней статье «Соображения по поводу изменения значений слов», 1936 г. (на французском языке) М. М. Покровский сформулировал свою методику, выдвинув, прежде всего, требования: 1) «твердой научной почвы», т. е. систематического исследования каждой категории, 2) постоянного усовершенствования самих методов семасиологического исследования и 3) привлечения возможно большего материала для сравнения из разных языков, как древних, так и новых.

В основу семасиологического и словообразовательного анализа М. М. Покровский положил принцип, выдвинутый в общих чертах западными учеными Паулем, Вегнером, Дармстетером, Бреалем и

¹ Обоснование возможности перенесения метода исследований, выработанного для морфологических явлений, на явления семасиологические на основе единства психологических явлений языка вообще дано М. М. Покровским в статье «Вопросы из области семасиологии» «Филологическое обозрение», т. XII, 1897, стр. 65.

известный под названием «принцип семасиологической ассоциации или аналогии». Сущность этого принципа в следующем. При исследовании существующих в языке слов, их значений (особенно в историческом плане), а также новообразований бросается в глаза, с одной стороны, «наличие массы значений, которые приобретает отдельное слово», а с другой стороны, «сходство между этими значениями в ряде слов». Покажем это на конкретных примерах (здесь и в дальнейшем мы пользуемся примерами, разобранными в работах М. М. Покровского).

Если взять латинское слово *judicium*, то легко увидеть наличие в нем массы разных значений: суд, судопроизводство, приговор, совокупность судей, здание суда, а также суждение, способность судить и пр. Далее: слово *consilium* также имеет разные значения — совещание, совет, место совещания и пр. Подобное сравнение показывает, что вся «масса значений» не является произвольной, она наблюдается в ряде слов, сходных между собой (например, латинских отглагольных, принадлежащих к словообразовательному типу на *-um*). Это и есть один из случаев проявления «принципа семасиологической ассоциации»; важно подчеркнуть, что М. М. Покровский связывает его проявление с конкретным словообразовательным типом.

«Принцип ассоциации» может быть применен и вне рамок одного языка. Факты показывают, что в разных родственных языках «масса значений» связывается с отглагольными существительными. Немецкое слово *Gericht*, например, значит, как, впрочем, и русское слово *суд*, не только здание суда, но и совокупность судей и т. д. Русское *суд* хранит в себе и значение «суждение, способность судить» (ср. немецкое *Urteil* собственно «судебное решение», что значит «мнение», «суждение»). Применение указанного принципа при анализе словообразования и семасиологии разных языков вскрывает общие закономерности в развитии целых словообразовательных групп, оформляемых сходными, а часто и разными словообразовательными средствами.

Этот вывод, чрезвычайно важный для сравнительного анализа словарного состава разных языков, требует большого к себе внимания и дальнейшего изучения. Объяснение, которое дал М. М. Покровский, не может нас сейчас удовлетворить — он считал, что в основе этих ассоциаций лежит универсальная общность психофизической деятельности человека. Понятия, по М. М. Покровскому, живут в нашей душе не обособленно, а ассоциируясь между собой; соответственно и название людей, которые судят, переносится на здание, где они сидят, на решение, которое они выносят, и т. п. Поскольку духовная деятельность, «психические силы и направления» универсальны, то и типы значений, которые получает та или иная группа слов в разных языках, идентичны по своей схеме (об отступлениях см. ниже). Интересно, что конкретный анализ, производимый самим Покровским, заставляет сомневаться в истинности этих положений: М. М. Покровский последовательно строит

его при учете конкретных типов словообразования, выявляя аналогичные или сходные суффиксы и другие формальные элементы (не занимаясь, к сожалению, сходством или различием в истории самих этих элементов). Даже в тех случаях, когда одна и та же категория оформляется в разных языках различно, мы имеем все же дело с аналогичной словообразовательной категорией, например, отглагольные существительные; наконец, все приводимые факты относятся к родственным индоевропейским языкам. Все это подчеркивает необходимость более глубокого вскрытия законов развития самих языковых явлений. Закономерности, вскрываемые М. М. Покровским, отражают ход развития отдельных словообразовательных категорий в родственных языках, а отнюдь не «силы и направления» души универсального индивида.

Конкретные примеры, приводимые М. М. Покровским, подчеркивают именно это. Доказывая тезис о том, что семасиологические явления поддаются классификации, он видит объяснение этому факту в психике. «Наблюдения показывают, что одинаковые, довольно оригинальные значения вырабатываются в целом ряде языков, независимо друг от друга, одним и тем же путем»¹. Это верное в целом заключение следовало бы выводить не из «общности психической деятельности народов, носителей этих языков», а из фактически существующей аналогии в развитии сходных языковых категорий (в данном случае словообразовательно-семантических) в родственных индоевропейских языках. В дальнейшем М. М. Покровский ведь оперирует именно языковыми категориями: «Например, многие конкретно-индивидуальные имена, отчасти *nomina agentis* произошли из имен, обозначающих свойство предметов, или из *nomina actionis* — через посредство собирательного значения, развившегося в этих последних»². Латинское *magistratus* собственно «отправление должности, власть» могло употребляться и для обозначения одного лица, облеченного властью; промежуточное значение было собирательным. Точно также русское *прислуга*, первоначально употреблявшееся как обозначение действия (ср. услуга, заслуга) употребляется не только в собирательном значении («многочисленная прислуга», «12 человек прислуги», ср. дворня), но и в индивидуальном значении. Многочисленный ряд примеров позволяет утверждать, что подобные переходы значений характерны для развития категории собирательности во многих индоевропейских языках. Английское *youth* значит «юность» (качество или свойство), «юношество» (собирательность), «юноша» (обозначение индивидуального лица). Старославянское слово «юнота» также зарегистрировано во всех трех значениях; ср. в той или иной степени подводящиеся под эти три стадии однокоренные слова в других языках — готское *junda*, немецкое *Jugend*, латинское *juven-*

¹ М. М. Покровский, Семасиологические исследования в области древних языков, 1895, стр. 13.

² Там же, стр. 13—14.

та и пр. Русское и чешское «сирота» первоначально значило «сиротство», значение, сохраняющееся еще в чешском языке. Промежуточное собирательное значение, исчезнувшее из славянских языков, сохранилось в раннем славянском заимствовании в современном литовском языке *sirotá* и т. д.¹

Таким образом, важнейшими проявлениями «принципа семасиологической ассоциации» являются: 1) наличие массы значений в словах определенной группы (в основе которой лежит определенная словообразовательно-лексическая категория) и наличие строгой системы в этой «массе»; 2) наличие именно этих явлений, часто сходных между собой даже в деталях, в разных языках. В связи с этими проявлениями «принципа ассоциации» необходимо выяснить один вопрос, который, хотя и является побочным, играет большую роль в методике М. М. Покровского. Действительно, убедительно вскрываемую на нескольких примерах обязательную систему переходов значений бывает невозможно проследить в других словах этой группы. Так русское слово «сирота» обозначает конкретное лицо и ничего больше, т. е. имеет одно из трех возможных значений. В подобных случаях методика Покровского требует произвести специальный исторический анализ — привлекая данные истории этого слова в других языках (как в только что приведенном примере с русским словом «сирота») можно показать, что оно прошло (или хотя бы, что оно могло пройти) через все стадии. Таким образом, тот факт, что то или иное слово определенной группы закрепляется в языке данной эпохи в одном значении и не имеет (или теряет) другие, характерные для всей группы, не является опровержением закономерности и системы развития — игру случайностей эволюции нельзя сводить к хаосу развития словарного состава.

Надо выявлять и особо оговаривать при анализе и другие проявления «игры случайностей». В частности в том или ином слове может появиться, в силу особых условий, новое неожиданное значение, которое не характеризует системную закономерность всей группы. М. М. Покровский приводит яркий пример «несоответствия значений первоначально одного и того же слова в разных языках». Французское *mouche* значит «муха» и «шпион», причем последнее значение появилось в результате ассоциации со сходным по звуковому составу *mouchard* от глагола *mouche* — «тот, кто пронюхивает, пронюхает». Естественно, что в других языках, где подобной ассоциации не было, слово «муха» и не получило второго значения. Эти явления важны не только для того, чтобы отбросить

¹ Характерно, что вопрос о «стадиях» значений, через которые проходит большинство слов категории собирательности, обращал на себя внимание и других пытливых исследователей. Это, между прочим, лишний раз доказывает, что мы имеем здесь дело с явлениями самого языка. На образование собирательных слов из обозначений действия, а затем переход их в обозначения конкретных лиц обращал внимание А. И. Соболевский («Филологическое обозрение», III, 2, 159), А. А. Потебня («Из записок по русской грамматике», т. III, гл. V).

случаи, затемняющие закономерности переходов значений слов, они требуют и особого подхода к изучению производных слов вообще. Очевидно, что здесь ставится важнейшая проблема наличия омонимичных и полисемичных связей в системе лексики. М. М. Покровский, в согласии с младограмматическими воззрениями, остановился на подобных явлениях лишь для того, чтобы исключить их из сферы рассмотрения, как нарушающие стройность системы, действующей со слепой необходимостью (так же как законы фонетических изменений!) и регулирующей только указанными факторами («фактор аналогии»). Для нас же постановка вопроса важна и как указание на наличие и роль иных связей. Вопросы омонимии и полисемии являются далеко недостаточно исследованными. «Народная этимология», лежащая в основе приведенного примера омонимии является одной из закономерностей, которым подчиняется этот род «идеографических» связей.

Изучая системность лексики, надо не только сопоставлять слова одной и той же или сходных словообразовательных категорий, но и принимать во внимание часто индивидуально складывающиеся взаимоотношения производящих слов со словами производными и, в частности, сложными. «Новый суффикс или аффикс, который получают производные или сложные слова, может сильно изменить значение корня, вошедшего в состав производного или сложного слова, и, таким образом, разорвать семасиологическую связь между первичным и вторичным»¹. Так немецкий глагол *schrecken*, значивший некогда «скакать, прыгать», теперь имеет значение «пугать», но это новое значение не распространяется на сложное слово *Heuschrecke* (саранча, стрекоза).

На базе глубокого изучения той или иной словообразовательной категории, сущность которой состоит в особом типе, особой «схеме» реализации значений производящей основы и аффикса, и можно обнаружить те системные закономерности, которые управляют семантикой лексических групп производных слов и определяют семантику новообразований. Громадной заслугой М. М. Покровского явилось то, что он одним из первых обратил внимание на эти проблемы, привел яркие примеры, попытался дать им объяснение. Характерно, что здесь исследователь особенно решительно отходит от предвзятой идеалистическо-психологической концепции и занимается исследованием исторически меняющихся языковых закономерностей. Достаточно привести в качестве примера выполненный им блестящий исторический анализ слов с суффиксом «-тельн-ый» в русском языке².

Суффикс «тельн» является сложным, образовавшимся в результате переразложения; он выделился в прилагательных, произво-

¹ М. М. Покровский. Семасиологические исследования, стр. 7.

² См. использование этого анализа и его дальнейшее развитие в книге В. В. Виноградова «Русский язык» (1947, стр. 214), а также в кандидатской диссертации Ф. Г. Коровина «Прилагательные с суффиксом -тельн- в русском языке» (МГУ, 1955).

дившихся при помощи суффикса «н» от отглагольных существительных, оканчивавшихся на «тель» и имевших значение «принадлежащий, свойственный данному лицу» (наблюдательный — «принадлежащий наблюдателю» например, «наблюдательный пункт» — пункт наблюдателя. Ср. у Пушкина «соблазнительная честь» — честь соблазнителя и пр.). Переразложение наступает со сдвигом в значении этих прилагательных, причем рвется словообразовательно-этимологическая связь с существительными, оканчивающимися на -тель и устанавливается новая связь непосредственно с основой производящего глагола: «наблюдательный (от «наблюдать») — «способный наблюдать» в отличие от «старого» «наблюдательный» (от «наблюдатель»). Это «новое» значение, близкое по существу к значению активных причастий¹ (ср. «наблюдающий», а также «соблазнительный» — «соблазняющий») активно развивается со второй половины XVIII века и, так сказать, перевертывает всю семасиологическую систему русских слов на «-тельный»: образуются десятки новых слов, в старых словах появляется новое значение, порой сосуществующее со старым, в ряде слов подготавливается переход к развитию переносных значений и т. п. Данный пример ясно показывает, как процессы развития словообразовательной модели выступают в качестве основы определенной системы в семантике многочисленных и на первый взгляд совершенно разнородных по значению слов на «-тельный» на данном этапе развития языка; кроме того выявление продуктивного начала в этих процессах дает возможность предопределять и возможные значения новообразований².

М. М. Покровский и здесь видит ярчайшее проявление «принципа семасиологической ассоциации». В соответствии с младограмматическими воззрениями, в значительной мере игнорировавшими наличие закономерности действия самого словообразовательного типа, вызываемого к активности потребностями языка как формы мысли и средства общения, он в любом и каждом новообразовании видит ни что иное как лишь элементарное и обязательное проявление аналогии. Впрочем, понятие аналогии у Покровского не является чем-то абстрактным, говоря о нем, он не проходит мимо и чисто языковых закономерностей, правда, часто объясняя их соответственно духу своей общей концепции. Так для объяснения «непоследовательности» в действии аналогии при словообразовании им выдвигается учение о «факторе дифференциации», состоящем прежде всего в том, что «язык не терпит плеоназма» и

¹ На это обратил внимание еще А. А. Потебня, указывавший сходство этих новообразований на -тельный с активным значением немецких причастий типа *teizend, bedeutend* («Из записок по русской грамматике», т. III, стр. 400).

² Ср. «Пути семантической эволюции слов нередко определяются законами развития морфологических категорий... сдвиг в формах словообразования изменяет всю систему лексики». Б. В. Виноградов. Русский язык, 1947, стр. 16—17.

из нескольких тождественных выражений одного понятия удерживает только какое-нибудь одно¹.

Проявления «фактора дифференциации» многогранны; так например, в русских названиях действия дифференцируются два значения соответственно ассоциации с тем или иным залогом глагола, из которого извлекается производящая основа: «ссылка» (ссылка на поселение) при «ссылать» и «ссылка» (ссылка на источник, цитата) при «ссылаться»; ср. также «отзыв», «отбой» и пр. Морфологические связи между словообразовательными категориями определяют ход, направление и пределы семантического наполнения слов. В результате этой «дифференциации» отглагольные существительные и «совмещают в своей структуре отголоски переходных и непереходных, прямых и возвратных значений соответствующих глаголов». В русском языке, например, вообще отглагольные существительные не имеют ясно выраженной идеи залога; в существительных на «-ние», не осложненных суффиксами «-ива», «-ыва», «-ва», стираются не только залоговые, но и видовые оттенки². Само действие «фактора аналогии» здесь, по Покровскому, следует объяснять ассоциациями по сходству или противоположности самих понятий или значений.

Так, значение «похожий на что» есть в сущности модификация значения «имеющий что»; «в последнем случае обозначается, что предмет «обладает» другим «предметом», в первом, что он «обладает» отдельными «признаками» этих предметов. Дело в том, что с представлением о предмете и о слове, ему сопутствующем, мы соединяем представление не только обо всех, но и об отдельных, так или иначе характерных его признаках»³. Mellitus- тот, кто mel habet, т. е. «похожий на мед», «сладкий как мед», а восходит к значению «имеющий мед». Общее можно выразить как «наделенный медом или одним из его признаков». Ср. русские прилагательные «волнистый» — «полный волн» (волнистая река) и «волнообразный» (волнистая черта); «серебристый» — «закрывающий в се-

¹ Само по себе это положение вряд ли верно; ср. наличие в языке закономерных синонимических пар, состоящих из родного и заимствованного слова (промышленность—индустрия; проверять—контролировать); наличие так называемых «морфологических вариантов» (нагревальный—нагревательный; фиглярить—фиглярствовать—фиглярничать) и прочие подобные факты.

Отметим здесь, что М. М. Покровский полностью игнорировал «экспрессивно-синонимические связи». Указание на этот недостаток явилось единственным «рациональным зерном» ожесточенной, но в целом непринципальной полемики, которую вел с М. М. Покровским латинист А. Грушко (См. его «Исследования из области латинского словообразования», 1900 г.). Сам Грушко отмечал семантический параллелизм в развитии суффиксальных образований с общим исходным значением, который нарушается лишь борьбой синонимических конкурентов (См. его статью «Спорные вопросы из области морфологии и семасиологии». «Филологическое обозрение», XII, кн. 2, 1897 г.).

² См. В. В. Виноградов. Русский язык, 1947, стр. 117—118; 123.

³ М. М. Покровский, Материалы для исторической грамматики латинского языка 1898, стр. 38.

бе серебро» (серебристый свинец) и «похожий на серебро» (серебристый свет луны) и т. п.

М. М. Покровский приводит яркие и многочисленные примеры, как по-разному складываются взаимоотношения значения производящей основы и суффикса в семантике производимого слова, т. е. фактически занимается тонким и плодотворным анализом особенностей отдельных словообразовательных типов, в развитии которых наблюдаются и общие семантико-словообразовательные закономерности. Он указывает, что десятки русских прилагательных с суффиксом -н- совмещают в себе первоначальное индоевропейское значение этого суффикса принадлежности «относящийся к чему» и вторичное значение — «соединенный с чем», «полный чего»; «умный» значит теперь не «относящийся к уму», но «имеющий его» (умные глаза—«в которых светится ум», но раньше—«для описания родительного падежа»: глаза ума); «мирный» сохраняет старое значение в «мирный договор», но имеет новое в «мирный народ», переходом к чему является его значение в «мирная пора». В этой связи открывается и еще одно проявление «фактора дифференциации».

В «трудный», «людный», «сильный», «лестный», «влажный» и проч. современный язык удерживает только значение «полный чего»; это значение развивается главным образом у образований от отвлеченных существительных, а затем может распространяться и на другие образования. В прилагательных же, произведенных от глаголов и сохраняющих ассоциацию с соответствующим глаголом, развивается залоговое значение, близкое к значению герундива: разгонные лошади — «предназначенные для разгона» («почти» герундив). Залоговые значения сохраняются и реализуются в двух значениях в таких прилагательных, как «хмельной» («хмельной», т. е. охмелевший, напр. человек) и «хмельной» (т. е. охмеляющий, напр., напиток), «грозный», «спорный» и т. п., в которых основа может быть и отыменной и отглагольной («хмельной» от «хмель» или «хмелить»?). Таким образом, здесь «фактор дифференциации» воздействует, по мнению М. М. Покровского, на образование разных типов значений в «аналогичных» образованиях — фактически же мы имеем здесь дело с тонким анализом разных (!) словообразовательных моделей внутри одного словообразовательного типа, если типом называть словообразование, связанное с одним и тем же формальным словообразовательным элементом (в данном случае «-н»), а моделью—разные группы производящих основ, соединяющихся с этим элементом и соответственно дающих разные по семантике образования.

Кроме «фактора дифференциации», который применяется и для объяснения «непоследовательности» в «аналогичных» образованиях в разных языках (например, немецкие существительные на -schaft, -keit, -heit, обозначающие свойство предметов, могут иметь и собирательное значение, чего не наблюдается в русском языке, поскольку в нем существует дифференциация подобных имен со

«сходными по значению именами с другими суффиксами, например, «-ство»), М. М. Покровский выдвигает и некоторые другие факторы, например, влияние на семантические изменения слов синтаксических сочетаний.

Так, именно от синтаксических сочетаний зависела утрата русскими прилагательными на «-ючий» («-учий»), «-ячий» («-ачий») первоначального причастного значения, которое сохраняется еще в таких случаях как «плакучая ива», «зрячий человек», «пахучий цветок», но полностью утрачено в «горячая вода», «падучая болезнь» и т. д. «Понятное дело, — пишет Покровский, — что из подобных сочетаний может для данного имени выработаться значение, совершенно несовместимое с первоначальным»¹. Так, в немецком *billig* — собственно «приличный», «подходящий», «справедливый» (ср. *wie billig* — по справедливости, *recht und billig*) значение «дешевый» выработалось синтаксическим путем из сочетания *billiger Preis* т. е. «справедливая», а, следовательно, «неповышенная», «доступная» — «дешевая цена».

М. М. Покровский выдвигает и ряд других требований к методике анализа; они также основываются на внимательном изучении фактов языка, хотя автор и пытается дать им психологическое объяснение. Таковы указания на то что, семантическая история производных слов может находиться под влиянием изменений в семантике производящих основ; или на то, что к семантическим изменениям могут приводить постепенные изменения звуков речи и т. п.

Таким образом, «рациональным зерном» учения Покровского следует признать утверждение, что видимый «хаос» лексики подчиняется, подобно морфологическим фактам, определенным закономерностям, образующим систему. Все эти закономерности связываются с принципом «семасиологической ассоциации слов», или, если отбросить терминологию Покровского, с группировкой слов по словообразовательным категориям в соответствии с их историческими изменениями. Эти исторические сдвиги в развитии словообразования значительно усложняют лексическую систему языка, образуя все новые связи и направления. Исследователь должен изучать конкретные изменения и их последствия, их отражение в семантике групп слов и отдельных слов, т. е. «внутренние законы» развития словообразования и связанные с ними закономерности семантических изменений. Сюда относятся тенденция к унификации словообразовательных типов, рост продуктивности в одних случаях и утрата ее в других и т. д. и т. п. — т. е. весь комплекс вопросов, связанных с научным изучением словообразования в его истории, или то, что Покровский называл взаимодействием фактора аналогии с фактором дифференциации и другими более частными факторами. Как видно из нашего изложения, ученый и занимался тонким анализом этих языковых явлений, хотя и видел их объяснение в универсальной психологической деятельности.

¹ М. М. Покровский, Семасиологические исследования, стр. 93.

Значительное внимание М. М. Покровский уделил анализу закономерностей семантического развития группировок слов, не связанных с определенной словообразовательной категорией. Эта часть его наследия также представляется интересной и поучительной, хотя и является весьма субъективной и несравненно менее четкой, чем его исследование слов, объединяемых принадлежностью к определенной морфологической категории. Прежде всего, здесь встает вопрос выделения семантически родственных групп — действие «фактора семасиологической ассоциации», уже не связанное с объединением морфологически схожих слов, требует какой-либо новой конкретизации, являясь крайне субъективным и произвольным, ибо «психологически» можно объединить поистине любые слова!

Очевидно, что именно в этой части лексического анализа особое значение должно приобрести изучение «идеографических» связей, определяемых общностью, близостью или взаимодействием значений. Для плодотворного исследования необходимо дальнейшее уточнение понятий синонимии, омонимии и т. д. М. М. Покровский дает интересное решение: он вводит понятие «сфера представления». Здесь особое значение получает общий тезис М. М. Покровского: «Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются в нашей душе, независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению»¹.

Подобно тому, как например, прилагательные со значением «имеющий что» объединяются в одну группу и имеют сходный путь развития (получают значение «похожий на что» и т. д.), также, по мнению М. М. Покровского, объединяются в одну группу, имеющую общие закономерности развития, слова, обозначающие понятие «язык» или «глаголы и имена меры и веса», или «слова, принадлежащие к языку игр и зрелищ», или «слова, принадлежащие к языку обедов, пиров» и т. п. Легко заметить, что параллельность здесь весьма относительная с точки зрения конкретного языка: в первом случае в основе группы лежит определенный формальный признак, указывающий на словообразовательную модель (русский суффикс «-ист-ый»), во втором — объединяются слова, самые разнородные по своей морфологической структуре и происхождению.

Однако, не подлежит сомнению, что в языке такие группы имеются, так же как и то, что часто слова подобных групп характеризует одно и то же направление изменений в семантике. Русские слова «алтын», «грош», латинское *as*, французское *sou*, обозначавшие некогда крупные денежные единицы превратились в обозначение чего-то ничтожного. Сходные следы оставил в лексике многих народов переход от весовой системы к денежной, на-

¹ М. М. Покровский, Семасиологические исследования, стр. 21.

пример, в греческом и латинском языках обозначения единиц веса стали названиями денежных единиц. Таким образом, рассмотрение лексических групп, связанных с определенной «сферой представления» можно считать перспективной, хотя, конечно, необходимо внести серьезные коррективы в понимание критерия выделения таких «сфер»¹. У М. М. Покровского смысл и содержание этого термина, границы «сфер» и принципы их выделения остаются неясными и неопределенными.

В этой части работ М. М. Покровского важна не только постановка вопроса о «сферах представления», а, даже в большей степени, раскрытие и применение общего положения о «культурно-историческом факторе». Вообще развитие языка, по М. М. Покровскому, определяется внешними и внутренними факторами; если к последним в первую очередь принадлежат психологические факторы, то к первым — явления истории культуры, выступающие причиной, внешним побудителем языковых изменений. Этот тезис, оказавшийся совершенно забытым при анализе словообразовательных группировок слов, становится ведущим при анализе «сфер представлений». Изменения семантики слов, входящих в выделяемые «сферы», наглядно связываются М. М. Покровским с изменениями в быте, хозяйстве народа, его общественной и духовно-культурной жизни. Поскольку, например, у многих народов домашние животные служили единицей ценности до введения металлической денежной системы, постольку и «сферы представления» — «деньги», «собственность» и с другой стороны, «скот» совпадали. Слова, составлявшие каждую из этих групп, были одними и теми же, синонимичными или родственными: ср. старославянские «скот» и «скотница» (казна), латинские ресу (скот) и ресупиа (деньги, имущество), готское *faihu* (деньги) и немецкое *Vieh* (скот) и т. д.

Однако, необходимо отметить, что само понимание Покровским социально-общественных (у М. М. Покровского «культурно-исторических») условий лишено конкретного историзма, отличается общим и декларативным характером. М. М. Покровский не видит диалектики развития; в его анализе отсутствует и учет датировки того или иного явления. Латинское *ago* (гоню) дало производное *ager* (поле, пашня), которое первоначально имело значение «выгон». В изменении значения этого слова ясно отразился переход древних индоевропейцев от скотоводства к земледелию. В то же

¹ Важно отметить, что идеи М. М. Покровского были высказаны раньше, чем западные ученые приступили к детальной разработке вопросов «семантического поля» и т. п. В настоящее время идея анализа слов, объединяемых общим основным понятием, лежащим в основе их значений, привлекает многих советских исследователей, ср. кандидатские диссертации Д. А. Вард «К изучению основного словарного фонда английского языка (Исследование группы английских слов, связанных с распространением грамотности и школьного образования)». МГПИ им. Потемкина, 1953 г., А. Уфимцевой «История семантической группы слов в английском языке, связанных с понятием «земля» Институт Языкознания АН СССР, 1954 г.

Время в языке многих индоевропейских народов, также перешедших от скотоводства к земледелию, подобных семантических сдвигов не было. Таким образом, тезис о том, что «слова, подлежащие влиянию одинаковых культурно-исторических условий в жизни народов, подвергаются в соответствующих языках одинаковым семасиологическим изменениям»¹, при столь широком и неконкретном понимании «культурно-исторических условий» в отрыве от учета датировки данного языкового явления часто оказывается несостоятельным. Метафизическое понимание мышления и норм сознания, в силу которого М. М. Покровскому было чуждо разграничение общественно-исторических условий и социальных причин возникновения слов, образования и изменения их значений, является серьезным недостатком концепции М. М. Покровского.

Интересно отметить, что наиболее удачные примеры анализа слов при рассмотрении «сфер представлений» относятся к фактам использования старого слова для обозначения нового понятия. «Успехи цивилизации вводят в сознание народа новые понятия, новые представления. Эти новые приобретения народ очень часто обозначает в языке новыми словами... или словами, заимствованными. Но в большинстве случаев народ не увеличивает своего лексикона и, несмотря на изменения, которым подвергались известные предметы и понятия, продолжает обозначать их прежними терминами. Понятное дело, что новое содержание представлений, связанных с подобным термином, будет существенно разниться от старого»². Использование старого слова для обозначения нового понятия является столь же характерным, что и суффиксальное образование. В подобных случаях новое значение часто так далеко отходит от старого, что имеет место образование омонима или, другими словами, производство нового слова. В настоящее время все исследователи словообразования выделяют словообразование лексическое или лексико-семантическое. Это лишний раз доказывает, что М. М. Покровскому удалось правильно и убедительно «нащупать» систему в лексике всюду, где за ней скрываются словообразовательные категории. Напротив, это ему не удалось сделать там, где связь эта ослаблена или не существует.

Сама же попытка обнаружить систему в группировке лексического богатства языка по «сферам представлений», в том виде, как это сделал М. М. Покровский, имеет сейчас лишь научно-исторический интерес.

* *
*

«...Нельзя не видеть большой ценности работ академика М. М. Покровского в области исторического словообразования

¹ Основные положения диссертации М. М. Покровского «Семасиологические исследования в области древних языков». Автореферат. Типография Московского университета, 1896.

² М. М. Покровский, Семасиологические исследования, стр. 15

греческого и латинского, а отчасти и русского языков: они содержат интересные материалы и обобщения, помогающие решению вопроса о внутренних законах развития этих языков»—так оценивает академик В. В. Виноградов творчество М. М. Покровского, выдвигая на первый план именно его анализ словообразовательных категорий. Действительно, работы академика М. М. Покровского толкают к изучению лексики языка как системы и дают ключ к открытию этой системы, требуя в первую очередь анализа словообразования.

¹ В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. Сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 123.

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВЛЕНИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

I

Части речи существуют в языке сами по себе, независимо от предложения, так как они выражают логические понятия, например, такие, как понятие субстанции, качества или свойства и действия и т. д.

Хотя часть речи как таковая оформляется в предложении и часть грамматических категорий частей речи непосредственно связана с их синтаксической функцией (например, падеж у имени существительного, лицо у глагола) и со связями слова в словосочетании и в предложении, однако сама возможность выступить в той или иной синтаксической функции заложена в лексико-грамматической природе части речи. Действительно, своей изменяемостью, формой падежа, т. е. парадигмой склонения, имя существительное обязано своим связям в предложении. Однако тот факт, что оно выступает тем или иным членом предложения, т. е. принимает ту или иную форму, непосредственно вытекает из лексической природы имени существительного, из заложенного в нем понятия предметности. Этому же понятию предметности имя существительное обязано тем, что оно имеет такие грамматические категории, как категории рода или числа, которые не связаны непосредственно с его функцией в предложении или в словосочетании. В семантике каждой части речи заложена возможность или даже необходимость использования ее именно как данный, а не какой-либо иной член предложения. Так, предметность имени существительного является основой его использования в качестве двух основных взаимодействующих предметных понятий в предложении: подлежащего и дополнения; глагол обозначает действия и состояния, это делает его наиболее пригодным носителем предикативности и выразителем сказуемого; семантика признака, заложенная в наречии, предназначает его для роли обстоятельства и т. д.

Самое разграничение частей речи между собой может порой происходить лишь в ходе их синтаксического использования, таково, например, в современном немецком языке разграничение при-

лагательного и качественного наречия: Sie spricht laut (она говорит громко — наречие); Ihre Stimme ist laut (ее голос громкий — прилагательное); Der Student schreibt gut (студент пишет хорошо — наречие); Die Arbeit ist gut (работа хороша — прилагательное).

В конечном счете, в зависимости от того, в качестве какого члена в предложении используется одно и то же понятие, оно может быть представлено в языке различными частями речи, например, в немецком языке: die Härte (твердость); hart (твердый); Die Härte des Stahls (твердость стали).

Однако сведение частей речи непосредственно к их синтаксической функции невозможно, т. к. одна и та же часть речи может выступать в самых различных синтаксических функциях.

Синтаксическая функция части речи может привести к образованию слова иного лексико-грамматического разряда, например, адвербиализация существительных (nachts — «ночью», morgens — «утром», morgen — «завтра», zu Hause — «дома», nach Hause — «домой») или адъективация причастий. Однако эти переходы происходят на основании имеющихся в языке моделей, в свою очередь являющихся словесным выражением понятий, осмысливающих и классифицирующих предметы и явления объективного мира.

С точки зрения грамматического строя всякого языка слова в нем распадаются на определенные лексико-грамматические разряды, образуя таким образом части речи, обладающие как лексическими, так и грамматическими признаками. Эти признаки определяют место каждой лексической языковой единицы в грамматическом строе данного языка. Системность частей речи заключается, с одной стороны, в смысловой взаимозависимости слов, в их соотносимости с логическими категориями субстанции, качества и пр., в дополнении одной части речи другой с целью придать смысл предложению, ибо лишь наличие всех частей речи дает возможность построения предложения, т. е. осуществления коммуникативной функции языка. Так, существительное соединяется с глаголом, чтобы создать костяк предложения, глагол осуществляет свои смысловые функции, соединяясь с существительным — дополнением; существительное может индивидуализировать свою семантику, благодаря прилагательному — определению и т. д. Системность частей речи выражается далее в том, что вся эта круговая связанность частей речи требует формального изменения, соответственно грамматическим категориям, присущим данной части речи, или ее синтаксическому выявлению. Так, например, назначение глагола и связь его с существительными выражается в русском и немецком языках в наличии у него грамматических категорий лица, времени, наклонения и в формальных изменениях глагола соответственно этим грамматическим категориям. Тесная связь прилагательного с существительным выражается в общих грамматических категориях рода, числа и падежа и во взаимозависимых формах их выражения.

Системность частей речи заключается также в том, что грамматические категории частей речи, определяемые как их семантикой, так и их синтаксическими связями, с одной стороны, специфичны именно для данной части речи, например, категория падежа у имени существительного или категория лица у глагола. С другой же стороны эти грамматические категории связывают части речи между собой. Категория падежа и числа имеется не только у имени существительного, но и у прилагательного, местоимения и числительного; категория лица — у глагола и у личного и притяжательного местоимения; безличность — у глагола и у специальных грамматических конструкций типа *es ist warm* (тепло); *es wird gearbeitet* (работают); категории рода — у имени существительного, прилагательного, некоторой части местоимений (личных, притяжательных) и т. д.

Общность словообразовательных средств немецкого языка также является проявлением системности частей речи (аффиксация и словосложение). То же можно сказать и о формообразующих средствах (суффиксы, флексии), которые чрезвычайно часто омонимичны, например: «е» флексия дательного падежа имени существительного, суффикс образования множественного числа у имен существительных, флексия лица у глагола, суффикс конъюнктива у глагола и пр. и пр.

Характерным для языка является то, что одно и то же логическое понятие может быть выражено различными лексико-грамматическими разрядами слов, в зависимости от их синтаксического использования, например, содержание «сегодня идет дождь» или «сегодня дождливый день» может быть выражено на немецком языке при помощи глагола: *Es regnet heute* (сегодня идет дождь); при помощи прилагательного: *Es ist heute ein regnerischer Tag* (сегодня дождливый день), при помощи имени существительного: *Es ist heute ein Regentag* (сегодня дождливый день).

Следующие признаки частей речи немецкого языка являются критерием для их классификации. (При этом следует оговорить, что наличие всех признаков у каждой части речи не обязательно). Кроме того, признаки могут быть не только положительные, т. е. такие, которыми данная часть речи обладает, но и отрицательные, т. е. такие, отсутствие которых отличает данную часть речи от других:

1. Наличие обобщенного лексического значения данной части речи. Например, значение предметности у имени существительного, признака, качества — у прилагательного, действия и состояния — у глагола и т. д.

Обобщенное лексическое значение части речи заключается в том, что каждая часть речи имеет как бы двойное значение. Например, существительное *das Buch* (книга), с одной стороны, обозначает в каждом контексте определенный предмет с признаками, свойственными именно данному предмету. С другой стороны, это же существительное, как и всякое другое, например, *die Liebe* (лю-

бовь), der Tag (день), das Kind (ребенок), die Lehre (теория) включает в себе понятие предметности вообще, абстрагируясь от конкретного значения в каждом отдельном случае. Каждое слово, мыслимое предметно и соответствующим образом оформленное (для немецкого языка, например, артиклем) причисляется к категории имен существительных. Таким же обобщенным лексическим значением обладают и другие части речи: прилагательное — значением качества, глагол — значением действия и пр.

2. В лексической природе каждой части речи заложена возможность или даже необходимость сочетаемости. Лексическое значение слова осуществляется в языке не изолированно. Слова обычно вступают в соединения друг с другом, образуя словосочетания и предложения. Например, в каждом существительном заложена возможность его сочетаемости с именем прилагательным для выявления, сужения, индивидуализации семантики имени существительного. Так, например, очень общее понятие Haus (дом) становится индивидуальным, более конкретным, более определенным в сочетаниях das kleine Haus (маленький дом), das alte Haus (старый дом), das bewohnte Haus (обитаемый дом). В каждом глаголе заложена возможность двусторонней сочетаемости с именем существительным: с одной стороны, с предметом высказывания (подлежащим), с другой стороны, с предметом, вступающим в определенные отношения с предметом высказывания (с дополнением) в предложении, например: Der Schüler schreibt einen Aufsatz (ученик пишет сочинение). Эта возможность сочетаемости становится необходимостью в тех случаях, когда этого требует семантика сочетающихся слов. Так, например, такие существительные, как der Anfang (начало), die Erklärung (объяснение), die Fortsetzung (продолжение), der Verkauf (продажа) — вообще не могут осуществить свое лексическое значение вне сочетания с дополняющими и уточняющими их словами. Или, например, такие глаголы широкого лексического значения, как geben (давать), nehmen (брать), suchen (искать), finden (находить) не могут осуществить свою коммуникативную функцию вне сочетания с другими словами. В этих случаях сочетаемость, т. е. включение таких слов компонентами в словосочетания, совершенно необходима: ein Buch geben — nehmen — suchen — finden (дать книгу, взять книгу, искать книгу, найти книгу).

3. Сочетаемость слов, их связи в словосочетании и в предложении осуществляются по определенным закономерностям, свойственным грамматическому строю языка, с помощью определенных средств связи (в частности, для немецкого языка такими средствами являются: согласование, управление, примыкание, замыкание, порядок слов, интонация и служебные слова). Главнейшее средство сочетаемости в языках флективного строя — изменение формы связываемых слов. Эти формоизменения не являются случайными. Они обусловлены теми грамматическими категориями, которые присущи данной части речи, как таковой, и которые дают

ей возможность осуществить сочетаемость с другими частями речи именно при помощи данного, а не какого-либо другого средства синтаксической связи. Например, связь прилагательного с существительным в словосочетании *ein kleines Kind* (маленький ребенок) при помощи согласования, выражающегося в изменении формы имени прилагательного соответственно грамматическим категориям определяемого существительного, становится возможной потому, что как имени существительному, так и синтаксически зависимому от него прилагательному свойственны грамматические категории рода, числа и падежа. Причем, если имени прилагательному эти категории свойственны в синтаксическом плане, т. е. в зависимости от сочетающегося с ним существительного, то имени существительному эти категории свойственны как в синтаксическом плане (категория падежа как следствие сочетания с глаголом или с другими частями речи), так и независимо от синтаксических отношений, а лишь благодаря познавательной установке высказывания (категория числа) или же, как присущая данной части речи в немецком и русском языках грамматическая категория рода.

4. Как было уже упомянуто, сочетаясь с другими словами, части речи часто меняют свою форму. Каждой грамматической категории свойственна целая система форм, в которой и осуществляется «жизнь» той или иной части речи в языке. Так, существительному в немецком языке присущи формы падежа (система склонения), а также форма выражения категории определенности и неопределенности (определенный и неопределенный артикль).

5. Признавая, конечно, существование отдельного слова и языка как части речи, признавая его собственную фонетическую и грамматическую оформленность и его собственное лексическое значение, нельзя, однако, не учитывать, что все эти качества слова выявляются и осуществляются в речи, в ее коммуникативной стороне. Сочетание слова с другими частями речи в качестве компонента словосочетания является лишь «предварительной обработкой» слова. Конечная «цель» слова — его существование в качестве части предложения или же эквивалента предложения. Таким образом, для полноты характеристики слова как части речи необходимо еще и критерий синтаксический. Если его не учитывать, а ограничиться лишь критериями семантическими и морфологическими, то роль части речи в языке, ее назначение теоретически выявляются не точно. Ведь учитывая и роль эллипса в предложении и роль ситуации и интонации, мы все равно, в конце концов, приходим к предложению как коммуникативной единице с характеризующей его предикативностью и интонацией и — к частям речи как элементам, составляющим предложение. Таким образом приходится учитывать как необходимый признак части речи и ее возможное синтаксическое использование (о служебных словах см. ниже).

6. Дополнительным критерием для части речи в немецком языке выступает его словообразовательная форма. Дополнитель-

ным потому, что в немецком языке мы имеем как среди существительных, так и среди прилагательных, наречий и пр. большое количество корневых слов, никак не указывающих своей формой на принадлежность слова к той или иной части речи. Например, слова: (Pflug (плуг), klug (умный), hier (здесь), viel (много), Brot (хлеб) никак не указывают своей словообразовательной формой на их принадлежность к той или иной части речи. Исключение здесь составляет глагол, инфинитив которого всегда оформлен суффиксом ((e)n — суффикс грамматический), хотя и здесь возможна многозначность, если опираться лишь на внешнюю форму: leben (жить) — глагол, bescheiden (скромный), verlegen (смущенный); — причастие; gekommen (пришедший) — причастие, Wagen (воз), Magen (желудок) — существительные, golden (золотой) — прилагательное.

Однако, все же имеется система словообразовательных средств, которые четко характеризуют части речи немецкого языка, например: суффиксы -heit, -keit, -schaft, -ung у имен существительных, -lich, -bar, -sam -haft, -ig, -isch у прилагательных, большое количество префиксов (be-, ge-, er-, auf-, mit-, an-, nach-, bei- и пр.) у глаголов.

Все вышеупомянутые критерии способствуют выявлению знаменательных частей речи. Здесь следует однако оговорить, что не все знаменательные части речи обладают всеми названными признаками в одинаковой мере. Так, например, из общего плана выпадают немецкие наречия, которые оформляются нулевой морфемой, познаваемой лишь в сопоставлении с формами других частей речи.

В стороне стоят местоимения и имена числительные. И те и другие не имеют номинативного значения, а имеют лишь значение указательное, т. е. они получают свое значение не сами по себе, а лишь в соединении с другими словами, на которые они указывают, например, dieser Mann (этот человек), meine Tochter (моя дочь), drei Tage (три дня), die erste Stunde (первый урок). Таким образом, основное в них — синтаксическое использование.

Здесь необходимо поставить вопрос о так называемых служебных словах. Являясь частями речи, т. е. словами, участвующими в грамматическом оформлении речи и играющими важную роль в грамматическом строе языка, они в то же время не могут рассматриваться в одном плане со словами, имеющими номинативную функцию. Они часто не имеют собственного лексического значения, например, предлоги в таких сочетаниях, как: warten auf (ожидать), sorgen für (заботиться), sich freuen auf (радоваться), sich interessieren für (интересоваться) и др.; или такие союзы, как: daß (что, чтобы), wenn (если, когда), als (чем, когда, нежели), wie (как, каким образом). Они неизменяемы, у них отсутствуют как грамматические категории, так и формы их выражения (за исключением союзных слов—относительных местоимений), они не выступают самостоятельными членами предложения. Но они осу-

ществляют чрезвычайно важную синтаксическую функцию связи как слов и словосочетаний в предложении, так и предложений между собой. Они являются словами чисто грамматическими, в которых лексическим значением является их грамматическая функция (daß, als), или в которых лексическое значение, если оно и есть, целиком превратилось в грамматическое (solange, während (пока), indem (в то время как), weil (так как, ибо).

II

Переходим к рассмотрению характерных особенностей отдельных частей речи в современном немецком языке.

Имя существительное

Являясь, как и в других языках, воплощением обобщенного понятия предметности, существительное в немецком языке имеет как бы более широкое поле деятельности: немецкий язык обладает почти неограниченной способностью субстантивации, т. е. перехода других частей речи в разряд существительных. Поводом к такой субстантивации может быть, с одной стороны, некоторая субстанциональность слова, заложенная в его семантике. Так, субстантивация инфинитивов несомненно связана с этой субстанциональностью данной категории слов. С другой же стороны, субстантивироваться может и любая другая часть речи, ни семантически, ни генетически не связанная с понятием предметности, например, Das Für und Wider (за и против), das Gestern (вчера), das Aber (но). Такая субстантивация не имеет своим основанием семантоморфологические свойства слова, а базируется на его синтаксическом использовании как подлежащего или дополнения в предложении¹.

Такая субстантивация обычно временная и ограничивается отдельными случаями. В случае же субстантивации прилагательных или причастий: der Kranke (больной), или der Angestellte (служащий), можно было бы предположить, что качество, заложенное в значении имени прилагательного, или результативное качество, заложенное в значении второго причастия, выступает уже не как признак какого-то предмета (der kranke Mann — больной человек; der angestellte Mann — служащий человек), а само по себе является исчерпывающей характеристикой, позволяющей представить этот признак как предмет. Субстантивации в немецком языке чрезвычайно способствует наличие артикля. Необходимой предпосылкой любой субстантивации является придание слову артикля, затем следует изменение сочетаемости слова с другими словами (частями речи), изменение его синтаксической функции и приобретение новых грамматических свойств. Что же касается формы субстан-

¹ E. Otto. Die Wortarten. «Germanisch-romanische Monatsschrift», 1928, Bd. 16.

тивированного слова, то она при преходящей субстантивации может оставаться прежней (*der Kranke—des Kranken—ein Kranker*) или может быть ограниченной, например, у таких субстантиваций, как *das Aber, das Für und Wider*, отсутствует флексия родительного падежа, у большинства субстантивированных инфинитивов отсутствуют категория и формы множественного числа, что связано с их отвлеченным значением.

При полном переходе слова в разряд имен существительных оно полностью получает грамматические категории и формы имени существительного, например, *das Gut* (имение), *der Junge* (мальчик).

К грамматическим категориям рода, числа и падежа, свойственным существительному в русском языке, в немецком языке присоединяется еще категория определенности и неопределенности, четким грамматическим выразителем которой является определенный и неопределенный артикль. В русском языке эта грамматическая категория, как известно, отсутствует, так как нет грамматических форм ее выражения. Определенность или неопределенность существительного в русском языке выражается либо лексическими средствами (например: этот мальчик, тот человек, один прохожий и пр.), либо порядком слов (например: женщина вошла в комнату— в комнату вошла женщина).

Характерной чертой немецкого существительного является большое влияние формы, иногда вступающей в противоречие с семантикой существительного. Так, например, в словах *das Mädchen* (девочка), *das Fräulein* (барышня), *das Frauenzimmer* (женщина, бабенка) мы, несомненно, сталкиваемся с преобладанием формального момента над смысловым, о чем свидетельствует грамматический род данных существительных, расходящийся с их биологическим родом. Интересно, что при замене данных существительных соответствующими местоимениями 3-го лица возможны оба варианта, т. е. смысловой и формальный: *das Mädchen, das Fräulein— sie* и *es* (она и оно), *ihr* и *sein* (ее и его).

В русском языке мы встречаем более последовательное преобладание семантического момента над формой существительного. Так, например, имена существительные на -а- (так называемого общего рода) выступают, несмотря на форму, как существительные мужского рода, если они относятся к лицам мужского рода, например: *неряха, невежда, обжора, скряга, проныра, горемыка, зевака* и пр.¹

От имени существительного в русском языке немецкое существительное отличается бедностью формы, компенсируемой отчасти флективностью артикля, полным выделением образования множественного числа в самостоятельную категорию со своей системой суффиксов, являющихся выразителями лишь множественного числа, но не выражающих падеж, как это имеет место, например, в

¹ См. Грамматика русского языка, т. 1, АН СССР, 1952, стр. 111.

русском языке. Следует также отметить полное отсутствие у немецкого существительного грамматических показателей одушевленности или неодушевленности имени существительного, находящейся в русском языке свое выражение в различных формах винительного падежа множественного числа (внжу столы—вижу мальчиков; вижу лампы — вижу женщин). В немецком языке мы имеем соответственно: Ich sehe die Tische; ich sehe die Knaben; ich sehe die Lampen; ich sehe die Frauen.

Здесь выступает различие распознавания имени существительного в немецком и в русском языках. Если приводимое Л. В. Щербой¹ существительное (какаду) подводится под разряд имен существительных лишь благодаря его сочетаемости с другими частями речи, так как данное существительное лишено в русском языке флективности, например, мой какаду, какаду моего брата и пр., то внешняя четкость оформления имени существительного в немецком языке делает легким его распознавание и отнесение к разряду имен существительных. Эта внешняя четкость оформления имени существительного дается ему, во-первых почти обязательным наличием артикля или заменяющего его определителя (местоимения, числительного), а затем и обязательным для современного немецкого языка написанием имени существительного с заглавной буквы. Это последнее обстоятельство чрезвычайно облегчает синтаксическое членение предложения незнакомого текста и ориентировку в нем.

Словообразовательный признак немецкого имени существительного, хотя и не может считаться общеобязательным, так как он отсутствует у корневых существительных, как, например: Gold (золото), Haus (дом), Berg (гора), Kind (ребенок), Frau (женщина), все же играет значительную роль в системе немецкого существительного, так как имеется целый ряд словообразовательных суффиксов, свойственных лишь именам существительным, таких, например, как -er, -ler, -heit, -keit, -schaft, -tum, -ung, -chen и др.

Со стороны словообразования для немецкого существительного является чрезвычайно характерным словосложение, начиная от древних словосложений типа Adler (орел), Bräutigam (жених), не воспринимаемых в современном языке как сложные слова, через массу чрезвычайно распространенных и употребительных сложных слов, прочно входящих в словарный состав языка, таких, например, как: Klassenzimmer (классная комната), Stadtbezirk (городской район), Schulgebäude (школьное здание), Wandzeitung (стенгазета), Kollektivwirtschaft (колхоз), до индивидуальных образований отдельных авторов, не внедрившихся в язык, как, например: Märchenkröte (жаба из сказки), у Г. Манна или Gesundheitsflanell (фланель, полезная для здоровья) у Гейне.

Словосложение является также одним из способов словообразования в современном русском языке. Однако здесь имеются

¹ Л. В. Щерба. Части речи в русском языке. «Русская речь», новая серия, III, 1928 г.

большие различия между немецким и русским языком. Если для современного немецкого языка словосложение является наиболее продуктивным способом пополнения словаря именами существительными, то для русского языка этот способ образования существительных является далеко не таким продуктивным и, во всяком случае, не ведущим. Кроме того, сложные существительные одинаково распространены в любом функциональном стиле немецкого языка. в то время как в русском языке сложные имена существительные используются главным образом в научной речи. Кроме того, различна и семантика сложных существительных, и техника их образования. Так, например, ведущим типом немецких сложных слов являются определительные сложные слова¹, второй компонент которых является всегда именем существительным, первый же компонент обозначает признак второго и переводится на русский язык главным образом при помощи имени прилагательного: Frühlingstag (весенний день), Vaterhaus (отчий дом), Fremdsprache (иностранный язык), Wandzeitung (стенная газета). В русском языке принцип образования сложных слов большею частью иной². Кроме того, второй компонент немецкого сложного слова (или последний, если это не сращения) обычно может функционировать как самостоятельное слово, в то время как компоненты русских сложных слов этого большею частью не могут, например: водомер — Wassermesser, пулемет — Maschinengewehr, рукопись — Handschrift, счетоводство — Buchführung, судостроение — Schiffbau и пр.

Имя прилагательное

Как и в других индоевропейских языках, имя прилагательное и в немецком языке является выразителем понятия качества или свойства, присущего субстанции — имени существительному. Однако и здесь имеется своя специфика, свойственная немецкому языку. Если в русском языке мы имеем сильно развитыми как категорию качественных прилагательных (красный, большой, горячий, высокий и другие), так и категорию прилагательных относительных (книжный, комнатный, морозный, школьный, золотой, железный и др.), то в немецком языке мы сталкиваемся со сравнительной бедностью имен прилагательных относительных. Эта малая распространенность относительных прилагательных компенсируется чрезвычайным развитием сложных существительных, первый компонент которых в семантическом отношении близок относительному прилагательному русского языка, и, как правило, переводится на русский язык соответствующим образом, например: der Bücherschrank — книжный шкаф, die Zimmerbeleuchtung — комнатное освещение, der Frosttag — морозный день, der

¹ См. М. Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка, 1953, стр. 118.

² См. Грамматика русского языка, т. I, АН СССР, 1952, стр. 273.

Schulhof — школьный двор, die Eisenstange — железный лом и т. д.

В русском языке, как известно, имеется еще категория прилагательных притяжательных, типа «сестрина книга», «отчий дом», которые, по свидетельству Л. В. Щербы, разрушаются¹. В немецком языке эта категория имен прилагательных отсутствует почти полностью, заменяясь теми же сложными словами или существительными с определением, например: отчий дом — das Vaterhaus, сестрина книга — das Buch der Schwester; птичья голова — der Vogelkopf или der Kopf des Vogels.

Как и в русском языке, немецкие атрибутивные прилагательные отличаются относительностью своих грамматических категорий — рода, числа и падежа, имеющих целиком синтаксический характер и возникающих у имени прилагательного вследствие его атрибутивной функции и вследствие согласования его с соответствующим существительным. Отличие от русского языка заключается здесь в том, что таких синтаксически обусловленных форм имени прилагательного имеется в немецком языке две, тогда как в русском языке мы имеем одну полную или членную форму, выступающую атрибутивно. Эта особенность немецкого и некоторых других германских языков объясняется двумя путями развития атрибутивной формы прилагательного: первый путь — слияние с определенным артиклем или указательным местоимением и абсорбация соответствующих четких родовых окончаний (-er, -es, -e), что привело к так называемому сильному или местоименному склонению прилагательных; другой же путь — это происхождение атрибутивного прилагательного из постпозитивной аппозиции, носившей характер эпитета и представлявшей собой прилагательное или причастие, употребленное с определенным артиклем, например, Siegfried der Junge (Зигфрид молодой). Развитие данного типа привело к так называемому слабому или именному склонению прилагательного.

В современном немецком языке выбор формы атрибутивного прилагательного довольно последовательно определяется необходимостью внешней грамматической характеристики имени существительного. Бедное формами само по себе, оно характеризуется грамматически или сопроводителем (артикль, местоимение) или, при отсутствии или грамматической невыразительности последнего (неопределенный артикль, притяжательное местоимение), — формой прилагательного, сравните: der heiÙe Tag — den heißen Tag (жаркий день), но ein heißer Tag — einen heißen Tag; mein kleiner Bruder (мой маленький брат) — meines kleinen Bruders; Frischer Fisch (свежая рыба) — Frischem Fisch.

Отличительной чертой немецкого прилагательного является также полная нефлективность его краткой формы, ее отрыв в данном случае от системы прилагательного. Если в древне- и средне-

¹ См. Л. В. Щерба. Части речи в русском языке. «Русская речь», новая серия, II, 1928 г.

в немецком языках обе формы прилагательного, как полная, так и краткая, могли выступать синтаксически и как определение и как предикатив (именная часть сказуемого) и занимать как препозицию, так и постпозицию по отношению к определяемому слову, то в современном языке проведена чрезвычайно четкая дифференциация синтаксического использования обеих форм. Полная форма используется исключительно атрибутивно, с обязательной препозицией ее. Изменение же ее положения по отношению к определяемому слову влечет за собой обособление прилагательного (если это не архаизм): Wir aßen Äpfel, frische, reife (Мы ели яблоки свежие, спелые). Нефлективная форма прилагательного не может быть использована в современном языке атрибутивно, если это не языковой или стилистический архаизм типа Röslein rot (красная розочка) или Auf gut Glück (на счастье).

Функция нефлективной формы прилагательного исключительно предикативная. При этом она резко отличается от русского языка своей полной нефлективностью, при наличии показателей рода и числа у соответствующих русских прилагательных: День жаркий — погода жаркая — дни жаркие. Соответственно в немецком: Der Tag ist heiß — das Wetter ist heiß — die Tage sind heiß. Такая полная нефлективность краткого прилагательного, его исключительно предикативная функция, его неотрывность от понятия времени (оно не может выступать предикативно, не имея глагольной связи) может привести к мысли об изоляции данной формы от системы прилагательного, с которой она связана лишь семантически и словообразовательно.

Использование краткой формы прилагательного в качестве предикативного атрибута не противоречит сказанному, так как и здесь прилагательное полностью нефлективно и неотделимо от понятия времени, выраженного сказуемым предложением. Следует отметить, что в аналогичной функции русское прилагательное имеет полную, согласуемую форму, например: Она пришла домой усталая — Sie kam müde nach Hause; он лежит больной — Er liegt krank; дверь стояла открытой — Die Tür stand offen.

Глагол

В русском языке глагол отличается большей самостоятельностью, чем в немецком. У русского глагола его большая самостоятельность выражается в том, что показатели лица и числа могут выступать лишь один раз, как глагольная флексия: «пишу, читаю без лампы». У немецкого глагола те же грамматические показатели необходимо выявляются дважды: один раз как глагольная флексия: sitz«-e» (сичу), sitze«-st» (сидишь), sitz«-t» (сидит), второй же раз показатель лица выпадает в виде обязательного для немецкого глагола наличия личных местоимений: «Ich sitz«-e» (я сичу), «Du sitze«-st» (ты сидишь), «Er sitz«-t» (он сидит). Отсутствие личного местоимения является здесь результа-

том эллипса, допускаемого иногда в разговорной речи: *Hab' dich schon lange nicht gesehen* (Давно тебя не видел).

У безличных глаголов этим формальным показателем лица является безличное местоимение *es*, хотя и не заключающее в себе понятия лица или предмета, но являющееся выразителем третьего лица единственного числа.

Категория времени немецкого глагола выявляется в значительно более развитой, чем в русском языке, системе глагольных временных форм. Характерным для немецкого глагола (как и для глагола многих других индоевропейских языков) является наличие у него аналитических временных форм: (*Perfekt*, *Prusquamperfekt*, *Futurum I* и *II*, *Konditionalis I* и *II*).

В основе аналитических форм прошедшего времени лежат свободные словосочетания, состоящие из двух знаменательных слов: глагола *haben* (иметь) или *sein* (быть) и второго причастия, в первом случае от переходного, во втором от непереходного глагола. Словосочетания с *haben* требовали обязательного наличия прямого дополнения и согласования второго причастия с объектом действия, тогда как словосочетания с *sein* требовали обязательного согласования второго причастия с субъектом действия. Обе эти формы имели результативное значение совершенного вида, что и понятно, так как они были построены на базе самостоятельной семантики второго причастия, которое до сих пор почти всегда имеет значение совершенного вида.

Однако дальнейшее развитие данных словосочетаний привело к их полной грамматизации, т. е. к их превращению в единую грамматическую форму времени, могущую быть образованной от каждого глагола, с утратой самостоятельного значения составляющих компонентов. Эта грамматизация данных форм сопровождалась почти полной утратой ими видового характера и превращения их в обычные временные формы прошедшего времени со стилистическим различием перфекта от претерита и с почти исключительно относительным употреблением со значением предшествования — для плюсквамперфекта.

Характеристика протекания действия как грамматическая категория вида чужда системе немецкого глагола. Она не находит своего выявления ни в системе его временных форм, которые, как правило, не выражают видовых оттенков действия, ни в словообразовательной форме глагола, как это, например, имеет место в системе русского глагола, имеющего соотносительные глагольные пары, типа прыгать — прыгнуть, бросать — бросить, писать — написать и др.

Такие суффиксиальные пары типа бросать — бросить у немецкого глагола полностью отсутствуют, что же касается префиксов, то они могут сообщить глагольной лексике дополнительное значение ограничения действия каким-либо пределом: *steigen*—*ersteigen* (взбираться и взобраться), *stehen*—*aufstehen* (встать и вставать), *brennen*—*verbrennen* (сжечь и сжигать). Но, во-пер-

вых, мы здесь имеем дело не только с изменением характеристики действия одного и того же глагола, но и с образованием нового глагола с несколько иным лексическим значением, а, во-вторых, и эта префиксация, несколько уточняющая характеристику протекания глагольного действия, не сообщает немецкому глаголу видового значения в том смысле, как мы имеем его у русского глагола, так как если префикс и уточняет границу действия, предел, к которому оно стремится, то он не дает глаголу значения однократного или повторного действия, т. е. того, что в русском языке понимается как совершенный или несовершенный вид. Так, глагол *ersteigen* может в зависимости от контекста иметь значение и взобраться и взбираться; аналогично *aufstehen* — встать и вставать и пр.

Таким образом, грамматическими средствами для выражения видовой характеристики протекания действия немецкий глагол, за очень небольшими исключениями, не обладает и в каждом отдельном случае решающим и уточняющим моментом является контекст, а именно: наречия, союзы, сложное глагольное сказуемое, типа *aufhören zu sprechen* (замолчать).

Видовым значением обладает причастие (причастие I со значением несовершенного вида и причастие II — совершенного вида). Значением совершенного вида обладает также конструкция, состоящая из глагола *sein* и второго причастия переходного глагола, второй инфинитив, а также иногда перфект и плюсквамперфект при их относительном употреблении, когда на основное значение предшествования одного действия другому может наслаиваться значение совершенности предшествующего действия, например: *Franz sah und hörte plötzlich die ganze Abteilung so, wie er sie vor fünf Wochen in der ersten Minute gesehen hatte, als er frisch hier eingetreten war* (A. Seghers). (Франц вдруг видел и слышал все отделение таким, каким он увидел его в первую минуту, пять недель тому назад, когда он впервые вступил сюда. А. Зегерс).

Категория наклонения представлена у немецкого глагола богатой системой форм. Если императив имеет фактически всего две формы: второе лицо единственного и множественного чисел (форма вежливости заимствована из конъюнктива так же, как и форма I лица множественного числа, включающая и говорящего: *gehen wir!* — пойдете), то немецкое условное наклонение (конъюнктив) имеет всю ту систему временных форм, что и индикатив, причем конъюнктив получает еще дополнительно две описательные формы — *Konditionalis I* — синонимичный претериту конъюнктива и *Konditionalis II*, синонимичный плюсквамперфекту конъюнктива.

Таким большим количеством форм немецкий конъюнктив отличается от русского условного наклонения, имеющего лишь одну форму, состоящую из прошедшего времени глагола и частицы «бы» (пришел бы, взял бы и пр.). Таким образом, одной форме условного наклонения русского языка могут соответствовать не-

сколько форм конъюнктива в немецком, например: Я пришел бы к тебе — Ich käme zu dir, wäre gekommen, würde kommen. При этом следует указать на модальный характер временных форм конъюнктива, т. е. на выражение ими возможности или полной невозможности изображаемых фактов, а также и на то, что временный характер форм конъюнктива расходится с временным значением аналогичных форм индикатива под влиянием их модального значения. А именно: претерит конъюнктива служит для выражения действий в настоящем или будущем времени, в отличие от индикатива, где претерит служит выражением действий в прошедшем, плюсквамперфект же конъюнктива выражает абсолютное прошедшее.

Здесь следует также указать, что формы конъюнктива используются и в специфическом языковом стиле — косвенной речи как грамматическое средство оформления ее и как средство грамматического подчинения предложений, содержащих эту косвенную речь, хотя при этом, в отличие от русского сослагательного наклонения, формы конъюнктива не обладают свойственным конъюнктиву модальным значением, например: Fabian erwiderte, daß er dieser Tage vorbeikommen werde (Фабиан ответил, что зайдет на этих днях).

Характерно, что модальный оттенок чужой речи может при этом выражаться сочетаниями инфинитива (особенно второго) с модальными глаголами, например: Er will den Brief geschrieben haben. (Он утверждает, что написал (писал) это письмо). Er soll den Brief geschrieben haben (Говорят, что он писал (написал) это письмо).

Отличается от грамматических категорий русского глагола также и категория залога.

В русском языке страдательный залог образуется как при помощи страдательного причастия (Дом был построен), так и при помощи суффикса «-ся» (Дом строился). Однако, этот суффикс далеко не однозначен и может придавать глаголу разнообразные залоговые значения, например: мыться, успокоиться, сердиться, ссориться, встречаться, среди которых значение страдательного залога (работа пишется с трудом) является далеко не ведущим. Кроме того, этот суффикс иногда служит словообразовательным средством образования новых глаголов: относить — относиться, обращать — обращаться, значить — значиться.

В немецком языке пассив — однозначная грамматическая форма, образуемая при помощи вспомогательного глагола werden и второго причастия переходных глаголов. Он полностью соотносится с активом, имеет также конъюнктив и оба инфинитива (geschrieben werden — geschrieben worden sein — быть написанным).

Кроме того, в немецком языке имеется еще конструкция — sein-причастие II переходных глаголов, — имеющая также пассивное, но всегда результативное значение совершенного вида: Auf dem Marmorbassin war mit deutlichen Lettern sein Name einge-

meißelt (На мраморном бассейне было четкими буквами выгравировано его имя) в то время, как конструкция с werden (так же, как и времена актива) может иметь значение как совершенного, так и несовершенного вида, например: Bald wurde die Arbeit beendet (Скоро работа была закончена); Noch lange wurde die Arbeit nicht beendet (Работа должно не заканчивалась).

Естественно, что категория залога свойственна только переходным глаголам, так как сама сущность категории залога, т. е. выражение направления глагольного действия, связана с двумя понятиями: с понятиями производителя действия, который является подлежащим предложением в активе и предложным дополнением в пассиве, и с понятием объекта действия, который является прямым дополнением в активе и подлежащим — в пассивной конструкции.

Четкость выражения залога в немецком языке приводит к его большой распространенности в различных речевых стилях, в особенности в стиле публицистическом и в научном. Немецкий пассив дает дополнительные возможности для подчеркивания самого процесса и его объекта, которые становятся грамматическими центрами высказывания.

Кроме того, немецкий пассив, будучи очень часто двучленным, дает возможность абстрагироваться от производителя действия, что и обуславливает его очень частое применение в вышеуказанных стилях речи, например: Er wurde häufig begrüßt (Его часто приветствовали); In Budapest wurde ein Aufruf veröffentlicht (В Будапеште было опубликовано воззвание).

Такое сосредоточение внимания на самом действии, без учета его производителя приводит далее к наличию одночленного или "безличного", пассива, где отсутствует не только производитель действия, но и его цель, и где остается лишь сама форма пассива для выражения действия. Отсутствие значения страдательного залога сказывается в данной форме, в частности и в том, что этот «безличный» пассив возможен и у непереходных глаголов, например: Hier wird viel gearbeitet (здесь много работают); Es wurde gestern viel getanzt (вчера много танцевали).

Что касается словообразовательной формы немецкого глагола, то следует сказать, что здесь превалирует префиксация¹. Огромное большинство глаголов образуется при помощи богатой системы префиксов (при чрезвычайно бедном словообразовании при помощи суффиксов). Особо следует указать на специфическую для немецкого глагола, исторически сложившуюся возможность словообразования при помощи так называемых отделяемых префиксов или «полупрефиксов»².

¹ Хотя можно отметить сложные глаголы, как notlanden (сделать вынужденную посадку), radfahren (ездить на велосипеде), teilnehmen (принимать участие), stattfinden (иметь место), spazierengehen (гулять), stehenbleiben (остановиться) и пр.

² См. М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка, 1953, стр. 315—317.

Наречное происхождение данных префиксов, а также чрезвычайно характерная для структуры немецкого предложения так называемая «рамочная конструкция» с расщеплением сказуемого на две части и с постановкой в конец предложения семантически решающего его компонента приводит к определенному, закреплённому в порядке слов немецкого предложения положению этих отделяемых префиксов. Например: Dann bog er zum Rathausplatz ein (Затем он завернул на площадь Ратуши). Er lächelte ihm sogar zu. (Он ему даже улыбнулся).

Это явление не свойственно русскому глаголу.

Артикль

В немецком языке имеется особая часть речи, которой нет в современном русском языке, а именно артикль. Это — служебное слово, специально служащее для всесторонней характеристики имени существительного, в первую очередь оформляющее имя существительное как часть речи.

Связка

Интересным является также вопрос о глагольной связке в немецком языке. Он приобретает тем большее значение, что при глагольном характере немецкого предложения, наличие связки в нем, в отличие от предложения современного русского языка, обязательно.

Здесь встает вопрос о праве связочных глаголов немецкого языка считаться частью речи. Думается, что их нельзя считать знаменательной частью речи, так как они не удовлетворяют требованиям, предъявляемым к части речи. В первую очередь, они лишены самостоятельной семантики. Во всяком случае, они лишены ее настолько, что не могут сами по себе служить сказуемым предложения, оформив его как коммуникативную единицу. Они служат лишь для осуществления логической и грамматической связи между подлежащим и именной частью сказуемого — предикативом. Связочный глагол не образует сам по себе члена предложения и лишь в сочетании с предикативом он образует сложное именное сказуемое. Осуществляя связь подлежащего с предикативом, связка принимает на себя выражение предикативности предложения, т. е. выражение категорий лица, времени и наклонения, которые она способна выражать благодаря своей глагольной природе. Однако, некоторые лексические оттенки связки, кроме глагола *sein*, все же сохраняют.

Какие глаголы считать для немецкого языка связочными, т. е. какие глаголы считать настолько побледневшими семантически, что их роль в предложении сводится почти исключительно к роли связки? Какие критерии следует выдвинуть, чтобы считать глагол связочным?

Мы считаем возможным присоединиться здесь к точке зрения А. И. Рuffьевой, которая в своей диссертации «Связочные глаголы в современном немецком языке», (Москва 1952), выдвинула следующие критерии определения связочных глаголов: 1) связочные глаголы могут соединяться с любым предикативом, без ограничения, образуя вместе с ним сложное именное сказуемое; 2) при этом связочный глагол не влияет на форму предикатива, которая всегда под влиянием согласования с подлежащим употребляется в форме именительного падежа; 3) предикатив при этом всегда имеет семантику признака, приписываемого при помощи связочного глагола подлежащему предложению. При анализе немецких глаголов такими чисто связочными глаголами представляются глаголы *sein* (быть), *werden* (стать), *bleiben* (оставаться). При этом следует оговорить, что глагол *werden* может соединяться с предикативом также при помощи предлога *zu*, требующего соответственной падежной формы существительного, и что эти глаголы, несмотря на их сильно ослабленную семантику, все же несколько варьируют оттенки значения сказуемого, в данном случае главным образом видовые оттенки: *Das Wetter ist gut — wird gut — bleibt gut* (Погода хорошая — становится хорошей — остается хорошей).

Грамматики немецкого языка приводят еще обычно как связочные глаголы, глаголы *heißen* (называться), *scheinen* (казаться), *genannt werden* (быть названным). Интересно, что здесь берется не глагол *nennen* (называть), а пассивная конструкция *genannt werden*, позволяющая сохранить именительный падеж предикатива. Следует указать также и на тот факт, что параллельно со связочными глаголами существуют одноименные полнозначные глаголы, например: *Er ist Lehrer* (Он учитель; глагол *ist* — связка), *Er ist hier* (Он здесь; глагол *ist* — полнозначный глагол), *Sie scheint krank* (Она кажется больной; глагол *scheint* — связка), *Die Sonne scheint* (Солнце светит; глагол *scheint* — полнозначный глагол), *Sie blieb stumm* (Она оставалась немой; глагол *blieb* — связка), *Sie blieb im Zimmer* (Она оставалась в комнате; глагол *blieb* — полнозначный глагол).

Грамматика русского языка АН СССР называет для русского языка значительно большее количество связочных глаголов. Так, к связочным глаголам здесь относятся, кроме «чистых связок» — глаголов «быть» и «являться», еще и глаголы «бывать», «казаться», «показаться», «оказаться», «оказываться», «стать», «становиться», «сделаться», «остаться», «зваться», «считаться», «слыть», «почитаться» и пр.¹ Здесь также указывается на функции этих глаголов в других случаях как полнозначных.

Резким отличием русского языка от немецкого является преимущественная форма творительного падежа для именной части сказуемого, в то время как нормой для современного немецкого языка является именительный падеж. Соответствия в русском и

¹ См. Грамматика русского языка, т. II, ч. I, АН СССР, стр. 416.

немецком языках имеются иногда при редких формах родительного падежа у предикатива, например: *Er ist anderer Meinung* (Он другого мнения) или при выражении предикатива предложным сочетанием, например: *Die Drehbank ist aus erstklassigem Stahl* (Станок из первоклассной стали).

Таким образом, при сопоставлении отдельных частей речи русского и немецкого языков выявляется сходство грамматических категорий этих языков, присущих им как языкам одной индоевропейской группы. Наряду с общими явлениями в грамматическом строе сопоставляемых языков выявились и значительные различия как в существовании тех или иных грамматических категорий, так и в формах выражения этих категорий. Различные исторические пути развития народов — носителей данных языков — не могли не отразиться и на различиях в грамматическом строе этих языков.

ГРАММАТИЗАЦИЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ АБСТРАКЦИЯ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛОВ В СОЧЕТАНИИ С ИНФИНИТИВОМ

(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

В любом языке слова распределяются на категории слов знаменательных и служебных. «Первые отражают действительность в ее предметах, действиях, качествах или свойствах... Вторые отражают отношения между явлениями действительности»¹.

Служебными словами обычно называют «слова, первоначальное лексическое значение которых в той или иной степени ослаблено или утрачено и которые выступают в предложении как средства для соединения слов и выражения отношений»².

Известно, что среди служебных слов различаются две основные категории. К одной категории относятся слова, назначение которых выполнять только лишь служебные, грамматические функции, к другой относятся слова, которые выполняют служебные функции лишь в определенных синтаксических условиях. Служебные слова этой последней категории имеют как бы двойственный характер употребления. С одной стороны они могут полностью сохранять свое лексическое значение в предложении и обозначают конкретные предметы, признаки, качества или действия, с другой стороны, употребляясь в определенных сочетаниях, они в значительной степени, а иногда и полностью утрачивают свое лексическое содержание и выражают грамматические значения. Степень служебности отдельных групп таких слов или часто одного и того же слова не одинакова. Она зависит от целого ряда условий и прежде всего таких, как: полностью или частично утрачено данным словом лексическое значение, ограниченно или неограниченно сочетание его в служебной функции с другими словами, насколько широко распространено данное слово в языке и т. д. Эту традицию в степени служебности можно видеть, наблюдая употребление некоторых глаголов современного французского языка.

¹ Грамматика русского языка, т. I, АН СССР, 1952, стр. 20.

² Dauzat A. Phonétique et grammaire historique de la langue française, Paris, 1950, p. 205.

Проблема служебности глаголов очень велика. В данной статье затрагивается лишь вопрос различения основных двух этапов в процессе образования служебного слова, которые условно называются «грамматизация» и «грамматическая абстракция».

Термины «грамматизация» («грамматикализация») и «грамматическая абстракция» имеют распространение в советской, а также в зарубежной лингвистической литературе¹. Но обычно этими терминами обозначают как процессы, происходящие в сфере лексики, так и процессы, происходящие в сфере грамматики. Так, например, Л. А. Бармина пишет, что грамматическая абстракция развивается на основе конкретного лексического материала. Называя этот процесс также грамматикализацией, автор поясняет, что под грамматикализацией слова понимается процесс потери словом своего лексического значения и усиления или даже приобретения им нового грамматического значения, т. е. превращения полнозначного слова в грамматический показатель². Однако если замечание, касающееся процесса грамматизации не вызывает никаких возражений, то понимание автором процесса грамматической абстракции представляется спорным. На наш взгляд эти два процесса, составляя два основных этапа в развитии лексически полнозначного слова в служебное, отличаются друг от друга.

Грамматизации подвергаются лексически полнозначные слова, которые в силу различных условий постепенно ослабляют своё лексическое значение и начинают выражать некоторые грамматические значения. Само понятие грамматизации подразумевает приспособление какого-либо слова к выражению грамматических значений.

Процессу же грамматической абстракции подвергаются служебные слова уже утратившие свое лексическое значение. Грамматическая абстракция знаменует завершение процесса грамматизации, происходящего в сфере лексики; грамматическая абстракция развивается в сфере грамматики. В процессе грамматической абстракции служебное слово выходит за рамки частных случаев употребления и образует систему.

¹ См. A. Meillet. *Linguistique historique et linguistique générale*. «L'évolution des formes grammaticales». Paris, 1926, p. 131.

B. Setterberg-Jorgensen. *Andare, venire et tornare verbes copules et auxiliaires dans la langue italienne*, Göteborg, 1950, pp. 9—20, 30.

Б. А. Серебрянников. Об устойчивости морфологической системы языка. В книге «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», АН СССР, 1952, стр. 205.

В. Н. Ярцева. Пути развития словосочетания. Ученые записки ЛГУ им Жданова, № 156, вып. 15, т. I, 1952.

Б. А. Звегинцев. К понятию внутренних законов развития языка. Известия АН СССР, 1951, вып. 4, стр. 323.

А. А. Давидова. Сложные глаголы в современном хиндустан. Автореферат диссертации, 1953.

² Л. А. Бармина. Служебные и вспомогательные глаголы в современном английском языке. Автореферат диссертации, М., 1953.

Признавая эти два объективно существующие и взаимосвязанные процессы, представляется возможным несколько иначе подойти к классификации французских глаголов, выполняющих служебные функции. Распространенная во французской грамматике классификация конструкций, образованных глаголом в личной форме в сочетании с неличными формами, на глагольные перифразы и аналитические формы, страдает одним существенным недостатком.

Глагольная перифраза, обозначающая особое конструктивное, не морфологическое и не описательное средство выражения дополнительных оттенков действия¹, включает в себя как глаголы, сохраняющие свое лексическое значение (например *finir par + infinitif*), так и глаголы, полностью утратившие его (*aller + infinitif* в значении *Futur immédiat*).

В этих случаях различие между конструкциями, образуемыми, например, глаголами *compter* (считать), *penser* (думать), *songer* (мечтать) и другими в сочетании с инфинитивом и конструкциями, образуемыми такими глаголами как *aller* (идти), *venir* (приходить), *faire* (делать), *laisser* (оставлять) с инфинитивом, стирается. Однако эти конструкции отличаются друг от друга как по внутренней спаянности компонентов, так и по типу сказуемых в предложении, роль которых они выполняют.

В глагольных перифразах смешиваются глаголы, подвергнувшиеся процессу грамматизации, и глаголы, подвергнувшиеся процессу грамматической абстракции. Первые, следуя терминологии, принятой некоторыми грамматистами, можно условно называть служебными глаголами, а вторые—вспомогательными.

Процессы грамматизации и грамматической абстракции французских глаголов возможны лишь в определенных типах сочетаний. Одним из таких типов сочетаний являются конструкции с инфинитивом. В современном французском языке насчитывается более двух десятков глаголов, употребляющихся в служебных функциях в сочетании с инфинитивом. К ним можно отнести следующие: *avoir à, aller, compter, croire, devoir, être, être à, être en train de, être sur le point de, ne faire que de, faire, faillir, laisser, manquer, se mettre à, penser, pouvoir, se prendre à, savoir, songer à, sortir de, venir, venir à, venir de, vouloir*².

Служебными функциями этих глаголов следует считать их способность в сочетании с инфинитивом выражать временные, модальные, залоговые, а также видовые значения в предложении. Как известно, французские глаголы не имеют регулярной системы форм категории вида. Однако для обозначения характера про-

¹ Данное определение автор заимствует из диссертации. О. Н. Скворцовой «Аналитические построения глагольного сказуемого в современном французском языке». М., 1952, стр. 44.

² Переводов перечисленных глаголов мы не даем, так как на значение их, которое нередко меняется в зависимости от контекста, указано в каждом конкретном случае.

теканя действия употребляются некоторые глаголы, которые в сочетании с инфинитивом выражают видовые оттенки действия. Например: начинательность действия:

«Il se mit à respirer longuement, buvant de l'air...»
(Maupassant).

«Он принялся глубоко дышать, упиваясь воздухом...»

Оттенок длительности действия:

Il est chez lui à lire votre lettre».

«Он у себя, читает ваше письмо».

Основной признак служебности глагола проявляется в частичной или полной утрате им своего основного лексического значения. Однако известно, что ослабление или утрата лексического значения не всегда ведет к грамматизации сочетания, но может также вести к образованию несвободных, лексикализованных глагольных сочетаний. Сравним, например:

«Personne à présent ne venait les voir...»

(Flaubert).

«Никто теперь не навещал их».

«Après cinq minutes d'attente, on le fit entrer dans le cabinet».

(Maupassant).

«Минут через пять его пригласили в кабинет».

В работах некоторых авторов иногда, не совсем обоснованно отдельным глаголам в сочетании с инфинитивом приписываются грамматические значения в то время как последние выражаются самим лексическим значением глаголов.

Например, нельзя согласиться с отнесением глагола *se permettre de* (позволять себе) к числу служебных глаголов¹, так как модальный оттенок смягчения действия, который ему приписывается, выражается самим лексическим значением глагола:

«Je me permets de vous faire remarquer».

«Я позволю себе заметить вам...»

То же самое можно сказать о глаголе *se garder de* (воздержаться), который выражает модальный оттенок (рекомендации) своим собственным лексическим значением:

«Gardez-vous de juger les gens sur la mine».

«Воздерживайтесь судить о людях по виду».

Выше уже говорилось, что служебные функции достигаются не собственным лексическим значением какого-либо глагола, а сочетанием данного глагола, утратившего или ослабившего свое первоначальное лексическое значение, с инфинитивом или каким-либо другим компонентом. Глагол сам по себе не может выполнять служебные функции, он может это делать лишь в сочетании с другим компонентом.

Модальный оттенок намерения может выражаться, например,

¹ Dictionnaire Quillet de la langue française; dictionnaire méthodique et pratique rédigé sous la direction de Raoul Mortier. Paris, 1948, t. IV, p. 2025.

таким глаголом как *prétendre*, имеющим в числе других значений «намереваться».

«**Il prétend faire** ce voyage en été».

«Он намерен совершить эту поездку летом».

Но этот же модальный оттенок может выражаться путем употребления глагола *songer à* (думать, мечтать) в сочетании с инфинитивом:

«Un matin enfin, il **songea à vendre** quelque chose».

(Maupassant).

«Наконец, однажды утром... он решил продать что-нибудь».

Глаголы, подвергнувшиеся процессу грамматики, употребляются в языке как средства лексико-грамматические. *aller, avoir à, être, compter, croire, devoir, être à, être en train de, être pour, être sur le point de, faillir, manquer, penser, pouvoir, se prendre à, savoir, songer à, venir*.

Эти глаголы в сочетании с инфинитивом, привносят модальные и видовые оттенки действия благодаря некоторым элементам своего основного, исходного лексического значения и находятся как бы на рубеже между лексикой и грамматикой.

Примеры:

Глагол *devoir* (долженствовать) в сочетании с инфинитивом может выражать модальный оттенок смягчения действия:

«**Il ne devait pas y comprendre** grand chose».

(Flaubert).

«Он не очень-то хорошо разобрался в этом».

Этот же оттенок достигается путем употребления глаголов *venir* и *aller* в сочетании с глаголами, означающими просьбу, сообщение, уведомление и т. д. (*prier*—просить, *annoncer*—уведомлять, *demander*—просить и др.).

«**Je viens porter plainte**, Monsieur le maire».

(G. Chevalier).

«Я к Вам с жалобой, господин мэръ».

«**Je vais vous demander** l'autorisation».

«Я к Вам просить разрешения».

Глаголы *venir* и *aller* употребляются в этой функции весьма широко и как правило в *Présent*, реже в *Imparfait* (авторская косвенная речь).

Модальный оттенок намерения субъекта совершать действие может выражаться глаголами *compter, devoir, songer à, vouloir* в сочетании с инфинитивом:

«**Je compte partir** demain».

«Я намерен завтра уехать».

«Le lendemain, comme **elle devait aller** adresser son invitation à Mme Walter, il **voulut la devancer**, pour trouver seule la Patronne...»

(Maupassant).

«На следующий день, когда она собиралась идти вручить приглашение мадам Вальтер, он решил ее опередить, чтобы застать жену патрона одну...»

В этой функции чаще других встречается глагол *devoir* с инфинитивом. Ж. Гугенэм объясняет это тем, что во французском языке нет специальной формы для выражения будущего времени в таких наклонениях, как *Subjonctif*, *Conditionnel*, и для обозначения будущего времени с оттенком предположения, возможности употребляется *devoir*¹.

«Il semble qu'on quitte le monde, qu'on ne doit plus jamais arriver nulle part, qu'il n'y aura plus de rivage, qu'il n'y aura pas de jour».
(Maupassant).

«Кажется, что покидаешь мир, что, наверное, никогда больше никуда не приедешь, что больше не увидишь берега...»

«Mais cette résolution ne devait point s'exécuter»
(Maupassant).

«Но этому решению не суждено было осуществиться».

К модальным оттенкам возможности совершения действия следует отнести оттенок, выражаемый глаголом *savoir* (знать) в сочетании с инфинитивом:

«...une paire de bottes ne saurait pas suffire, même si elles sont coupées avec le plus grand soin» (Yves Montand. Du soleil plein la tête)
«...пары сапог, наверное, недостаточно, даже если они очень хорошо сшиты».

Обычно с этим значением *savoir* встречается в форме *Conditionnel Présent*.

Модальный оттенок побуждения, рекомендации к действию может выражаться глаголами *aller*, *venir*:

«N'allez pas lui dire cela».

«Не пытайтесь ему говорить об этом».

«Ne venez pas lui parler de placer son argent dans les pétroles».
(Aragon).

«...Не вздумайте ему поворить о том, чтобы он вложил свои деньги в нефтяные предприятия».

Эти конструкции употребляются как правило в устной речи в форме повелительного наклонения и не получили достаточно широкого распространения в языке.

Модальный оттенок предположения относительно реальности действия может выражаться глаголами *devoir*, *pouvoir* в сочетании с инфинитивом:

«Vous devez avoir des parents?»

(Maupassant).

«У вас, наверное, есть родственники?»

(Maupassant).

«...il se décida pour le grand collier qu'elle semblait préférer, et qui pouvait bien valoir, pensait-il, six ou huit francs...»

«Он остановился на большом ожерельи, которое она повидимому

¹ G. Gougenheim. Etude sur les périphrases verbales de la langue française, Paris. 1929, p. 75.

предпочитала другим и которое, повидимому, стоило, думал он, шесть или восемь франков...»

Среди приведенных модальных оттенков в современном французском языке нередко можно встретить модальный оттенок случайности наступления действия, выражаемый сочетанием глагола *venir* с инфинитивом:

«Dans l'immediat, je vous souhaite de bonnes vacances, en exprimant le vœu qu'une session extraordinaire **ne vienne pas les interrompre**». (Débats parlementaires, 1955, p. 4687).

«На будущее я вам желаю хорошо провести свой отпуск, выражая пожелание, чтобы какая-нибудь внеочередная сессия вдруг не прервала его».

«Et c'est là que la sentinelle d'en face, dans l'affolement, a lâché ce coup de fusil **qui est venu blesser l'Adèle**».

(G. Chevalier).

«И вот тогда-то часовой, стоявший напротив, растерявшись, выстрелил и случайно ранил Адель».

Кроме модальных оттенков, некоторые из вышеперечисленных глаголов в сочетании с инфинитивом могут выражать видовые оттенки глагольного действия. Наибольшее распространение в этой функции получили глаголы *se mettre à*, *se prendre à* (начинательность действия) *venir* (завершенность действия) в сочетании с глаголами типа *s'arrêter* (остановиться), *se placer* (расположиться), *se réunir* (объединиться) и др.

«Son cœur **se mit à battre**» (Maupassant)

«Сердце его забилося».

«**Elle se prit à pleurer**».

«Она принялась плакать».

«...douze hommes **vinrent se placer** à vingt pas le fusil au pied».
(Maupassant).

«...двенадцать человек выстроились с ружьями к ноге в двадцати шагах от пленников».

К видовым оттенкам следует также отнести оттенок внезапности наступления действия, выражаемый глаголом *venir* в сочетании с инфинитивом:

«N'était-ce pas révoltant qu'un étranger, un inconnu, **vint ainsi troubler** votre vie, tout d'un coup, sans raison, par pur caprice...»
(Maupassant).

«Разве не возмутительно, что какой-то незнакомец, неизвестный, вдруг приводит вот так, сразу, в смятение всю вашу жизнь».

В данном предложении этот оттенок усиливается также лексическими средствами (*tout d'un coup*—сразу), самым лексическим значением инфинитива (*troubler*—смущать, волновать). Однако этот оттенок может выражаться и без дополнительных лексических средств:

«Un souci meilleur **vint le distraire**, à savoir la grossesse de sa femme».

(Flaubert).

«Неожиданно, другие, более приятные хлопоты отвлекли его, а именно беременность его жены».

В современном французском языке распространено выражение: длительности действия, что достигается употреблением глагола être en train de с инфинитивом:

«Le domestique répondit:

—C'est que Monsieur **est en train de travailler**».

(Maupassant).

«Слуга ответил:

—Дело в том, что господин сейчас занят».

«...il **était en train de se raser**».

(Maupassant).

«...он в это время брился».

К видовым характеристикам глагольного действия следует также отнести значения конструкций, образованных глаголами penser (думать), croire (верить), faillir (недоставать), manquer (нехватать) в сочетании с инфинитивом. Эти конструкции обозначают, что действие было на грани совершения, но не осуществилось.

«Puis il monta dans un wagon plein de Parisiennes, qui **pensèrent mourir de peur en voyant arriver cet homme étrange...**»

(Daudet).

«Затем он влез в вагон, в котором ехало много парижанок. Они чуть было не умерли со страху увидя этого странного человека».

«**J'ai failli aller à Lyon hier**»

«Я чуть было не уехал вчера в Лион».

Как правило эти глаголы употребляются в формах Présent, Passé simple, Passé composé и Plus-que-parfait.

Во всех приведенных примерах можно видеть, что модальные и видовые оттенки действия выражаются благодаря сохраняющейся семантике глагола в личной форме. Именно поэтому изучающий французский язык, даже если он не знаком с данными конструкциями, все же может понять их значение в контексте, зная исходное лексическое значение глаголов.

Модальные и видовые функции, выполняемые глаголами avoir à, être à, devoir, venir, aller, compter, penser à, songer à, savoir, pouvoir, se prendre à и другие, не образуют регулярной системы выражения вида или модальности. Эти категории могут выражаться в предложении также и другими средствами. Служебные функции этих глаголов неустойчивы. Это проявляется прежде всего в том, что выражение модальных и видовых оттенков этими глаголами в разной степени обусловлено формами времени, залога, речевым стилем, лексическим значением зависимого компонента (инфинитива), контекстом и т. д.

Что касается их синтаксических функций в предложении, то процесс грамматизации здесь проявляется в том, что глаголы могут определять как действие, выраженное инфинитивом, так и субъекта действия, в силу частичного сохранения своего лексиче-

ского значения. Сказуемые, образуемые подобными сочетаниями, часто называют «двойными сказуемыми»¹.

В числе глаголов, выполняющих служебные функции, необходимо различать глаголы, сочетания которых с инфинитивом по своей структуре ничем не отличаются от приведенных выше сочетаний, но качество выполняемых ими служебных функций имеет некоторые особенности.

В современном французском языке очень широко распространены конструкции с инфинитивом, служащие для выражения причинности, которое заключается в том, что субъект не осуществляет сам действия, а является инициатором или побудительной причиной действия, выраженного в форме инфинитива².

«des rossignols lointains mêlaient leur musique égrenée qui fait rêver sans faire penser...»

(Maupassant).

«...далекие соловьи примешивали свое шелкающее пение, которое заставляет мечтать, не заставляя думать...».

«Ils essayèrent aussi de lui faire boire de l'huile de ricin, car c'était là une de leurs manies, qu'ils trouvaient plaisant et propre à faire fructifier leurs idées». (Ives Montand, Du soleil plein la tête.)

«Они пытались также принудить его выпить жасторку; это было одно из их пристрастий, которое они находили забавным и способным сделать плодотворными свои идеи».

Лексическое значение глагола faire в ещё большей степени ослаблено, что позволяет, например, автору дважды употреблять эту конструкцию faire+infinitif в данном предложении. Глагол faire в отличие от вышеперечисленных глаголов не характеризует действие в инфинитиве. Действие, обозначаемое инфинитивом, выполняется не субъектом. Глагол faire указывает лишь на то, что субъект послужил причиной этого действия. Аналогичные функции выполняет также глагол laisser, образуя, как и глагол faire, одно неразложимое целое с инфинитивом. А. Мейе отмечает, что было время, когда, например, в предложении «je laisse venir» чётко различались два полнозначных слова, но постепенно, по мере всё более широкого употребления глагола laisser с инфинитивами многих глаголов, он утратил своё лексическое значение в этой конструкции и стал служебным словом инфинитива³.

«Ses cheveux ternes, rares et légers comme un duvet de jeune canard, laissaient voir partout la chair du crâne».

(Maupassant).

«Его выцветшие, редкие и лёгкие словно пух утёнка волосы, позволяли видеть кожный покров черепа».

¹ О двойных сказуемых см., например, М. М. Галинская. О двусказуемых предложениях в современном английском языке. Журнал «Иностранные языки в школе», М., 1948, № 2, стр. 33 и Л. А. Бармина. Указ. диссертация.

² См. Т. А. Абросимова. Способ выражения каузативности во французском языке. Диссертация, Л., 1954, стр. 42.

³ См. А. Meillet. Указанное сочинение, стр. 134—135.

Употребление сочетаний *faire* и *laisser* с инфинитивом позволяет выражать залоговые отношения между действием и субъектом. Залоговое значение, которое выражается этими конструкциями, можно назвать побудительными. Отсутствие совокупности признаков, характерных для аналитической формы, не позволяет отнести глаголы *faire* и *laisser* к вспомогательным глаголам, но их можно отнести к служебным глаголам. К этой же разновидности глаголов в служебной функции можно отнести также *venir à*, который в сочетании с инфинитивом утрачивает своё лексическое значение и указывает на случайный характер действия:

«Nous parlâmes de nos vieux maîtres et un de nous vint à nommer M. Petit—Radel...» (A. France).

«Мы заговорили о наших старых учителях и один из нас случайно назвал имя Пти-Радэля».

В отличие от предыдущей группы глаголов эти глаголы в сочетании с инфинитивом выполняют в предложении роль составного сказуемого, т. к. их исходное лексическое значение настолько ослаблено, что они могут определять подлежащее только в сочетании с зависимым компонентом.

Выше уже говорилось об особом месте глаголов *aller* и *venir* (de), выполняющих служебные функции в сочетании с инфинитивом. Следует еще подчеркнуть, что в отличие от всех выше приведенных глаголов, эти глаголы, в сочетании с инфинитивом утрачивают полностью свое лексическое значение; их семантика оказывала влияние на выражение грамматических значений лишь на первой ступени развития образуемых ими конструкций. В современном же языке это семантическое влияние почти утратилось.

Подвергнувшись процессу грамматической абстракции, они стали в современном языке регулярными грамматическими средствами для выражения некоторых грамматических значений. Глагол *aller* в сочетании с инфинитивом образует аналитическую форму с временным значением ближайшего будущего (*Futur immédiat*).

«**Ça va me coûter un argent fou, ce logis—là. Il va falloir que j'emprunte encore.**»

(Maupassant).

«Она мне будет стоить сейчас бешеных денег, эта квартира. В скором времени мне нужно будет одолжить ещё».

В современном языке глагол *aller* в этой конструкции никакого реального движения не обозначает. Временное значение ближайшего будущего развилось из прежнего значения конструкции *aller+infinitif*, указывавшей на начинательность действия.

Конструкция *aller+infinitif* имеет две формы: абсолютную (*Futur immédiat*—ближайшее будущее) и относительную (*Futur immédiat dans le passé*—ближайшее будущее в прошедшем). Абсолютная форма возникла в XIV—XV веках. Позже, в XVIII веке развилась параллельная ей относительная форма *aller* в *Imparfait+Infinitif*.

«Il allait riposter avec ironie; on lui apporta une dépêche...»

(Maupassant).

«Он намеревался было ответить иронически, когда ему принесли депешу».

«Elle allait monter l'escalier. Il la retint par le bras».

(Maupassant).

«Она хотела было подняться по лестнице, но он задержал её за руку».

Образование относительной формы служит примером проявления грамматической абстракции, когда служебное слово *aller* приобретает новые парадигмы спряжения, образуя систему.

В современной разговорной речи французского языка нередко в значении *Futur immédiat* употребляется конструкция *vouloir + infinitif*. Например: *Il veut pleuvoir.* (Сейчас пойдет дождь);

Le train veut partir. (Поезд сейчас пойдёт).

Диаметрально противоположное временное значение — *Passé immédiat* (непосредственное предшествование настоящему) образуется вспомогательным глаголом *venir de* с инфинитивом. В этом значении *venir (de)* также полностью лишён своего лексического значения.

«Paris vient de lui dire: Adieu!» (Pottier).

«Париж только что сказал ему: Прощай!»

Как и конструкция *Futur immédiat*, форма *venir de + infinitif* отвечает всем признакам аналитической формы глагола. Наличие предлога *de* вряд ли может препятствовать отнесению этой конструкции к разряду аналитических форм. Особенности, присущие аналитическому строю французского языка, в частности роль и значение предлогов в нём, позволяют допускать возможность образования во французском языке не только беспредложных, но и предложных аналитических форм.

Форма *Passé immédiat* возникла во французском языке в XV—XVI веках. Так же, как и *Futur immédiat*, конструкция *venir de + infinitif* в результате грамматической абстракции приобрела относительную форму, которую можно было бы условно назвать *Plus-que-parfait immédiat*. В отличие от относительной формы *Futur immédiat*, форма *Plus-que-parfait immédiat* развивалась приблизительно одновременно с абсолютной формой *Passé immédiat*, т. е., начиная с XV века, и в современном языке имеет очень широкое распространение:

«Ma sœur avait six ans, mon frère quatre, et je venais de naître.»
(Ives Montand).

«Моей сестре было (тогда) шесть лет, брату четыре, а я только что родился».

«Vous rappelez—vous, mon ami, que je suis venu à Tostes une fois, quand vous veniez de perdre votre première défunte».

(Flaubert).

«Вы помните, мой друг, как я однажды приехал в Тост, вскоре после смерти вашей первой жены».

В приведенных конструкциях *aller* и *venir de* с инфинитивом наблюдается такое «отвлечение грамматики от семантики»¹ этих глаголов движения, что говорящий совершенно не осознаёт их исходного лексического значения.

Может возникнуть вопрос, почему образование относительных форм конструкций *Futur immédiat* и *Passé immédiat* следует рассматривать как проявление процесса грамматической абстракции этих конструкций, в то время как различные формы других глаголов, выполняющих служебные функции в сочетании с инфинитивом, нельзя назвать результатом этого процесса? Единый ответ на этот вопрос не может быть удовлетворительным для объяснения употребления всех глаголов, выполняющих служебные функции. В одних случаях употребление таких глаголов в различных временных формах в сочетании с инфинитивом нельзя отнести к явлениям грамматической абстракции, т. к. эти глаголы частично сохраняют своё лексическое значение и не являются чистыми грамматическими показателями. Например:

Il songe	}	Он думает	
Il songeait à se marier		Он думал	жениться
Il songea		Он подумал	

В других случаях сама семантика некоторых глаголов предопределяет их служебное назначение. В качестве примера можно привести глагол *se mettre*. Его эквивалентами в русском языке могут быть: 1) начинать, приняться, приступить; 2) поместить себя, сесть, стать, лечь; 3) надевать на себя, одевать; 4) сделаться, стать (в фамильярных выражениях). Этот глагол настолько лексически абстрагирован, что его самостоятельное употребление в языке крайне затруднительно. Глагол *se mettre* в сочетании с различными частями речи даёт опромное множество лексических оборотов и выражений. Что касается его значений «приниматься», «приступать», «начинать», то они выражаются этим глаголом чаще всего в сочетании с инфинитивом (*se mettre à + infinitif*), а также нередко в сочетании с существительным. Например: *se mettre à l'oeuvre* (приняться за дело) и т. д.

Таким образом грамматическое значение этого глагола в сочетании с инфинитивом (видовой оттенок начинательности действия) совпадает с его лексическим значением «приступать», «приняться». Ввиду этого возможность спряжения глагола *se mettre* в сочетании с инфинитивом в других временных формах с сохранением его видového значения нельзя рассматривать как развитие его «служебности», как процесс грамматической абстракции. В этом главное отличие различных форм конструкций *se mettre à + infinitif* от, например, относительных форм *aller + infinitif* и *venir de + infinitif*. Лексическое значение глаголов *aller* и *venir de* не

¹ В. Н. Ярцева. Составное сказуемое и генезис связочных глаголов в английском языке. Труды ВИИФ, 1947, № 3, стр. 47.

имеет ничего общего с грамматическим значением, выражаемым ими в сочетании с инфинитивом.

Грамматизация возникает на базе конкретного лексического материала и развивается, путем преодоления сопротивления лексики. Поэтому глагол подвергнувшийся процессу грамматизации, может находиться на разных ступенях отвлечения от лексического значения. Глаголы могут частично сохранять своё лексическое значение и в то же время выполнять грамматические функции, употребляясь в языке как лексико-грамматические средства. К таким частично-грамматизованным глаголам можно отнести: *devoir, se prendre à, compter, croire, manquer, songer à, savoir, pouvoir, penser* в сочетании с инфинитивом. Такие глаголы можно условно называть полу-служебными. Вместе с зависимым компонентом они выполняют функции так называемого «двойного сказуемого» в предложении. Глаголы могут полностью утрачивать своё основное лексическое значение и быть служебными глаголами, выполняя вместе с зависимым компонентом функции составного сказуемого в предложении. К таким глаголам можно отнести: *venir à, se mettre à, laisser, faire*.

И, наконец, служебные глаголы могут подвергнуться грамматической абстракции, превратиться во вспомогательные глаголы, образуя систему спряжения. Такие глаголы образуют с зависимым компонентом аналитическую форму, выполняющую в предложении роль простого сказуемого. К глаголам этого типа следует отнести *aller* и *venir de*.

Таковы вкратце некоторые отличительные черты глаголов, подвергнувшихся процессу грамматизации, и глаголов, подвергнувшихся процессу грамматической абстракции.

РОЛЬ ФОНЕТИЧЕСКОГО СТРОЯ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ И СЛОВОИЗМЕНЕНИИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Звуковая материя является той природной материей, без которой язык как важнейшее средство человеческого общения, как орудие мысли, как практическое действительное сознание людей вообще не может существовать. «На «духе» с самого начала лежит проклятие—быть «отягощенным» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка»¹

Звуковая материя языка выступает прежде всего в звуках речи, а именно в гласных и согласных фонемах языка, каждой из которых всегда присуща та или иная длительность. При этом каждый звук речи имеет также известную интенсивность, или силу, а гласные и звонкие согласные звуки—еще и определенную высоту тона.

Присущий каждому языку состав фонем и целенаправленные изменения в длительности, силе и высоте тона при их произнесении составляют в своей совокупности и в различных проявлениях так называемый фонетический строй языка, т. е. исторически изменяющуюся систему фонетических средств, при помощи которых были образованы в прошлом все слова того или иного языка и их грамматические формы, а также постоянно образуются новые слова. Кроме того, целенаправленные изменения в длительности, силе и высоте тона фонем, образующих звуковую оболочку слов и их грамматических форм, являются необходимым материальным средством сочетания слов в предложения для выражения мыслей в процессе речевого общения людей.

Поэтому как словарный состав живого языка, так и его словоизменение (морфология) и сочетания слов в предложения (синтаксис), а следовательно, весь грамматический строй языка могут существовать и функционировать только на материальной базе его фонетического строя.

В словообразовании и словоизменении различных языков участвуют в тех или иных проявлениях и в разной степени все ком-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 3, стр. 29.

лоненты фонетического строя языка, а именно артикуляторный, проявляющийся в системе гласных и согласных фонем в их возможных для данного языка позициях и сочетаниях и обусловленных ими различных позиционных и комбинаторных оттенках, темпоральный, силовой и высотный. Последние три представляют собой (соответственно) целенаправленные изменения в длительности, силе и высоте тона фонем, проявляющиеся в специфических для данного языка способах соединения фонем между собой на стыках морфем внутри слова или словоформы и в особенностях слогового, акцентного и мелодического строения последних.

В английском языке из двух способов словообразования (грамматического и семантического) первый всегда осуществляется при помощи только артикулярного и силового компонентов фонетического строя, т. е. посредством использования главным образом фонемного состава языка и целенаправленных изменений в силе произнесения фонем.

Непосредственное использование фонемного состава при словообразовании заключается:

Во-первых, в прибавлении фонем, образующих аффиксы, к основе слова. Это имеет место при аффиксальном словообразовании и при безаффиксальном словообразовании путем так называемой конверсии, поскольку словообразовательным средством в последнем случае служит сама парадигма, а парадигмы соотносящихся по конверсии слов образуются при помощи разных фонем и разного числа фонем, ср., например, *waters* ['wɔ:təz] (воды) с *watered* ['wɔ:təd] (поливал) и *is watering* [iz 'wɔ:təriŋ] (поливает). Кроме того, прибавление фонем может иметь место в некоторых случаях и при словообразовании путем соединения основ, например: *speedometer* [spi:'dɔ:mɪ:tə] (спидометр), *handicraft* ['hændɪkra:ft] (ремесло), *spokesman* ['spouksmən] (представитель).

Во-вторых, в *уменьшении* числа фонем, что имеет место при образовании новых слов путем обособления сокращенной формы слова, например, *bus* [bʌs] (автобус) из *omnibus* ['ɒmnɪbəs] (омнибус).

В-третьих, использование фонемного состава при словообразовании выражается в чередовании фонем, например, в чередовании гласных фонем: *food* [fu:d] (пища) — *feed* [fi:d] (питать/ся, кормить/ся); в чередовании согласных фонем: *speak* [spi:k] (говорить) — *speech* [spi:tʃ] (речь); в чередовании одновременно гласных и согласных фонем: *break* [breɪk] (ломать) — *breech* [bri:tʃ] (брешь, пролом).

Использование целенаправленных изменений в силе произнесения фонем в качестве единственного и самостоятельного средства словообразования выражается в английском языке в переносе ударения (т. е. в различной силе произнесения одной и той же фонемы) в разных словах, состоящих из *одних и тех же* звуков речи, например, [ɪn'kri:s] — *increase* (увеличивать/ся, возрастать) и [ɪn'kri:s] — *increase* (увеличение, возрастание).

Другие основные компоненты фонетического строя, а именно темпоральный и мелодический в виде целенаправленных изменений в длительности и высоте тона фонем не являются самостоятельными словообразовательными средствами в английском языке и играют лишь известную подсобную роль.

Семантический способ словообразования, выражающийся в различных выходящих за рамки полисемии изменениях значений слов (например, расширение, сужение, перенос значений), не осуществляется непосредственно фонетическими средствами языка, но и он возможен только на материальной базе фонетического строя, поскольку при этом всегда должна быть та или иная звуковая форма, звуковая оболочка, которая лишь наполняется новым или иным смысловым содержанием, т. е. начинает ассоциироваться с новыми или иными понятиями (ср. *pen* — перо птицы и *pen* — металлическое перо для письма).

Что же касается словоизменения в английском языке, то для его осуществления используется прямо и непосредственно только фонемный состав. Это выражается в том, что фонемы составляют звуковую оболочку тех весьма немногочисленных флексий и формообразующих суффиксов, которые прибавляются к основе слова, а также вспомогательных глаголов, которые служат для образования аналитических видо-временных форм английского глагола и для выражения грамматических категорий наклонения и залога. Кроме того, формообразующим средством английского языка является также и чередование фонем, сравни *man* [mæn] (мужчина) и *men* [men] (мужчины). Другие компоненты фонетического строя играют в словоизменении английского языка хотя и важную, но всё же вспомогательную роль.

Показать роль и функционирование каждого из компонентов фонетического строя, а также их взаимодействие, в фонетическом оформлении словообразования и словоизменения современного английского языка в южноанглийском варианте его литературного произношения и является теоретической задачей настоящей статьи.

Однако поскольку важнейшей областью практического применения языковедческой теории является методика преподавания языка, автор ставит перед собой в данной статье также и некоторые практические цели, а именно показать те фонетические трудности, с которыми русские, изучающие английский язык, сталкиваются при овладении его словообразованием и словоизменением, те наиболее типичные фонетические ошибки, которые при этом имеют место, вскрыть их причины и предложить некоторые меры для предотвращения и исправления этих ошибок.

В преподавании иностранного языка не только в неязыковых, но даже и в специальных языковых учебных заведениях, часто наблюдается такое положение, когда учащиеся хорошо произносят звуки иностранного языка изолированно или в коротких словах, но допускают много ошибок в произношении этих же звуков в устной речи или при чтении вслух, а также при изолированном

произношении многосложных слов, особенно производных. В частности, довольно большое число ошибок наблюдается в произношении словообразующих аффиксов и формообразующих суффиксов, причём эти ошибки заключаются не только в неправильном артикулировании звуков, но и в употреблении не тех фонем или не тех оттенков фонем, которые требуются произносительной нормой, например, [ˈbɪgəst] вместо [ˈbɪgɪst]—biggest—превосходная степень прилагательного big (большой).

Одной из основных причин этого явления следует признать то недостаточное внимание, которое уделяется фонетическому аспекту словообразования и словоизменения как авторами учебников иностранного языка, так и преподавателями. Так, например, указания на произношение словообразующих аффиксов совершенно отсутствуют в «Практической грамматике английского языка» Е. Е. Израилевича и К. И. Качаловой (хотя сами аффиксы даются) и очень малочисленны в «Учебнике английского языка для педагогических институтов и факультетов иностранных языков» под редакцией И. Р. Гальперина.

Что же касается фонетического аспекта словоизменения, то его освещение в учебниках английского языка и грамматики ограничивается лишь указаниями на произношение окончания -s и формообразующих суффиксов -ed, -er и -est. В связи с этим вспоминаются следующие слова А. А. Шахматова о синтаксисе, которые с равным основанием можно применить и к морфологии: «...вообще весь синтаксис имеет в виду живую человеческую речь, а не то несовершенное и бледное отражение, какое она получает на письме»¹. Справедлив также и перекликающийся с этими словами Шахматова упрек Палмера в адрес авторов учебников английского языка: «Почти все учебники грамматики написаны так, как будто английский является мертвым языком. По-видимому, весьма немногие грамматисты осознают, что живой язык состоит из звуков, а не из букв»².

Игнорирование фонетического аспекта словообразования и словоизменения авторами учебников и преподавателями объясняется в значительной степени недостаточной разработанностью данного вопроса в лингвистическом и методическом планах.

Как было сказано выше, фонетической первоосновой словообразования и словоизменения языка является его фонемный состав. Это выражается прежде всего в том, что слова целиком и во всех своих частях (приставка, корень, основа, суффикс, окончание) обязательно имеют определенную звуковую оболочку, которая в языках, обладающих письменностью, представлена определенными графическими знаками, например, буквами.

Звуковая оболочка целых слов и их минимальных значащих частей (морфем) всегда представляет собой определенное сочета-

¹ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка.

² L. R. Palmer. A. Grammar of Spoken English. Предисловие, стр. XXXIIЕ.

ние фонем или одну отдельную фонему и ассоциируется в сознании всех членов данного языкового коллектива с определенными лексическими и грамматическими значениями. Возьмем, например, английскую словоформу *co-workers* и соответствующую ей в русском языке словоформу *сотрудники*. Сочетание английских звуков [kou-] (co-) и русских звуков [сл] (со-) образуют звуковую оболочку приставок, обозначающих совместность действия, [wə:k] (wɔrk-) и [груд-] образуют соответственно корни-основы, [ə] (-er) и [н'ик-]—суффиксы, обозначающие деятеля, исполнителя действия, а звуки [z] (-s) и [и]—окончания с грамматическим значением множественного числа. Примерами слов, образованных отдельными звуками речи, могут служить английские слова [ɔ:] (or — или, [aɪ] (I) — я, [εə] (air) — воздух и русские слова а, и (союзы), у, в, к, с (предлоги).

Какое бы грамматическое изменение слово не претерпевало это изменение обязательно имеет определенное звуковое оформление. Так, например, множественное число имен существительных в английском языке имеет свое звуковое оформление не только в виде прибавленного к основе звука s (Сравни *step—шаг* и *steps* [steps]—шаги), звука z (Сравни *bed—кровать* и *beds* [bedz]—кровати) или звукового комплекса iz (Сравни *dress—платье* и *dresses* ['dresiz]—платья), но и в виде измененного коренного гласного в некоторых существительных, т. е. при помощи так называемой внутренней флексии (Сравни *goose* [gu:s]—гусь и *geese* [gi:s]—гуси).

Из приведенных примеров явствует, что роль фонем в словообразовании и словоизменении заключается прежде всего в том, что они, выступая в речи в тех или иных своих оттенках (аллофонах)¹—конкретных, физически определенных звуках—составляют одни или в сочетании с аллофонами других фонем звуковую оболочку словообразующих и формообразующих морфем, а через последние—звуковую оболочку состоящих из морфем слов в целом и их конкретных грамматических форм (словоформ, по терминологии А. И. Смирницкого). Эту функцию фонем можно назвать, в самом общем плане, конститутивной, а в конкретных проявлениях—морфемо-, слово- и формообразующей (имея в виду, что фонемы образуют лишь звуковую оболочку этих языковых единиц). При этом необходимо отметить, что словообразующая функция фонем проявляется не только в том, что они образуют звуковую оболочку всех компонентов производных и сложных слов, но и, более широко, в том, что они образуют звуковую оболочку так-

¹ Термин «аллофон» (англ. *allophone*) получает в современной лингвистике все более широкое распространение. Он означает то же самое, что и оттенок или вариант фонемы, однако пользование им представляет известные удобства: его можно употреблять как синоним и от него можно образовывать прилагательные *аллофонный* (например, *аллофонный состав слова*, в отличие от *фонемного состава*) и *аллофонический* (например *аллофоническая транскрипция*, в отличие от *фонематической*)

же и слов неделимых на морфемы так сказать, безморфемных слов. К таким словам относятся простые, или корневые, слова, если они не изменяются грамматически, например, английские артикли, предлоги, некоторые вопросительные местоимения (what, which) и наречия (where, how и др.).

Образуя звуковую оболочку безморфемных слов, морфем, а через последние и звуковую оболочку производных и сложных слов и грамматических форм одного и того же слова, фонемы при этом часто вступают друг с другом в отношения взаимной противопоставленности, служащей для разграничения звуковых оболочек, а следовательно, для различения и узнавания безморфемных слов (Сравни an [æn]—неопределенный артикль, in [ɪn]—предлог *в*, on [ɒn]—предлог *на*), словоформ, принадлежащих к разным словам (сравни английские tense [tens]—время глагола и tens [tenz]—десятки и русские *стол—стул—стал—стыл*) и различных грамматических форм одного и того же слова (Сравни английские have [hæv]—иметь, has [hæz]—имеет и had [hæd]—имел или русские *стола—столу, столом—столам*).

Эту функцию фонем можно назвать, в самом общем плане, дифференцирующей или различительной, а в конкретных проявлениях—морфемо-, слово- и формо-различительной.

Для иллюстрации морфемо- и одновременно слово-различительной функции фонем в словообразовании современного английского языка можно привести следующие примеры: ['dri:mə] (dreamer)—мечтатель и ['dri:mi] (dreamy)—мечтательный. Здесь фонемы ə и i образуют разные словопроизводные суффиксы и противопоставлены друг другу для разграничения и различения этих суффиксов (морфемо-различительная функция), а через них—для разграничения и различения звуковых оболочек словоформ разных слов (словоразличительная функция).

Для иллюстрации морфемо- и одновременно форморазличительной функции фонем в современном английском языке можно привести следующие примеры: [dri:mz] (dreams)—мечтает и [dri:md] (dreamed)—мечтал. Здесь фонемы z и d представляют собой разные формообразующие морфемы и противопоставлены друг другу для разграничения и различения этих морфем (морфемо-различительная функция), а через них—для разграничения и различения звуковых оболочек различных грамматических форм одного и того же слова (форморазличительная функция).

Дифференциация звуковых оболочек безморфемных слов и морфем, а через них и словоформ разных слов и различных грамматических форм одного и того же слова может происходить также благодаря противопоставленности какого-либо одного звука отсутствию звука («нулевой» фонеме, по терминологии некоторых лингвистов) на этом же месте в другом слове или другой морфеме. Ср. an [æn]—неопределенный артикль и and [ænd]—союз *и*, [dri:m] (dream)—мечта и ['dri:mə] (dreamer)—мечтатель

(словоразличительная функция), а также [dri:m] (dream) — мечта — [dri:mz] (dreams) — мечты (форморазличительная функция).

Третьим способом дифференциации морфем, слов и словоформ через фонемы является противопоставленность одной фонемы двум и более фонемам (Ср. ['wɔ:mə] (warmer) — теплее и ['wɔ:mɪst] (warmest) — теплейший).

Дифференцирующая функция фонемы является её главной и основной функцией как фонемы, а не просто звука речи, так как именно для обозначения этой функции определенных звуков речи и возникла необходимость в выделении особой языковой единицы, которую лингвисты называли фонемой, а если бы такой необходимости не было, то вполне можно было бы ограничиться одним лишь понятием и термином «звук речи».

Однако, признавая дифференцирующую функцию фонемы её главной и основной функцией как фонемы, следует всегда помнить, что эта её функция является производной и неотделимой от её конститутивной функции, так как прежде чем различать, необходимо иметь, что различать.

Выполняя свою различительную функцию, фонемы всегда выступают в каждом произносимом в устной речи и при чтении вслух слове именно в таких позиционно и комбинаторно обусловленных оттенках (аллофонах), которые соответствуют артикуляторным и орфоэпическим нормам данного языка. Благодаря этому обеспечивается наиболее быстрое и легкое узнавание, а следовательно, и понимание слов всеми членами данного языкового коллектива.

Эту функцию фонемы можно условно назвать идентифицирующей, понимая здесь под идентификацией именно наиболее быстрое и легкое узнавание слов.

Различительная и идентифицирующая функции фонемы неразрывно связаны друг с другом: при правильном произношении различительная функция фонемы проявляется именно через идентифицирующую функцию ее аллофонов, соответствующих произносительной норме.

Некоторые указания на роль оттенков фонемы, соответствующих артикуляторным и орфоэпическим нормам языка, имеются у А. И. Бодуэна де Куртенэ и С. И. Бернштейна. В своем «Введении в языковедение» А. И. Бодуэн де Куртенэ отмечал, что «дивергенты влияют на восприимательную способность вообще»¹. Профессор С. И. Бернштейн в работе «Вопросы обучения произношению применительно к преподаванию русского языка иностранцам» (1937) выдвинул теорию вторичной семантизации вариантов фонем, согласно которой употребление вариантов, не соответствующих фонетическим нормам данного языка, приводит к

¹ Под дивергентами А. И. Бодуэн де Куртенэ понимал имеющие одно происхождение и некогда тождественные звуки, встречающиеся в родственных морфемах.

затемнению смысла. В этой работе С. И. Бернштейн говорит: «Для осознания и различения слов служат все произносимые и слышимые звуки, употребляемые в данном языке и воспринимаемые в составе слов в конкретных сочетаниях».

Наличие у фонемы различительной функции, проявляющейся при правильном произношении через идентифицирующую функцию ее соответствующих произносительной норме аллофонов, послужило, уже в чисто методическом плане, основанием для разделения ошибок в произношении фонем на две категории. Нарушение различительной функции фонемы, т. е. произнесение оттенка другой фонемы вместо необходимой фонемы, приводит к ошибкам, которые академик Л. В. Щерба предложил называть звуко-смысловыми, или фонологическими («Фонетика французского языка», 1953, стр. 14). Нарушение же идентифицирующей функции фонемы, т. е. произнесение вместо аллофона, требуемого произносительной нормой, какого-либо другого аллофона той же самой фонемы, приводит к ошибкам, названным Л. В. Щербой ошибками выговора, или фонетическими.

Однако эта классификация ошибок в произношении не представляется вполне удачной в терминологическом отношении. Фонологические ошибки в конечном счёте являются также и ошибками выговора, а противопоставление терминов «фонологический» и «фонетический» может послужить основанием для упрека в отрыве, хотя бы только и в терминологическом плане, фонологии от фонетики, что чуждо советской лингвистике и всегда встречало энергичный отпор со стороны самого академика Л. В. Щербы. Кроме того, к фонологическим ошибкам могут относиться не только ошибки в артикуляции фонем, но, например, и ошибки в словесном ударении, приводящие к смешению слов.

Поэтому для классификации ошибок в произношении более подходящими были бы термины «фонематические ошибки» (замена одной фонемы другой) и «нефонематические ошибки» (замена требуемого произносительной нормой аллофона иным аллофоном той же самой фонемы или похожим на него звуком, не существующим в данном языке).

Поскольку фонемы выступают в речи в виде своих различных аллофонов, появление которых вызывается целым рядом фонетических факторов (влияние соседних звуков, специфическая позиция, наличие или отсутствие ударения и т. д.), звуковой состав одной и той же морфемы, а следовательно, и слов может изменяться, причём в фонологическом плане эти изменения могут варьировать в весьма существенных пределах—от изменения аллофонного состава до изменения фонемного состава.

Изменения в звуковой оболочке морфем и слов могут быть обусловлены не только ныне действующими фонетическими факторами, но и факторами фонетического же характера, которые действовали в прошедшие периоды исторического развития языка, а также иными причинами, многие из которых еще не выяснены.

Таким образом, в результате действия и взаимодействия разнообразных факторов диахронического и синхронического порядка одни и те же морфемы в разных словах и словоформах, а следовательно, и сами слова и словоформы, могут выступать в языке в различных фонетических формах, которым могут иногда соответствовать и различные орфографические формы. Так, например, морфема множественного числа современного английского языка выступает в трех фонетических формах: s ([steps]), z ([bedz]) и iz ([ˈdresɪz])¹, и в двух орфографических: -s (steps—шаги, beds—кровати) и -es (dresses—платья)¹. При этом у некоторых английских существительных изменяется фонетическая (а часто и орфографическая форма также и корня-основы (Сравни life [laɪf]—жизнь и lives [laɪvz]—жизни, path [pɑːθ]—тропа, тропинка и paths [pɑːðz]—тропы, тропинки. Такие же три фонетические формы имеет и морфема притяжательного падежа, но её орфографическая форма ('s или иногда' для единственного числа и s' или иногда' для множественного числа, отличается от орфографических форм морфемы множественного числа, а фонетическая и орфографическая формы корневой морфемы остаются неизменными, например, the pupil's [ˈpjuːplz] exercise-books (тетради ученика) и the pupils' [ˈpjuːplz] exercise-books (тетради учеников), the student's [ˈstjuːdənts] name (фамилия студента) и the students' [ˈstjuːdənts] names (фамилии студентов), Dickens' (или Dickens's) [ˈdɪkɪnsɪz] novels (романы Диккенса), actresses' [ˈæktɪsɪz] voices—голоса актрис, life's joys [ˈlaɪfs ˈdʒɔɪz]—радости жизни. Три фонетических алломорфа, а именно t, d и id и одну орфографическую форму, а именно-ed, имеют суффикс простого прошедшего времени и омонимичный ему суффикс причастия II у правильных английских глаголов, например, closed [klaʊzɪd] (закрыл, закрытый), stopped [stɒpt] (остановил, остановленный), repeated [rɪˈpiːtɪd] (повторил, повторенный), wounded [ˈwuːndɪd] (ранил, раненный).

Фонетические формы одной и той же морфемы необходимо разделить на две группы в зависимости от времени и причин их возникновения. К первой группе следует отнести те фонетические формы, которые возникли под влиянием разнообразных факторов на предыдущих этапах развития языка и не могут быть объяснены непосредственно из фонетических законов, действующих на современном этапе развития языка, как, например, все приведенные выше фонетические алломорфы, а также такие, как [slep] в [slept] (slept)—спал и [sli:p] в [sli:pɪŋ] (sleeping)—спящий, т. е. фонетические формы одной и той же морфемы, в которых наблюдается историческая ассимиляция или историческое чередование фонем. Такие фонетические формы одной и той же морфемы

¹ Для обозначения одной из форм, в которых та или иная морфема выступает в данном языке, известное удобство представляет термин «алломорф» (анг. allomorph), получающий все большее распространение в современной лингвистике. Одна из фонетических форм морфемы может быть названа фонетическим алломорфом.

можно поэтому назвать исторически-обусловленными или, короче, историческими. Иначе говоря, они-то и представляют собой фонетические алломорфы, а их буквенные соответствия—орфографические формы одной и той же морфемы.

Помимо приведенных выше случаев, к фонетическим алломорфам в английском языке следует отнести также такие, которые возникают при аффиксальном словообразовании, но не вызваны переносом ударения, т. е. когда в морфеме, остающейся в акцентном отношении неизменной (ударной или безударной), происходит чередование фонем, например, чередование гласных в ударных морфемах: ['neɪtʃə] (природа) и natural ['nætʃərəl] (природный, естественный), nation ['neɪʃn]—(нация) и national ['næʃənl] (национальный), detain [di'teɪn] (задерживать) и detention [dɪ'tenʃn] (задержание), decline [dɪ'klaɪn] (склонять) и declension [dɪ'klenʃn] (склонение), pronounce [prə'naʊns] (произносить) и pronunciation [prə'nʌnsɪeɪʃn] (произношение), long [lɔŋ] (длинный) и length [leŋθ] (длина), wide [waɪd] (широкий) и width [wɪð] (ширина), и wise [waɪz] (мудрый) и wisdom ['wɪzdəm] (мудрость); чередование гласных в неударных морфемах: organize ['ɔ:gənaɪz] (организовать) и organization [ɔ:gəni'zeɪʃn] (организация), electrify ['lektɪfaɪ] (электрифицировать) и electrification [ɪlektɪfɪ'keɪʃn] (электрификация). Закономерности таких чередований, т. е. условия, определяющие, какие гласные чередуются с какими, слишком многочисленны и сложны для изложения здесь и требуют отдельного исследования.

Ко второй группе различных фонетических форм одной и той же морфемы следует отнести такие, которые постоянно возникают в живой речи под влиянием ныне действующих фонетических факторов. Так, например, при образовании английских порядковых числительных (прибавлением суффикса *th* к корню-основе) альвеолярные оттенки фонем *t* и *p* на конце корневых морфем под влиянием последующего зубного согласного (суффикса *th*) заменяются зубными оттенками этих же фонем. Сравни *eighty* ['eɪtɪ] (восемьдесят) и *eighth* [eɪtθ] (восьмой), *ninety* ['naɪntɪ] (девяносто) и *ninth* [naɪnθ] (девятый), *fourteen* ['fɔ:'ti:n] (четырнадцать) и *fourteenth* ['fɔ:'ti:nθ] (четырнадцатый). В результате этого корневые морфемы английских числительных *eighty* и *eighth*, *ninety* и *ninth*, а также числительных *seventy* (семьдесят) и *seventh* (седьмой), *ten* (десять) и *tenth* (десятый), *eleven* (одиннадцать) и *eleventh* (одиннадцатый) выступают в двух фонетических формах. При этом корневые морфемы первых двух числительных выступают одновременно и в двух орфографических формах (Сравни *eight-* и *eigh-*, *nine-* и *nin-*).

Фонетические формы одной и той же морфемы, обусловленные изменением образующих её фонем исключительно под влиянием соседних фонем и позиции по отношению к началу, середине или концу слова или слога, наличием или отсутствием ударения и другими факторами, действующими на современном этапе разви-

тия языка, можно назвать, в отличие от фонетических алломорфов, фонетическими *вариантами* одной и той же морфемы.

Различные исторически-обусловленные формы одной и той же морфемы (фонетические алломорфы) могут одновременно быть также и различными живыми фонетическими вариантами, а одна и та же исторически-обусловленная фонетическая форма морфемы может выступать в двух и более фонетических вариантах. Так, например, [sli:p] в предложении Let him sleep (Пусть он спит) и [slept] в предложении He slept well (Он спал хорошо) являются разными историческими формами одной и той же морфемы, поскольку они содержат разные гласные фонемы, находящиеся в историческом чередовании друг с другом (i: и e), но они одновременно являются и разными живыми фонетическими вариантами, поскольку они содержат разные аллофоны фонемы p, а именно согласный p в slept отличается от согласного p в sleep тем, что в соответствии с фонетическим законом современного английского языка произносится перед другим взрывным согласным (здесь перед t) без взрыва. С другой стороны, одна и та же исторически-обусловленная фонетическая форма морфемы read [ri:d] по сравнению с read [red] выступает в предложении Let him read (Пусть он читает) и He is reading (Он читает) в двух разных живых фонетических вариантах, а именно i: в reading короче, чем в read, а d является в read слабokonечным согласным, тогда как в reading звучит сильноконечный согласный d, который отходит к последующему слогу.

Корневая морфема прилагательных с конечным согласным ŋ меняет свою фонетическую форму (без изменения орфографической) при образовании степеней сравнения, а именно после ŋ произносится еще согласный g. Сравни young [jʌŋ] (молодой), younger [ˈjʌŋgə] (моложе), youngest [ˈjʌŋgɪst] (самый молодой). В этом случае морфема young выступает в двух *исторически-обусловленных* фонетических формах, а именно [jʌŋ] и [jʌŋg], так как произношение ŋ перед гласными вполне возможно по фонетическим нормам современного английского языка. Сравни sing [sɪŋ] (петь) и singer [ˈsɪŋə] (певец).

Корневая морфема с фонемами э, а:, э:, или э: на конце, если в ее орфографической форме имеется буква g, при словообразовании и словоизменении меняет свою фонетическую форму—в ней произносится звук г, когда словообразующий или формообразующий суффикс начинается с гласного звука. Сравни bear [bɛə] (нести) и bearer [ˈbɛəgə] (носитель), bearing [ˈbɛəriŋ] (несущий), star [stɑ:] (звезда) и starry [ˈstɑ:ri] (звездный). В этом случае корневая морфема выступает в двух живых фонетических вариантах, так как в современном английском языке фонема г не произносится *после* гласной фонемы (перед паузой), но произносится *перед* гласной фонемой.

Фонетические варианты корневой фонемы могут возникать также в результате того, что перед начальной гласной суффикса

темный оттенок фонемы / / на конце корневой морфемы заменяется светлым оттенком. Сравни call [kɔ:l] (звать) и calling ['kɔ:lɪŋ] (зовущий, призвание).

Корневые морфемы правильных английских глаголов, оканчивающихся на взрывные согласные фонемы p, b, k, g имеют два живых фонетических варианта. Перед формообразующим суффиксом, представленным его орфографической формой -ed, эти согласные выступают в своих безвзрывных оттенках, например, helped [helpɪd] (помог), grabbed [græbd] (схватил), worked [wɜ:kɪd] (работал) begged [begd] (просил), а в других случаях они обычно выступают в своих взрывных оттенках (help, grab, work, beg).

Фонетические варианты морфем могут появляться также в результате выпадения фонемы, в частности, нейтрального гласного ə перед сонантом r, например: interesting ['ɪntrɪstɪŋ] (интересный), different ['dɪfrənt] (различный), territory ['terɪtri] (территория) и перед сонантом n, например: sadden ['sædn] (печалить).

Некоторые из живых фонетических вариантов морфемы могут впоследствии превратиться в фонетические алломорфы. Сравни haste [heɪst] (поспешность) и hasten ['heɪsn] (спешить).

Приведенные примеры иллюстрируют изменения, происходящие в звуковой оболочке корневых морфем под влиянием суффиксов. Но префиксы также могут изменять до некоторой степени звуковой состав корневых морфем и в свою очередь менять свой звуковой состав под влиянием последних. Так, известно, что английские согласные фонемы p, t, k после фонемы s произносятся без аспирации. Следовательно, после префиксов dis- и mis- глухие взрывные фонемы p, t, k будут выступать в неаспирированных оттенках, сравни, например, cover ['kʌvə] (покрывать) и discover [dɪs'kʌvə] (открывать), take [teɪk] (брать) и mistake [mɪs'teɪk] (ошибка).

Префикс en- имеет алломорф em-, который в свою очередь возник как живой фонетический вариант в результате ассимилятивного действия последующего губно-губного согласного. Сравни encircle [ɪn'sɜ:kl] (окружать), entitle [ɪn'taɪtl] (озаглавливать) с embody [ɪm'bɔ:di] (воплощать), empower [ɪm'paʊə] (уполномочивать). То же самое относится и к префиксу in-. Сравни inscribe [ɪn'skraɪb] (вписывать) и impress [ɪm'pres] (отпечатывать, производить впечатление). Формы этих префиксов с согласным n нельзя считать живыми фонетическими вариантами, потому что фонетические законы современного английского языка не требуют обязательной замены фонемы n фонемой m перед губным согласным. Так, например, в префиксе in-[ɪn] звук n сохраняется, а не заменяется губно-губным согласным: слово unbearable (невыносимый) произносится ['ʌn'bɛərəbəl] а не ['ʌm'bɛərəbəl].

Префикс in- имеет, кроме упомянутого выше алломорфа im-, также алломорфы il-, ig-, причём последний согласный в них (также как и в dis) перед одинаковым с ним согласным корневой морфемы выпадает. Сравни legal ['li:gəl] (легальный) и [i'li:gəl] (не-

легальный), material [mə'tiəriəl] (материальный) и immaterial [imə'tiəriəl] (несущественный). rational ['ræʃənəl] (рациональный) и irrational ['iræʃnəl] (нерациональный), similar ['similə] (похожий) и dissimilar ['di'similə] (непохожий).

Префиксы с буквой г в их орфографической форме имеют фонетические варианты со связующим звуком г. Сравни, например, foresee [fə:'si:]. (предвидеть) и foreordain [fɔ:'rə'dein] (предопределять).

Префикс post-[proust] может иметь фонетический вариант с безвзрывным аллофоном фонемы t, который в некоторых словах может вообще выпасть, например, post-graduate [pous(t)'grædʒuət] (аспирант).

При аффиксальном словообразовании и при словосложении звуковая оболочка морфемы может изменяться также вследствие чередования звуков, вызванного главным образом переносом ударения, причём такие чередования носят довольно закономерный характер. К этим закономерностям можно отнести следующие:

Во многих словах гласный морфемы под ударением чередуется с нейтральным гласным в этой же морфеме без ударения. Сравни able [eɪbəl] (способный) и ability [ə'bɪləti] (способность), add [æd] (добавлять) и addition [ə'dɪʃn] (добавление), particle ['pɑ:tɪkl] (частица) и particular [pə'tɪkjulə] (частичный, особенный), declare [dɪ'kleə] (объявлять, декларировать) и declaration [,deklə'reɪʃn] (объявление, декларация), photograph ['fəʊtəgrɑ:f] (фотография), photographer [fə'tɒgrəfə] (фотограф).

Долгий ударный гласный i: имеет тенденцию чередоваться с кратким безударным i. Сравни compete [kəm'pi:t] (соревноваться) и competition [kəm'pi:tʃən] (соревнование).

Ударный гласный e имеет тенденцию чередоваться с кратким i перед шумными согласными и с нейтральным гласным перед сонантами. Сравни definite ['defɪnɪt] (определенный) и define [dɪ'faɪn] (определять), excellent ['eksələnt] (отличный) и excel [ɪk'sel] (отличаться в чём-л.), terror ['terə] (ужас) и terrific [tə'rɪfɪk] (ужасный).

Ударный дифтонг [eɪ] имеет тенденцию чередоваться с кратким гласным i. Сравни maintain [meɪn'teɪn] (поддерживать) и maintenance [meɪntɪnəns] (поддержание).

Однако в отличие от словопроизводства при словосложении изменения в фонемном составе слагаемых компонентов происходят лишь в весьма немногих словах, но чередование гласных в этих немногих словах подчиняется тем же самым закономерностям. К наиболее употребительным из этих слов относятся сложные существительные со вторым неударным компонентом -man в единственном числе и -men во множественном, которые оба произносятся [mən], например, Englishman и Englishmen ['ɪŋɡlɪʃmən] (англичанин и англичане), а также с неударными компонентами -land, сравни, land [lænd] (земля) и Scotland ['skɒtlənd] (Шотландия); -shire, сравни shire [ʃaɪə] (графство) и Devonshire ['devənʃə]

(Девоншир); -pence, сравни five [faiv] (пять) и pence [pens] (пенсы) с fivepence [ˈfaɪfɒns] (пять пенсов); -day, сравни day [deɪ] (день) и Sunday [ˈsʌndɪ] (воскресенье); -berry, сравни berry [ˈberɪ] (ягода) и gooseberry [ˈgʊzbəri] (крыжовник, дословно «гусиная ягода»). К этой же категории относятся и такие единичные сложные слова, как halfpenny [ˈheɪpəni] (полпенса), сравни half [ha:f] (половина) и penny [ˈpeni] (пенни); cupboard [ˈkʌbəd] (буфет), сравни cup [kʌp] (чашка) и board [bɔ:d] (доска); saucerpan [ˈsɔ:spən] (кастрюля), сравни с pan [pæn] (миска), nonsense [ˈnɒnsəns] (бессмыслица), сравни с sense [sens] (смысл).

Изменение звуковой оболочки компонентов сложных слов в результате действия регрессивной ассимиляции происходит также лишь в весьма немногих словах. Так, например, регрессивно-ассимилятивное озвончение согласной фонемы s наблюдается в gooseberry [ˈgʊzbəri] сравни с goose [gu:s] (гусь), а оглушение имеет место в newspaper [ˈnju:spetə] (газета), сравни с news [nju:z] (новости), тогда как в horseshoe [ˈhɔ:ʃu:] (подкова) произошла замена конечной фонемы слова horse [hɔ:s] (лошадь) фонемой ʃ в результате полного уподобления фонеме ʃ в слове shoe [ʃu:] (ботинок).

В большинстве же английских сложных существительных звуковые оболочки слов, ставших их компонентами, остаются качественно неизменными: в них слегка лишь уменьшается сила (напряженность) и длительность гласных в неударном компоненте, ср. cupboard [ˈkʌbəd] (буфет) и blackboard [blækbɔ:d] (классная доска).

Рассмотренные изменения в звуковой оболочке морфем происходят в изолированных словах и словоформах. Однако необходимо иметь в виду также, что слова и их грамматические формы могут входить в состав словосочетаний, представляющих собой фразеологические единицы, и что в них соединение фонем на стыках слов и словоформ происходит также по фонетическим законам языка. Кроме того, следует также учесть и самое главное обстоятельство, а именно, что мы говорим не изолированными словами или словосочетаниями, а предложениями, которые мы строим по правилам синтаксиса из слов, соединяемых друг с другом по законам фонетики данного языка, и надлежащим образом оформляем интонацией, представляющей собой сложное единство силового, мелодического и темпорального компонентов фонетического строя языка, взаимодействующих в рамках предложения.

Отсюда следует, что звуковые оболочки морфем, а через них и слов в их различных грамматических формах, подвергаются дополнительным изменениям под влиянием факторов, действующих в рамках словосочетаний и предложений и лишь в последних получают свое окончательное фонетическое оформление.

Эти изменения происходят, в частности, на стыках слов в словосочетаниях и предложениях, причем в некоторых случаях они могут быть аналогичны изменениям, происходящим на стыках

морфем внутри слова или словоформы, а в некоторых случаях могут являться специфическими только для стыков слов. Так, например, ассимилятивная замена альвеолярных оттенков фонем *t, d, n, l* их зубными аллофонами или замена взрывных оттенков фонем *t, d* их безвзрывными вариантами может происходить и на стыках слов: He asked them [α:sktðəm] to help Tom. (Он попросил их помочь Тому).

Однако специфической чертой изменения звуковой оболочки морфем и слов внутри предложения является их зависимость от стиля произношения, а именно «разговорного» и «полного» (по терминологии и определению академика Л. В. Щербы)¹. Так, если указанные выше замены обязательны на стыках морфем внутри слова (eighth [eitθ], helped [helpɪ]), то при замедленном произнесении предложения, например, при диктанте, они совсем не обязательны и даже мало вероятны. Кроме того, на стыках слов значительно расширяется и сфера действия различных фонетических процессов. Так, например, потеря взрыва у конечных взрывных последней морфемы происходит не только перед фонетическими алломорфами *-t* и *-d*, но и перед любыми другими смычными согласными, например: Help Bob. (Помогите Бобу); Help Charley. (Помогите Чарли), Help Mary (Помогите Мери).

На месте конечной буквы *г* орфографической формы последней морфемы слова также произносится звук *г* (так называемое связующее *г*), ср., например, teacher ['ti:tʃə] (преподаватель) и The teacher is ['ti:tʃəgɪz] here (Преподаватель здесь). Однако, произнесение связующего *г* на стыках слов зависит от стиля произношения, тогда как его произнесение на стыках морфем внутри слов обязательно всегда. Кроме того, в современном английском языке быстро развивается тенденция к произнесению связующего *г* даже на конце таких слов, в которых орфографическая форма последней морфемы вообще не содержит буквы *г*, например, law and order ['lɔ:rənd 'ɔ:də] (закон и порядок), Malta and Gibraltar ['mɔ:ltəændʒɪ'brɔ:ltə] (Мальта и Гибралтар).

Темный оттенок фонемы *l* на конце последней морфемы заменяется светлым оттенком перед любым гласным, а также перед сонантом *j* следующего слова, ср. Call me ['kɔ:li mi]. (Позовите меня) и Call us ['kɔ:ləs] (Позовите нас) или Shall I call you? [ʃæl aɪ'kɔ:lju] (Мне позвать вас?).

Поскольку на стыках слов расширяется сфера действия фонетических процессов, происходящих на стыках морфем внутри слов, то здесь соответственно возрастает и число возможных ошибок в произношении. Так, например, регрессивно-ассимилятивное озвончение глухих согласных перед звонкими и оглушение звонких перед глухими, характерное для русского языка как на стыках морфем внутри слов (сравни *прось[зв]ба* при *просить* и *труб[п]ка*

¹ См. Л. Щерба. Фонетика французского языка, 1948, стр. 21.

при труба), так и на стыке слов (сравни [э] *дороги* при [с] *холода* и клуб[н] *полон* при клуб[б] *занят*), ошибочно допускается русскими, изучающими английский язык, не только внутри слов, например, ['blæg bɔ:d] вместо правильного ['blækbɔ:d] (black-board) — *классная доска* и ['betsted] вместо правильного ['bedsted] (bedstead) — *кровать*, но и на стыках слов, например, [laɪgðis] вместо правильного [laɪkðis] (like this) — *подобно этому* и ['bɪk 'stɪk] вместо правильного ['bɪg 'stɪk] (big stick) — *большая палка*.

Как указывалось в начале статьи, структурной особенностью грамматического строя английского языка является большая распространенность в нем аналитических способов формообразования. Большинство грамматических категорий английского глагола, а именно категории вида, времени, наклонения и залога, находят свое выражение в аналитических формах, образуемых при помощи вспомогательных глаголов be (am, is, are, was, were, been), have (has, had), do (does, did, done), shall (should) will (would), may (might). Эти глаголы также имеют по нескольку живых фонетических вариантов, выбор которых, а следовательно, и окончательное фонетическое оформление аналитического словоизменения английского глагола, определяется фонетическими факторами, действующими в рамках предложения.

В звуковых оболочках этих вспомогательных глаголов происходят те же самые фонетические изменения, которые наблюдаются на конце любого другого слова в словосочетании или предложении, а именно уподобление альвеолярных согласных последующим зубным (Will they come? — *Они придут?*), потеря взрыва у взрывных (Did my friend come? — *Приходил ли мой приятель?*); появление связующего r (They are [ər] asking for help — *Они просят помощи*), появление светлого оттенка фонемы l (Shall I help you? — *Вам помочь?*; Will you come? — *Вы придете?*) и т. д.

Кроме того, фонетические варианты английских вспомогательных глаголов могут возникать в результате действия так называемой редукции звуков, приводящей к замене одного гласного качественно иным другим гласным (качественная редукция, ср. [æm] и I am [əm] working — *Я работаю*), к укорочению гласного без изменения его качества (количественная редукция, ср. been [bi:n] и I have been [bin] busy — *Я был занят*.) и, наконец, к выпадению гласной или согласной фонемы (так называемая нулевая редукция, ср. [æm] и I'm [aɪm] reading — *Я читаю*, shall [ʃæl] и I'll [aɪl] come — *Я приду*). Такие фонетические варианты одного и того же вспомогательного глагола называются сильными (или полными) и слабыми (или редуцированными) формами. Однако сильные и слабые формы произношения в английском языке существуют не только у вспомогательных глаголов, они имеются и у многих служебных слов (артиклей, большинства предлогов, у многих союзов), а также и у некоторых знаменательных слов (например, личных и притяжательных местоимений).

Наличие у английских служебных и некоторых знаменательных слов различных фонетических вариантов имеет самое прямое и непосредственное отношение к фонетическому аспекту не только словоизменения, но и словообразования современного английского языка. Так, например, первая морфема следующих английских возвратных и усилительных местоимений может иметь, в зависимости от стиля произношения, различные фонетические варианты: myself (я сам) [maɪ'self, mə'self, mɪ'self] herself (она сама) [hɜː'self, hə'self, ə'self], himself (он сам) [hɪm'self, ɪm'self], yourself (Вы сами) [jɜː'self], themselves (они сами) [ðem'selvz, ðəm, 'selvz].

Морфема *-body* в неопределенных местоимениях имеет фонетические варианты [bɒdɪ], [bədɪ], например, somebody ['sʌmbɒdɪ], ['sʌmbədɪ] (некто).

Некоторые сложные слова содержат морфемы, совпадающие со служебными словами по орфографической и фонетической (обычно редуцированной) форме, например, mother of [əv] pearl (перламутр), lily (of [əv] the [ðə] valley (ландыш), good-for [fə noθɪŋ] (никчемный), bread and butter ['bredn'btətə] (бутерброд).

Обучение изучающих английский язык пониманию и употреблению различных фонетических форм некоторых разрядов слов имеет исключительно важное практическое значение. Об этом свидетельствуют, например, некоторые указания Генри Суита на трудности понимания устной речи англичан при незнании различных фонетических форм некоторых слов: «... первой задачей иностранцев, приезжающих в Англию, является понимать местных жителей и объясняться с ними. Если иностранец никогда не видел такой формы, как [kɑːnt] на письме, он никогда не поймет её и в устной речи»¹. Описывая впечатление, производимое на англичан употреблением полных форм служебных слов в разговорной речи, Суит говорит: «...Даже такое незначительное изменение, как произнесение ['hau du ju 'duː] вместо ['hau dju 'duː] делает предложение неанглийским, как бы ни совершенны были отдельные звуки»². Д. Джоунз по этому поводу пишет, что неуместное употребление сильных форм «производит на ухо англичанина впечатление, что всем несущественным словам и слогам придается несвойственная им значимость (prominence), а слова и слоги действительно важные теряют вследствие этого часть той значимости, которую они должны были бы иметь»³.

Между тем в подавляющем большинстве грамматик и учебников английского языка не только не приводятся различные фонетические формы английских служебных слов, но отсутствуют даже упоминание об их существовании.

Этот факт является яркой иллюстрацией того пренебрежения

¹ H. Sweet. The Practical Study of Languages, стр. 40.

² Там же.

³ D. Jones. An Outline of English Phonetics, изд. 6-ое, стр. 125—126.

фонетическим аспектом словообразования и словоизменения, о котором говорилось в начале статьи.

Подобно тому как некоторые морфемы выступают не только в различных фонетических, но и в различных орфографических формах, некоторые английские слова, имеющие указанные две формы произношения, могут иметь также и различные орфографические формы—так называемые слитные или сокращенные написания. Сравни, cannot [ˈkænət] и can't [kɑːnt], Shall not [ˈʃæl nɒt] и shan't [ʃɑːnt], will not и wont [wʌnt], do not [ˈdu nɒt] и don't [ˈdɒnt], I have и I've [aɪv] и т. п.

Хотя факт наличия у некоторых морфем и безморфемных слов различных *орфографических* форм и не имеет прямого и непосредственного отношения к фонетике и морфофонологическому анализу языка, однако установление закономерностей между различными фонетическими и орфографическими формами одной и той же морфемы или одного и того же безморфемного слова весьма существенно для методики преподавания иностранного языка,

Это объясняется тем, что изучающие иностранный язык встречаются слова данного языка в первый раз и читают их впоследствии главным образом в их традиционном орфографическом написании (транскрипция же, если она вообще используется, играет подсобную роль).

Закономерности соотношения между фонетической и орфографической формами одной и той же морфемы или одного и того же слова отражены в так называемых правилах чтения данного языка, т. е. в правилах, определяющих, какая фонема произносится на месте той или иной буквы или буквосочетания, или когда на месте буквы или буквосочетания не произносится никакой фонемы.

Незнание правил чтения изучающими иностранный язык затрудняет в значительной степени овладение фонетическим аспектом словообразования и словоизменения изучаемого языка, особенно когда фонетическая форма словообразующей или формообразующей морфемы не фиксируется знаками фонетической транскрипции¹ и не закрепляется специальными устными и письменными (транскрипционными) упреждениями. Этим, в частности, объясняется большая распространенность ошибочного произношения фонетических форм морфем -s [s, z] и -es [ɪz], -ed [t, d, ɪd] и -est [ɪst] изучающими английский язык. Наиболее частыми ошибками при этом являются замена звонких согласных z и d соответствующими глухими s и t и замена гласного i нейтральным гласным э. Правда, замена конечных звонких согласных соответствующими глухими объясняется прежде всего артикуляторной привычкой русских, но нет сомнения, что замене конечного z глухим s

¹ Приходится с сожалением отметить, что ни в учебниках практической грамматики, ни в учебниках лексикологии транскрипция подавляющего большинства аффиксов не дается.

способствует и незнание правил чтения конечной буквы s. Замена же гласного i нейтральным гласным на месте буквы e в орфографических формах морфем -es, -ed, -est обусловлена исключительно незнанием правил чтения гласной буквы e в неударном слоге.

Усвоению правильного произношения английских корневых морфем, флексий, формообразующих суффиксов и словообразующих аффиксов, а также служебных слов, значительно помогает знание правил чтения встречающихся в них согласных букв и их сочетаний, гласных букв и их сочетаний, сочетаний гласных букв с гласными и гласных с согласными как в ударных слогах, так и в безударных.

Что касается согласных букв, то наибольшую трудность представляют правила чтения букв s, c, t и x.

На месте буквы s произносятся звуки s, z, ʒ, ʒ.

Звук z произносится во флексии после гласного звука (lies [laɪz] — *лежит*, wishes ['wɪʃɪz] — *желает*, после звонкого согласного (reads [riːdz] — *читает*, а также в суффиксе -ism (Communism ['kɒmjʊnɪzɪzəm] — *коммунизм*).

Звук ʒ произносится, когда буква s находится между гласной и суффиксами -ure и -ion (measure ['meɪʒə] — *мера*, division [dɪ'vɪʒn] — *деление*).

Звук ʃ произносится, когда буква s находится между согласной буквой и суффиксами -ure, -ion и -ian. Сравни (pressure ['preʃə] (давление), censure ['senʃə] (порицание), mission ['mɪʃ(ə)n] (миссия), pension ['penʃ(ə)n] (пенсия), version ['vɜːʃ(ə)n] (версия), Russian ['rʌʃ(ə)n] (русский), Persian ['pɜːʃ(ə)n] (персидский).

Во всех остальных случаях аффиксации на месте буквы s произносится звук s, а именно в префиксах dis- (disagree [dɪsə'ɡriː] — *не соглашаться*¹, mis- (misunderstand ['mɪs ɪndə'stænd] — *неправильно понять*, trans- (обычно перед глухим согласным, например, transform [træns'fɔːm] — *преобразовать*)², в суффиксах -ous (serious ['sɪəriəs] — *серьезный*), -ist (Communist ['kɒmjʊnɪst] — *коммунист*).

На месте буквы c произносятся звуки k, s и i.

Звук k произносится перед гласными буквами a (political [pə'lɪtɪkəl] — *политический*), o (co-worker ['kou'wɜːkə] — *сотрудник*), и u (focus ['foukəs] — *фокус*), а также на конце слова (pacific [pə'sɪfɪk] — *тихий, мирный*) и перед согласными (lecture ['lektʃə] — *лекция*).

¹ В префиксе dis- возможен в некоторых словах и звук z например, в [dɪsə'bɪlɪtɪ] и [dɪzə'bɪlɪtɪ] (неспособность).

² В произношении конечного согласного префикса trans- наблюдается еще больше колебаний, чем в префиксе dis-. На месте буквы s в префиксе trans- перед гласным чаще всего произносится согласный звук z (transatlantic [trænz-ət'læntɪk] — *трансатлантический*); перед звонким согласным в некоторых словах возможны и s и z (transgress [trænz(z)'ɡres] *переступать, нарушать*, transmit [trænz(z)'mɪt] — *передавать*, transliterate [trænz(s)'lɪtəreɪt] — *транслитерировать*), а в некоторых словах только s (translate [trænz'leɪt] — *переводить*).

Звук *s* произносится перед гласными буквами *e* (difference ['dɪfrəns] — *различие*), *i*+согласная (publicity [pə'blɪsɪti] — *публичность*) и *u* (emergency [ɪ'mə:dʒənsɪ] — *непредвиденный случай*).

Звук *ʃ* произносится, когда буква *s* находится перед суффиксами *-ient* (sufficient [sə'fɪʃnt] — *достаточный*), *-ial* (commercial [kə'mɜ:ʃl] — *коммерческий*), *-ious* (capricious [kəp'rɪʃəs] — *капризный*) и на месте буквосочетания *sc* перед *ien* (conscience [kən'ʃəns] — *совесть*) и перед *-ious* (conscious ['kɒnʃəs] — *сознательный*).

На месте буквы *t* произносятся звуки *ʃ* и *tʃ*.

Звук *ʃ* произносится, когда буква *t* находится между гласной и суффиксом *-ion* (position [pə'zɪʃn] — *положение, позиция*, nation ['neɪʃ(ə)n] — *нация*), а звук *tʃ* — когда буква *t* находится перед суффиксом *-ure* (picture ['pɪ ktʃə] — *картина*, nature ['neɪtʃə] — *природа*), а также между буквой *s* и суффиксом *-ion* (question ['kwɛstʃən] — *вопрос*).

На месте буквы *x* произносятся звукосочетания *ks*, *gz* и *kʃ*.

Звукосочетание *ks* произносится на конце корневой морфемы (influx [ɪ'nflʌks] — *приток*, mix [mɪks] — *смешивать*), перед согласными (extra ['ɛkstrə] — *экстра*) и в префиксе *ex-* перед безударным гласным *!* (exhibition [,ɛksɪ'bɪʃn] — *выставка*).

Звукосочетание *gz* произносится в префиксе *ex-* перед ударным гласным (exhibit [ɪg'zɪbɪt] — *экспонат*).

Звукосочетание *kʃ* произносится перед суффиксом *-ious* (obnoxious [əb'nɒkʃəs] — *несносный*), anxious ['æŋkʃəs] — *беспокоющийся*).

подавляющее большинство английских словообразующих аффиксов и формообразующих суффиксов находятся в безударном слоге, а служебные слова, включая и вспомогательные глаголы, произносятся в предложениях, словосочетаниях и сложных словах также без ударения. Гласные буквы в этих безударных аффиксах и служебных словах читаются по следующим довольно немногочисленным и простым правилам чтения гласных букв в неударных слогах.

На месте буквы *a* почти во всех неударных суффиксах и служебных словах произносится нейтральный гласный звук, например, в суффиксах *-ar* (beggar ['begə] — *нищий*), *-an* (Elizabethan [ɪ'lɪzə'bi:əp] — *елизаветинский*), *-ant* (dependant [dɪ'pendənt] — *иждивенец*), *-ance* (importance [ɪm'pɔ:təns] — *важность*), *-al* (radical ['rædɪkəl] — *радикальный*), *-able* (reasonable ['ri:zənəbl] — *разумный*), *-ward(s)* (backward(s) ['bækwəd(z)] — *отсталый*).

В суффиксе *-age* произносится гласный звук *ɪ* (tonnage ['tɒnɪdʒ] — *тоннаж*).

В суффиксе *-ate* в глаголах всегда произносится дифтонг [eɪ], который в многосложных глаголах никогда не имеет ударения (liberate ['lɪbəreɪt] — *освобождать*). В прилагательных же и существительных в произношении этого суффикса наблюдаются ко-

лебания между кратким гласным *i* и дифтонгом *ei*, причем в прилагательных окончательно установилось произношение с *i* (повидимому для отграничения от глагола), ср. *separate* [ˈsepəreɪt] (отделять) и *separate* [ˈsepəɪt] (отдельный), а в существительных возможны два варианта: с *i* и с *ei*, например, *advocate* [ˈædvəkət] и [ˈædvəkəɪt] (адвокат), *delegate* [ˈdelɪɡ(e)ɪt]—*делегат*.

Колебания наблюдаются также и в произношении суффикса прилагательных *-ative*: в большинстве слов в нем произносится нейтральный гласный (*conservative* [kənˈsə:vətɪv]—*консервативный*, *demonstrative* [dɪˈmɒnstrətɪv]—*демонстративный* и т. д.), а в нескольких словах — дифтонг *ei* (*authoritative* [ɔːˈɔ:rɪtətɪv]—*авторитетный, властный*); в некоторых же словах возможны два варианта (*communicative* [kəˈmju:nɪkətɪv, kəˈmju:nɪkəɪv]—*коммуникативный*).

В неударном префиксе *a-* произносится нейтральный гласный звук (*around* [əˈraʊnd]—*вокруг*, *ashore* [əˈʃɔː]—*на берег*).

Буква *a* встречается также в префиксах *anti-* и *trans-*. В первом из них всегда произносится гласный звук *æ*, имеющий либо такое же сильное ударение, как и корневая морфема (*anticyclone* [ˈæntɪˈsaɪkloun]—*антициклон*, *antisocial* [ˈæntɪˈsəʊʃl]—*антисоциальный*), либо второстепенное ударение (*antiseptic* [ˈæntɪˈseptɪk]—*антисептический*). В производных словах с односложным вторым компонентом префикс *anti-* имеет единственное ударение (*antichrist* [ˈæntɪkraɪst]—*антихрист*, *antipole* [ˈæntɪpəʊl]—*противоположный полюс*, *antidote* [ˈæntɪdaʊt]—*противоядие*). В сложных словах со вторым *двухсложным* компонентом, который не употребляется в английском языке как самостоятельное слово, префикс *anti-* также имеет единственное ударение, но оно падает на гласный *i* (*antipathy* [ænˈtɪpəθi]—*антипатия*, *antinomy* [ænˈtɪnəmi]—*антиномия*, *antipodes* [ænˈtɪpədiːz]—*антиподы*). В последних двух случаях действуют, по-видимому, акцентно-ритмический и этимолого-семантический факторы, которые влияют, как будет показано ниже, на произношение и других префиксов. Первый фактор выражается в тенденции ставить ударение на третий слог от конца слова (так называемое ритмическое ударение), а второй—в крайнем ослаблении или даже полном стирании семантического значения префикса или корневой морфемы в современном английском языке, в результате чего это значение устанавливается только путем этимологического анализа. Так, в *antipathy* (антипатия) смысловое значение второго компонента—*pathy* (чувство) слегка просвечивает благодаря наличию в английском языке слова *pathos* [ˈpeɪθɔːs] (пафос), а в *antinomy* [ænˈtɪnəmi] (антиномия, противоречие в законе) значение второго компонента совершенно не осознается, и лишь этимологический анализ устанавливает, что оно восходит к греческому *nomos* (закон). Отсутствие же смыслового значения у второго компонента приводит к тому, что и значение префикса не осознается, в результате чего все слово воспринимается не как производное, а как простое, и ритмическая тенденция словесного

ударения, не сдерживаемая более семантическим фактором, одерживает верх. Этим и объясняется сдвиг ударения в префиксе anti- с гласного æ на гласный i.

Префикс trans- имеет две фонетические формы: с гласным æ и с α, причём в одних словах эти гласные имеют сильное ударение, в других—второстепенное, а в некоторых словах они остаются безударными. Фонетическая форма этого префикса с гласным æ является, по-видимому, более употребительной, так как она приводится первой в произносительном словаре профессора Д. Джозунза (transmit [trænz'mit] и [trɑ:nz'mit]—*передавать*), хотя в словах translate (переводить) и translation (перевод) первой приводится форма с гласным α:—[trɑ:ns'leit], [trɑ:ns'leiŋ].

Правила чтения буквы e в аффиксах более сложны, чем у буквы a. Здесь действуют ряд дополнительных факторов, а именно не только отсутствие или наличие ударения, но и тип слога, в котором эта буква находится, степень семантической самостоятельности префиксов, число слогов в префиксально-образованном слове, а в суффиксах также характер последующего согласного, т. е. является ли он шумным или сонантом.

Одним только фактором, а именно отсутствием ударения, определяется чтение буквы e лишь в префиксе be- и в префиксе en- с его фонетическим алломорфом em-. В этих префиксах на месте буквы e произносится гласный звук i, например, belittle [bi'lɪtl̩] (умалить), encircle [ɪn'sɜ:kkl̩] (окружать), embody [ɪm'bɒdi] (воплощать).

Нахождением под сильным или второстепенным ударением в закрытом слоге объясняется чтение буквы e как звука e в префиксах ex-, extra- и retro-, например, ex-president ['eks'prezɪdnt̩] (экс-президент), extraterritorial [ˌɛkstrə'terɪ'tɔ:riəl] (экстерриториальный), retrospective [ˌretroʊ'spektɪv] (ретроспективный).

В ударных префиксах demi- ['demi] и semi- ['semi], имеющих значение *полу-*, (demigod ['demɪgɒd]—*полубог*, semifinal ['semi'faɪnl̩]—(*полуфинал*)) чтение гласной буквы e представляет собой исключение из правил.

Чтение же буквы e в префиксах de-, ge- и pre- не зависит от типа слога. Основными факторами здесь являются акцентный и семантический, причём наличие или отсутствие ударения на этих префиксах зависит, в свою очередь, главным образом от семантического фактора.

Префиксы de-, ge- произносятся без ударения и с кратким гласным i чаще всего в двухсложном глаголе, в котором их смысловое значение в современном английском языке либо полностью утеряно, либо крайне ослаблено, т. е. почти или совершенно не осознаётся, и устанавливается лишь путем этимологического анализа, например, в словах defend [dɪf'end] (защищать, оборонять), defame [dɪ'feɪm] (порочить, поносить), retain [rɪ'teɪn] (удерживать, сохранять), revive [rɪ'vaɪv] (оживлять), prefer [prɪ'fɜ:ə] (предпочитать), prescribe [prɪ'skraɪb] (предписывать, прописывать).

Однако в многосложных словах эти мертвые префиксы произносятся с ударением (главным или второстепенным) и содержат гласный звук *e*, например, *depricate* ['deprɪkeɪt] (протестовать), *recollect* [ˌreˌkɒl'ekt] (вспоминать), *recreate* ['rekreɪt] (восстанавливать силы), *prejudice* ['preʒʊdɪs] (предубеждать).

Во многих прилагательных и существительных, производных от двухсложных глаголов с префиксами *de-*, *ge-* и *pre-* в последних также произносится ударный гласный *e*, сравни *define* [dɪ'faɪn] (определять) и *definite* ['defɪnɪt] (определенный), *relate* [rɪ'leɪt] (относиться, иметь отношение) и *relative* ['relatɪv] (относительный, родственник), *refer* [rɪ'fɜː] (отсылать к чему-либо) и *reference* ['refrəns] (ссылка на что-либо), *prefer* [prɪ'fɜː] (предпочитать) и *preference* ['prefrəns] (предпочтение), *preferable* ['prefrəbl] (предпочтительный).

В этом случае перенос ударения следует объяснить десемантизацией компонентов этих производных слов и совместным действием двух тенденций английского словесного ударения: ритмической, согласно которой ударение падает на третий слог от конца слова, и рецессивной, требующей ударения на начальном слоге.

Что же касается чтения буквы *e* в этих словах, то оно определяется правилом, по которому в третьем слоге от конца слова на месте любой гласной буквы, кроме *i*, произносится соответствующий ей краткий гласный звук даже в тех случаях, когда гласный ударного слога отделен от следующего гласного одной лишь согласной буквой (*family* ['fæmɪli]—*семья*, *enemy* ['enɪmi]—*враг*, *cinema* ['sɪnɪmə]—*кино*, *tyranny* ['tɪrəni]—*тирания*, но *unity* ['juːnɪti]—*единство*).

В тех же словах, в которых префиксы *de-*, *ge-* и *pre-* являются живыми и имеют четкое смысловое значение, произносится долгий гласный звук *iː*, причем в одних словах эти префиксы имеют такое же сильное ударение, как и корневая морфема, в других—второстепенное ударение, а в третьих они являются безударными.

Так, префикс *de-*, когда он придает слову значение, обратное тому, которое слово имеет без этого префикса, произносится *dɪː*, например, *decontaminate* ['diːkəntæmɪneɪt] (обеззараживать, дегазировать), *decompose* ['diːkəm'pəʊz] (разлагать на составные части), *denationalize* ['diː'næʃənəlaɪz] (денационализировать, т. е. отменить закон о национализации).

Префикс *ge-*, когда он обозначает повторность действия или возвращение в прежнее состояние, произносится *gɪː*, например, *reconstruct* ['riːkəns'trʌkt] (реконструировать), *ge-cover* ['gɪː'kʌvə] (покрыть снова, сравни с *recover* [rɪ'kʌvə] выздоравливать), *reinstatement* ['riːɪn'steɪnt] (восстановить в должности, правах и т. д.).

Префикс *pre-*, когда он имеет значение *до*, *перед*, *заранее*, произносится *prɪː*, например, *pre-war* ['priː'wɔː] (довоенный), *pre-election* ['priːɪ'lekʃn] (предвыборный), *predetermine* ['priːdɪ'təːmɪn] (предопределять).

Таким образом, каждый из префиксов de-, ge- и pre- имеет три фонетические формы: с гласными i, e и i:, из которых первая является безударной, а вторые две могут находиться под сильным или второстепенным ударением.

На месте гласной буквы e в неударных суффиксах произносится краткий гласный i и нейтральный гласный ə, который в суффиксе -ep в некоторых словах обычно выпадает.

Гласный i произносится перед шумным согласным, а именно в суффиксах: -ess (actress [æktrɪs] — *актриса*), -ness (darkness [ˈdɑ:kni:s] — *темнота*), -less (sleepless [ˈsli:plɪs] — *бессонный*), -let (leaflet [ˈli:flɪt] — *листочек, листовка*), -red (hatred [ˈheitrɪd] — *ненависть*, kindred [ˈkɪndrɪd] — *родственный*).

Суффикс -ed, как указывалось выше, имеет три фонетические формы: t после глухих согласных, кроме t (dressed [drest] — *одел/ся, одет*), d после звонких согласных, кроме d, или после гласных (opened [ˈoʊpənd] — *открыл, открыт*, tied [taɪd] — *завязал, связанный*) и ɪd после t и d (repeated [riˈpi:tɪd] — *повторил, повторенный, неоднократный*, needed [ˈni:ɪd] — *нуждался, нужный*). Однако этот суффикс всегда выступает в форме ɪd после любого согласного при образовании наречий с помощью суффикса -ly, ср. marked [mɑ:kɪ] (отмеченный, заметный) и markedly [ˈmɑ:kɪdli] (заметно), confused [kənˈfju:zd] (смущенный) и confusedly [kənˈfju:zɪdli] (смущенно). Кроме того, в некоторых прилагательных, образованных при помощи суффикса -ed, последний также произносится ɪd (по-видимому, для отграничения от причастия II), например, aged [eɪdʒɪd] people (пожилые, т. е. престарелые люди) (ср. с He has aged [eɪdʒd] — *Он постарел*), learned [ˈlɜ:nɪd] man (ученый человек) (ср. с She has learned it [lɜ:nd] — *Она выучила это*), beloved [bɪˈlʌvɪd], (любимый), naked [ˈneɪkɪd] (обнаженный), wretched [ˈretʃɪd], (несчастный), wicked [ˈwɪkɪd] (злой).

Нейтральный гласный произносится на месте буквы e в суффиксах перед буквами г и п, а именно в следующих суффиксах: -er (teacher [ˈti:tʃə] — *преподаватель*, later [ˈleɪtə] — *более поздний, позднее*), -ster (youngster [ˈjʌŋstə] — *юнец*), -ery (bakery [ˈbeɪkəri] — *пекарня, булочная*), -ent (student [ˈstju:dənt] — *студент*, different [ˈdɪfrənt] — *различный*), -ence (difference [ˈdɪfrəns] — *различие*), -ment (movement [ˈmu:vmənt] — *движение*).

Кроме того, нейтральный гласный произносится в суффиксе -ety после гласной, например, variety [vəˈraɪəti] (разнообразие).

Нейтральный гласный в суффиксе -ep может сохраняться после тех согласных, которые трудно произнести слитно с последующим n, ср. глагол sadden [ˈsædn] (печалить), в котором нейтральный гласный выпадает, так как сочетание dn вполне удобопроизносимо, с глаголом blacken (чернить), который легче произнести с нейтральным гласным ([ˈblækən]), чем без него ([ˈblækp]).

Таким образом, прибавление суффикса -ep может вызывать изменения в аллофонном составе корневой морфемы: в sad [sæd] (*печальный*) фонема d представлена своим взрывным аллофоном,

а в sadde[n] ['sædn] (печалить) она выступает в виде своего безвзрывного аллофона (точнее с носовым взрывом).

Суффикс -en может вызывать изменения даже и в фонемном составе корневой морфемы. Так, конечная фонема t, следующая после f, s, например, в soft ['sɒft] (мягкий), haste [heɪst] (поспешность), выпадает перед суффиксом -en, например, в глаголах soften ['sɒfn] (смягчать), hasten ['heɪsn] (спешить).

Выпадение фонемы t в этих случаях объясняется двумя факторами: неудобопроизносимостью звукосочетания stn, с одной стороны, и акустической слабостью (плохой слышимостью) безвзрывного аллофона фонемы t перед n, с другой.

К ударным суффиксам с буквой e относятся -eria и ette (-et). В них буква e читается по правилам чтения английских гласных букв в ударных слогах, а именно на ее месте перед буквой г-т, гласная произносится дифтонг iə (Сравни here [hiə]—здесь и cafeteria [kæfɪ'tɛriə]—кафетерий), а перед двумя согласными или перед одной конечной согласной произносится гласный e (Сравни get — мочить лён и cigarette [sɪgə'ret] — папироса, cellaret [sɛlə'ret]—шкафчик с винами).

На месте букв i и y в подавляющем большинстве английских аффиксов произносится краткий гласный звук ɪ, а именно в суффиксах -ist (Communist ['kɒmjunist] — коммунист), -ship (friendship ['frɛndʃɪp]—дружба) -ing (building ['bɪldɪŋ]—строение, здание), -ity (rapidity [ræ'pɪdɪti]—быстрота), -ism (Socialism ['səʊʃəlɪzɪzəm]—социализм), ible (permissible [pə'mɪsɪbl]—позволительный), ive (active ['æktɪv]—активный), -ish (greenish ['grɪ:nɪʃ]—зеленоватый), ic(al) historic(al) [hɪs'tɔrɪk(əl)]—исторический), -ry (poetry ['pɔ:tri]—поэзия, -ty (certainty ['sɜ:tɪnti]—уверенность), -y (difficulty ['dɪfɪkəlti]—трудность, Tommy ['tɒmi]—Томми), icy [aɪsi]—ледяной), -cysy (obstinacy ['ɒbstɪnəsi]—упрямство, hypocrisy [hɪ'pɔ:kɪsɪ]—лицемерие), -ly (bravely [breɪvli]—храбро).

Лишь в суффиксе имен существительных -ite, в суффиксе наречий -wise и глаголов -ize(-ise), -fy произносится дифтонг (aɪ) (Muscovite ['mʌskəvaɪt] — москвич, likewise ['laɪkwaɪz] — подобным же образом, symbolize ['sɪmbəlaɪz] — символизировать, glorify ['glɔ:rɪfaɪ]—прославлять).

К префиксам с буквой i в их орфографической форме и звуком ɪ в фонетической относятся in- (с его фонетическими алломорфами im-, il-, ir-), mis-, dis-, anti-, inter-.

Префиксы in- (im, il, ir) и dis- в одних словах произносятся без ударения, а в других с ударением (чаще всего второстепенным). Отсутствие или наличие ударения у фонетических форм этих префиксов зависит главным образом от ритмического фактора: ударение отсутствует, если следующий слог является ударным, но оно имеется, когда следующий после префикса слог находится под ударением, а затем следует неударный слог, ср. inadequate [ɪn'ædɪkwɪt] (неадекватный) и inadmissible [ɪnəd'mɪsɪbl] (недопустимый), immoderate [ɪ(m)'mɒdərɪt] (неумеренный, невоздержан-

ный) и immaterial [ɪmə'tɪəriəl] (несущественный), illiterate [ɪ'lɪtərɪt] (неграмотный) и illegitimate [ɪlɪ'dʒɪtɪmɪt] (незаконный), irrational [ɪ'ræʃənəl] (нерациональный) и irrefragable [ɪrɪ'prɔʊtʃəbl] (безупречный), dishonest [dɪs'ɒnɪst] (нечестный) и disobedient [dɪsə'bi:diənt] (непослушный).

Наличие или отсутствие ударения у префикса mis- определяется главным образом семантическим фактором, а отчасти и ритмическим. При сохранении этим префиксом смыслового содержания он произносится с ударением, например, miscalculate ['mɪs'kælkjuleɪt] (просчитаться).

Однако в некоторых словах перед ударным гласным префикс mis- не имеет ударения, хотя и сохраняет полностью свое смысловое содержание, например, misname [mɪs'neɪm] (неправильно называть). При ослаблении смыслового значения этого префикса, т. е. когда в производном слове происходит какой-либо семантический сдвиг по сравнению со значением суммы его компонентов, префикс mis- произносится без ударения, например, mistake [mɪs'teɪk] (ошибка), mislead [mɪs'li:d] (вводить в заблуждение).

Префикс anti- в большинстве слов произносится с сильным ударением (см. выше), например, 'antifascist ['æntɪ'fæ:ʃɪst] (антифашист). Префикс inter- произносится с второстепенным ударением, например, international [ɪntə'næ:ʃnl] (международный, интернациональный).

В префиксах, содержащих букву о, на месте последней произносится дифтонг ои, дифтонг ээ (или его заместитель — простой долгий гласный э:) и нейтральный гласный.

Дифтонг ои произносится в ударном открытом слоге, а именно в префиксах со- ((coordinate ['kɔ:ɔ:dɪneɪt] — координировать), соauthor ['kɔ:ɔ:ə] — соавтор), про- (prorector ['prɔ:rektə] — *про-ректор*, pro-democratic ['prɔ:demə'krætɪk] — *продемократический*), over (over-production ['ɔ:vəprə'dʌkʃn] — *перепроизводство*, overestimate ['ɔ:vər'estɪmeɪt] — *переоценивать*) и в ударном слоге, закрытом звукосочетанием st, а именно в суффиксе post- (post-war ['pɔ:st-wɔ:] — *послевоенный*).

Дифтонг ээ (или простой гласный э:) произносится в ударном слоге перед буквой г, за которой следует гласная буква, а именно в префиксе fore-, который в существительных и прилагательных имеет единственное ударение (forearm ['fɔ:ɔ:m] — *предплечье*, forefathers ['fɔ:ɔ:ðəz] — *предки*, foremost ['fɔ:ɔ:mɔ:st] — *передовой*), а в глаголах обычно не стоит под ударением (foresee [fɔ:'si:] — *предвидеть*, foretell [fɔ:'tel] — *предсказывать*).

Нейтральный гласный произносится на месте буквы о в неударном слоге перед согласной буквой, а именно в суффиксах -or (inventor [ɪn'ventə] — *изобретатель*), -ory (transitory ['trænzɪtəri] — *скоропроходящий*), -dom (kingdom ['kɪŋdəm] — *королевство*), -some (tiresome ['taɪəsəm] — *утомительный*).

На месте буквы и в английских аффиксах произносятся гласный и: с предшествующим сонантом j, т. е. звукосочетание ju:, гласный а и нейтральный гласный.

Звукосочетание *ju:* произносится на месте буквы *u*, когда последняя отделена от следующей гласной буквы одной только согласной, кроме *g*, а именно в ударном префиксе *super-* (*superhuman* ['sju:pə'hju:mən] — *сверхчеловеческий*) и в безударном суффиксе *-tude* (*solitude* ['sɒlɪtju:d] — *одиночество*).

Краткий гласный *ʌ* произносится в ударном слоге перед двумя согласными или одной конечной согласной, а именно в обычно ударных префиксах *un-* (*unknown* ['ʌn'pəʊn] — *неизвестный*), *under-* (*underestimate* ['ʌndə'restɪmeɪt] — *недооценивать*, *undersecretary* ['ʌndə'sekrɪtəri] — *заместитель министра*) и *sub-* (*subdivide* ['sʌbdɪ'vaɪd] — *подразделять*, *sub-editor* ['sʌb'edɪtə] — *помощник редактора*).

Нейтральный гласный произносится на месте буквы *u* в неударном слоге, когда буква *u* находится перед согласной буквой, а именно в суффиксе *-ure* (*pressure* ['preʃə] — *давление*) и в суффиксе *-ful* в производных наречиях, образованных при помощи суффикса *-ly* (*beautifully* ['bju:təfəlɪ] — *красиво*). Однако в этом суффиксе в прилагательных произносится краткий гласный *ʊ* (*beautiful* ['bju:təfʊl] — *красивый*).

Кроме рассмотренных выше аффиксов, содержащих одну гласную букву в слоге, в английском языке имеются еще аффиксы, в орфографическую форму которых входят сочетания из двух гласных букв (так называемые диграфы). Эти сочетания читаются по правилам чтения диграфов в ударных и неударных слогах и в зависимости от последующей согласной буквы. Так, на месте буквы *e* в диграфе *ea*, если за ним не следует буква *g*, произносится долгий гласный *i:*, например, в ударном суффиксе *-ean* (*European* [juəgə'pi:ən] — *европейский*). На месте диграфа *ee*, если за ним не следует буква *g*, также произносится гласный *i:*, например, в ударном суффиксе *-ee* (*employee* [em'plɔɪ'i:] — *служащий*, *evacuee* [ɪ'vækju'i:] — *эвакуированный*). На месте этого же диграфа перед буквой *g* произносится дифтонг *iə*, а именно в ударном суффиксе *-eer* (*engineer* [endʒɪ'nɪə] — *инженер*).

На месте диграфа *ia* в неударном слоге обычно произносится дифтонг *iə*, например, в неударном суффиксе *-ian* (*Shakespearean* [ʃeɪks'piəriən] — *шекспировский*).

На месте диграфа *io* в неударном суффиксе *-ion* произносится звукосочетание *jə* (*opinion* [ə'pɪnjən] — *мнение*), а в вариантах этого суффикса *-sion* и *-tion* — нейтральный гласный, который в беглом разговорном стиле выпадает (*confusion* [kən'fju:z(ə)n] — *замешательство*, *impression* [ɪm'preʃ(ə)n] — *впечатление*, *invention* [ɪn'venʃn] — *изобретение*, *suggestion* [sə'dʒestʃ(ə)n] — *предложение*).

На месте диграфа *oo* в неударном суффиксе *-hood* произносится краткий гласный *ʊ* (*childhood* [tʃaɪl'dhʊd] — *детство*), а в неударном суффиксе *-proof* — долгий гласный *u:* (*waterproof* ['wɔ:təpru:f] — *водонепроницаемый*).

На месте диграфа *ou* в ударном слоге произносится дифтонг *au*, например, в префиксе *counter-*, который имеет либо единственное, либо главное ударение в существительных (*counterblow* ['kauntə,tblou] — *встречный удар, контр-удар, counter-attack* ['kauntəgə,tæk] — *контратака*) и либо второстепенное, либо равное главному ударение в глаголах и прилагательных (*counteract* ['kauntəg'ækt] — *противодействовать, counter-revolutionary* ['kauntə,revə'lu:ʃnɪ] — *контрреволюционный*). Дифтонг *au* произносится также в префиксе *out-*, который в большинстве существительных имеет единственное ударение (*output* ['aʊtput] — *продукция*), а во многих глаголах является безударным (*outnumber* [aʊt'nʌmbə] — *превосходить количеством*). В неударном слоге на месте диграфа *ou* произносится нейтральный гласный, например, в суффиксе *-ous* (*dangerous* ['deɪndʒəgəs] — *опасный*).

Силовой компонент фонетического строя также играет весьма важную роль в словообразовании и словоизменении английского языка. Он проявляется прежде всего в ударении, как словесном, так и фразовом.

Как и фонемы, словесное ударение выполняет тройную функцию: конститутивную, различительную и идентифицирующую.

Конститутивная функция словесного ударения выражается, во-первых, в том, что оно организует двухсложное или многосложное слово в фонетико-семантическое единство: такое слово не может вообще существовать без ударения, и именно поэтому ударение называют «душою» слова.

Во-вторых, ударение в английском языке может выступать в качестве единственного словообразующего средства. Это имеет место при образовании существительных от глаголов путем переноса ударения на начальный слог, ср. например, [ɪm'pɔ:t] (*import*) — *импортировать* и [ɪmpɔ:t] (*import*) — *импорт*, причем во многих случаях перенос ударения вызывает изменение в звуковом составе производного существительного по сравнению с глаголом, ср. ['kəmbaɪn] (*combine*) — *комбинировать* и ['kəmbaɪn] (*combine*) — *комбинат, комбайн*.

Непосредственно словообразующая функция словесного ударения проявляется также во многих английских сложных двухкомпонентных существительных: их единственным признаком как сложных слов является объединяющее ударение, обычно на первом компоненте, например, *classroom* ['klɑ:srʊm] (класс, аудитория), *writing-table* ['raɪtɪŋteɪbl] (письменный стол). Наличие двух равносильных ударений является, наряду с суффиксацией, характерным признаком, английских сложно-производных прилагательных типа *blue-eyed* ['blu:'aɪd] (голубоглазый), *hard-working* ['hɑ:d'wɜ:kɪŋ] (прилежный), производных числительных от 13 до 19 (*thirteen* ['θɜ:'ti:n], *nineteen* ['naɪn'ti:n] — *девятнадцать*) и производных прилагательных с суффиксом *-ese*, сравни *China* ['tʃaɪnə] (Китай) и *Chinese* ['tʃaɪ'niz] (китайский), а также других двухударных производных слов, рассмотренных выше.

Наличие второстепенного ударения является, наряду с суффиксацией, также конститутивным признаком производных четырех- и пятисложных существительных, например, *academician* [ə,kædə'miʃn] (академик) *imagination* [i,mædʒɪ'neɪʃn] (воображение).

Словоразличительная функция словесного ударения вытекает непосредственно из его словообразующей функции. Так, ударение, образуя имя существительное от глагола, при совпадении звуковой и орфографической форм обоих, является одновременно и их единственным различительным признаком, а образуя сложное существительное, ударение во многих случаях одновременно отличает последнее от свободного (синтаксического) словосочетания, сравни *blackboard* ['blækbɔ:d] (классная доска) и *black board* ['blæk 'bɔ:d] — любая черная доска) или *missing-list* ['mɪsɪŋ list] (список пропавших без вести) и *missing list* ['mɪsɪŋ'list] (пропавший список).

Английское словесное ударение при словоизменении всегда остается неподвижным, сравни *finish* ['fɪnɪʃ] (кончать), *finishes* ['fɪnɪʃɪz] (кончает), *finishing* ['fɪnɪʃɪŋ] (кончающий), поэтому оно не может выполнять в английском языке формообразующей и форморазличительной функций, как это иногда имеет место в русском языке, сравни *руки* — именительный падеж множественного числа и *руки* — родительный падеж единственного числа.

Идентифицирующая функция словесного ударения выражается в том, что постановка ударения требуемой силы на надлежащий слог в слове обеспечивает наиболее быстрое и легкое узнавание и, следовательно, понимание, двухсложных и многосложных слов.

Нарушение различительной и идентифицирующей функций словесного ударения приводит к двум типам акцентологических ошибок, аналогичным по своим последствиям рассмотренным выше двум типам ошибок в произношении фонем, а именно к смешению разных слов и затруднению понимания слов. Ошибки первого типа в словесном ударении можно назвать акцентно-фонологическими, а второго типа — акцентно-нефонологическими.

Наиболее часто встречающейся нефонологической ошибкой в месте ударения, которую русские учащиеся допускают при произнесении английских производных слов, является постановка ударения на последнем слоге в глаголах с суффиксами *-ate*, *-ize* (*-ise*) и *-fy* (*-ify*), тогда как в таких глаголах ударение, как правило, падает на третий слог от конца слова, например *['dɛmən'streɪt]* (*demonstrate*) — *демонстрировать*, а не *[dɪmən'streɪt]* [*ˈɔ:gənaɪz*] (*organize*) — *организовать*, а не *[ɔ:gənaɪz]*, *['sætɪsfaɪ]* (*satisfy*) — *удовлетворять*, а не *[sætɪs'faɪ]*.

Второй весьма распространенной акцентологической ошибкой (также нефонологической) является пропуск второстепенного ударения в четырехсложных и пятисложных существительных с суффиксом *-tion*, что неизбежно приводит и к изменению в звуко-

вом составе корневой морфемы, а именно к употреблению редуцированного гласного (обычно нейтрального) в слого, в котором должен быть гласный полного образования. Второстепенное ударение в таких существительных падает, как правило, на тот слог, который в соответствующем глаголе является ударным, сравни [prə'naʊns] (pronounce) — произносить и [prə,plɑnsi'eɪʃn] (pronunciation) — произношение, [ˈdɛmənstreɪt] (demonstrate) — демонстрировать и [ˌdɛmən'streɪʃn] (demonstration) — демонстрация, ɔ:gənaɪz] (organize) — организовать и [ˌɔ:gəni'zeɪʃn] (organization) — организация, [ˈsætɪsfaɪ] (satisfy) — удовлетворять и [ˌsætɪs'fækʃn] (satisfaction) — удовлетворение. Типичной же ошибкой является произношение [prənəsi'eɪʃn], [dɪmən'streɪʃn], [lɜgəni'zeɪʃn], [sætɪs'fækʃn].

Наиболее распространенной (часто фонологической) ошибкой в ударении английских двухкомпонентных сложных существительных является, наоборот, постановка ударения также и на втором компоненте, особенно в словах, первый компонент которых содержит суффикс -ing; например, существительное dining-room ['daɪnɪŋrʊm] (столовая) часто ошибочно произносится ['daɪnɪŋ'rʊm].

Силовой компонент фонетического строя языка проявляется не только в ударении, но и в слоговом строении слов. Согласно теории слога, выдвинутой академиком Л. В. Щербой, деление слов на слоги, а следовательно, и слоговое строение слов, зависит от характера изменения мышечной напряженности при произнесении согласных.

Согласный, который имеет слабое начало и сильный конец, находится в начале слога, например, в предлоге «на», а согласный с сильным началом и слабым концом стоит в конце слога, например, в местоимении «он».

Теория сильноконечности и слабоконечности согласных применима и к английскому языку. Так, например, произнесение фонемы ð как сильноконечного (и слабоначального) согласного в предлоге without (без) делает первый слог открытым, а второй прикрытым, а именно: [wɪ'daʊt], что характерно для наиболее распространенного произношения этого слова. Произнесение же фонемы ð как слабоконечного (и сильноначального) согласного делает первый слог закрытым, а второй неприкрытым, а именно: [wɪð'aʊt], что является возможным, хотя и менее распространенным произношением этого предлога. Таким образом, деление предлога without на слоги, а следовательно, и его слоговое строение, зависит от употребления в нем сильноконечного или слабоконечного согласного

В данном случае для узнавания и понимания слова это несущественно, так как в литературном английском произношении имеются оба варианта. Однако в некоторых английских словах возможно только одно произношение, а именно с сильноконечным согласным на стыке морфем, например, в местоимении another [ə'nʌðə] (другой).

Теория Л. В. Щербы о сильноконечности и слабоконечности согласных может быть распространена и на английские гласные: долгие гласные фонемы и дифтонги можно охарактеризовать как слабоконечные, так как мышечная напряженность к концу их произнесения уменьшается, и они, следовательно, имеют слабый конец, или отступ. В силу этой своей особенности английские долгие гласные и дифтонги находятся всегда в открытом слоге, если они отделены от последующего гласного только одним согласным звуком, например, в слове father [ˈfɑːðə] (отец).

Слабоконечными могут быть в английском языке и безударные краткие гласные, находящиеся в аналогичных позиционных условиях, в частности э, например, в about [əˈbaʊt] (о, об), и и, например, в eleven [ɪˈlevn] (одиннадцать).

Слабоконечность английских долгих гласных, дифтонгов и некоторых кратких гласных в безударном слоге имеет огромное значение для слогового строения производных слов и грамматических форм одного и того же слова, а именно приводит к слоговому переразложению морфем, содержащих эти гласные, т. е. при словопроизводстве и словоизменении последний согласный таких морфем произносится как сильноконечный и, следовательно, отходит ко второму слогу, изменяя таким образом и слоговое строение следующей морфемы, ср. морфемное и слоговое строение следующих слов read [ri:d] (читать), read-er [ˈriː-də] (читатель), read-ing [ˈrɪː-dɪŋ] (чтение, читающий), read-able [ˈriː-də-bl] (разборчивый, легко читающийся); erase [ɪˈreɪz] (стирать, соскабливать), eras-es [ɪˈreɪ-zɪz] (стирает, соскабливает), eras-ing [ɪˈreɪ-zɪŋ] (стирающий, соскабливающий), eras-er [ɪˈreɪ-zə] (резинка, ластик); en-able [ɪˈneɪ-bl] (давать возможность).

Английские краткие гласные под ударением можно охарактеризовать как сильноконечные, так как спада мышечной напряженности к концу их произнесения не происходит и, следовательно, они имеют сильный конец, или отступ. При этом к краткому ударному гласному в английском языке тесно примыкает последующий согласный, даже если краткий гласный отделен от последующего гласного только одним согласным. Однако вопрос о точном месте слогораздела в таких словах еще не разрешен: есть основание предполагать, что слоговая граница проходит не после, а внутри согласного и слогораздел происходит в течение весьма кратковременной выдержки согласного, расщепляя его таким образом на две части, из которых первая замыкает предыдущий слог, а вторая начинает последующий, например, money [ˈmʌni] (деньги).

Отсюда следует, что морфемы, содержащие краткий ударный гласный, либо полностью сохраняют свое слоговое строение при словопроизводстве и словоизменении, либо изменяют его весьма незначительно, отдавая последующей морфеме лишь часть своего конечного согласного, например, come [kʌm] (приходить), com-ing [ˈkʌmɪŋ] (приходящий).

Если долгий гласный, дифтонг или краткий гласный (как ударный, так и безударный) отделен от следующего гласного двумя или несколькими согласными, то слоговое переразложение морфем зависит главным образом от того, может или не может сочетание согласных, которое находится на конце морфемы, начинать слова данного языка. Если такое сочетание невозможно в начале слов данного языка, то оно должно расщепиться: первый согласный должен отойти к предыдущему слогу, а второй — к последующему, в результате чего произойдет слоговое переразложение морфем в данном производном слове или в данной словоформе. Так, например, в английском языке нет ни одного слова, которое начиналось бы звукосочетанием *kt*, поэтому в производном слове *active* (активный) первый из этих двух согласных отходит к предыдущему слогу, а второй — к последующему, и в результате этого морфемы *act-* и *-ive* приобретают иное слоговое строение, а именно [ʔæk-tiv].

Сочетание согласных *tl* также не встречается в начале английских слов, поэтому в словоформах *settling* (оседающий) и *idling* (бездельничающий) происходит слоговое переразложение морфем *settl*-[setl], *idl*-[aidl] и *-ing* [ɪŋ], а именно: [ʔset-lɪŋ], [aid-lɪŋ].

Таким образом, слоговое переразложение морфем при аффиксальном словообразовании и суффиксальном словоизменении в английском языке является во многих случаях необходимым для их правильного фонетического оформления, так как произнесение слабokonечных согласных, т. е. сохранение слогового строения морфемы в их исходной форме, на стыках морфем в приведенных выше и аналогичных примерах, было бы нарушением произносительной нормы английского языка, привело бы к искажению звуковой оболочки слов в целом и затруднило бы их узнавание и понимание. Поэтому правильное слоговое деление при словообразовании и словоизменении также выполняет в английском языке идентифицирующую функцию.

Что же касается различительной функции правильного слогового деления в английском языке, то она проявляется главным образом при соединении слов в словосочетаниях и предложениях и поэтому не характерна непосредственно для английского словообразования и словоизменения.

Если фонетические границы морфем при аффиксальном словообразовании и суффиксальном словоизменении в английском языке весьма изменчивы, то фонетические границы самих слов, как корневых, так и производных, чрезвычайно устойчивы. Эта устойчивость проявляется в слабokonечности последнего согласного звука в слове и, следовательно, в невозможности перехода этого согласного к начальному (особенно ударному) слогу последующего слова, т. е. в отсутствии слогового переразложения на стыках слов. Благодаря этому слабokonечность последнего согласного в слове оказывается фонологически противопоставленной в различных целях сильноконечности первого согласного последующе-

го слова. Так, последовательность фонем э, п, еі- и т при слабokonечном произнесении согласного п, а именно ([эп'еіт] означает «цель» (аn aim), а при сильноконечном п, а именно ([э'пеіт] та же самая последовательность фонем означает «имя», «фамилия» (а name); аналогичную различительную функцию выполняют слабokonечные и сильноконечные согласные п и т в словосочетаниях [эп 'аіs 'haus] (аn ice house)—*ледяной дом* и [э 'паіs 'haus] (а nice house)—*прекрасный дом*, [э 'blækt 'аі] (а blacked eye) — *подбитый глаз* и [э'blæk 'таі] (а black tie)—*черный галстук*. Между тем типичной ошибкой русских, изучающих английский язык, является произнесение последних согласных фонем слов в предложении как сильноконечных, в результате чего происходит слоговое переразложение слов на их стыках, например, [дэ'геіn і'zəuvə вместо правильного [дэ'геіn іz 'əuvə] (The rain is over)—*Дождь перестал*.

Высотный (мелодический) компонент фонетического строя не играет самостоятельной и, в частности, различительной роли в словообразовании и словоизменении английского языка, как это имеет место, например, в некоторых дальневосточных и африканских языках.

Высотный компонент фонетического строя английского языка представляет собой составную часть английской интонации и теснейшим образом связан с фразовым ударением, которое также является одним из важнейших компонентов интонации и, в свою очередь, теснейшим образом связано со словесным ударением. Связь фразового ударения со словесным заключается в том, что фразовое ударение есть не что иное, как сохранение, а иногда и усиление словесного ударения (или одного из двух словесных ударений) в предложении. Связь же мелодии с фразовым ударением заключается в известных закономерностях соотношения между силой произнесения слогов в предложении и высотой тона или направлением движения тона в сонорных фонемах (т. е. в гласных и сонантах) этих слогов. Так, в предложениях и синтагмах, произносимых с нисходящей шкалой и падающим тоном, начальные безударные слоги имеют либо низкий ровный, либо постепенно восходящий тон; для их первого ударного слога характерен либо самый высокий и ровный тон в предложении или синтагме, либо внутрислоговой подъем; последующие ударные и безударные слоги вплоть до последнего ударного содержат постепенно нисходящее движение тона; в последнем ударном слоге происходит резкое падение тона до самого низкого уровня, а конечные неударные слоги имеют низкий и ровный тон. Некоторые элементы этого мелодического рисунка, являющегося одним из типичнейших для английской речи, обладают довольно четкой функциональной значимостью. Так, низкий тон начальных слогов и постепенно нисходящее движение тона вплоть до последнего ударного слога (так называемая нисходящая шкала) выражают отсутствие эмоциональности, а падение тона с последующим ровным движением

на низком уровне в конечных неударных слогах, если последние имеются, определяют назначение (коммуникативный тип) предложения или смысловой вес синтагмы, а именно указывает, что предложение выражает, например, законченное категорическое утверждение или приказание, а синтагма обладает относительной смысловой законченностью и самостоятельностью, т. е. независимостью от последующей синтагмы.

Иной акцентно-мелодический рисунок будет иметь иную функциональную значимость. Так, например, постепенно восходящая шкала будет выражать эмоциональность, а восходящий тон в последнем ударном слоге или ровный тон с последующим повышением в конечных неударных слогах будет показывать, что предложение выражает (конечно, при соответствующем подборе слов и надлежащей грамматической структуре), например, просьбу или вопрос, требующий утвердительного или отрицательного ответа, а синтагма тесно связана по смыслу с последующей синтагмой или не обладает большой самостоятельностью.

Слова (как простые, так и производные), а также их грамматические формы, попадая в состав предложения, подчиняются его акцентно-мелодическим закономерностям и таким образом получают свою окончательную акцентно-мелодическую оформленность. Так, вспомогательные глаголы, употребляемые для образования видо-временных форм английского глагола, произносятся в местоименных (так называемых «общих») вопросах обычно ровным высоким тоном, поскольку они представляют собой или содержат в себе первый ударный слог в предложении, например, *Are you going home?* (Вы идете домой?)

В изолированном же произнесении слова в английском языке могут иметь (без изменения своего значения) любое мелодическое оформление, аналогичное мелодическому оформлению синтагм или односинтагменных предложений, т. е. в этом случае движение тона в многосложных словах будет происходить по тем же закономерностям его соотношения с силой произнесения слогов, которые наблюдаются в предложении. Так, например, мелодический рисунок производного существительного *administration* [æd,mɪnɪ's'treɪʃn] может полностью совпадать с мелодическим рисунком предложений различного коммуникативного типа, содержащих то же самое число слогов в той же самой последовательности. Сравни: *administration* [æd,mɪnɪ's'treɪʃn] (нисходящий тон), и *And where's the station?* (нисходящий тон); [ænd'wɛəzðə 'steɪʃn?—А где же вокзал? [æd,mɪnɪ's'treɪʃn] (восходящий тон) и *And here's the station* (восходящий тон) [ænd 'hɪəz ðə 'steɪʃn]—А вот и вокзал.

Темпоральный компонент фонетического строя, так же как и высотный, не играет самостоятельной роли в словообразовании и словоизменении современного английского языка. Изменение длительности звуков речи не является ни единственным, ни главным

различительным признаком английских фонем и, следовательно, не может выполнять ни слово- и формообразующей, ни слово- и форморазличительной функции в английском языке.

Известно, что пары английских исторически долгих и исторически кратких гласных фонем, например, *i:* и *i* отличаются друг от друга не только и не столько по длительности, сколько по качеству. Однако одна и та же гласная фонема, как исторически долгая, так и исторически краткая, может изменять свою длительность в зависимости от целого ряда фонетических факторов, в результате чего возникают темпоральные аллофоны гласной фонемы и может изменяться аллофонный состав одной и той же морфемы и одного и того же слова.

Одни из этих факторов действуют в пределах изолированных слов или словоформ, другие—только в пределах словосочетания и предложения.

Так, например, долгая гласная фонема выступает в более кратком оттенке в конечном закрытом слоге, чем в открытом, сравни: *sees* [si:z] (видит) и *see* [si:] (видеть), перед глухим согласным, чем перед звонким, сравни: *belief* [bi'li:f] (вера) и *believe* [bi'li:v] (верить), в безударном слоге, чем в ударном, сравни: [*ɪ*nkri:s] (увеличение) и [*ɪ*n'kri:s]—*increase*—(увеличиваться, возрастать), в двухсложном или многосложном слове, чем в односложном, сравни: *reading* ['ri:diŋ] (чтение, читающий) и *read* [ri:d] (читать).

Эти же самые факторы действуют и в пределах предложения.

К факторам же, которые влияют на длительность гласных фонем только в рамках предложения, относятся такие компоненты интонации, как мелодическое завершение синтагмы или предложения, а также ритм и темп его произнесения. Например, даже исторически краткая английская фонема звучит протяжнее, если в ней происходит повышение тона, чем в том случае, когда тон в ней падает. Сравни, *Will he come back?* (Он вернется?) и *He will come back.* (Он вернется).

Ритм предложения влияет на длительность гласных через фразовое ударение и отчасти через темп. Под влиянием ритма английской речи, выражающегося в тенденции чередовать ударные слоги через приблизительно равные промежутки времени, некоторые слова не имеют фразового ударения, и гласные в них, будучи неударными, укорачиваются. Кроме того, для соблюдения этого характерного для английской речи ритма безударные слоги, если их много, произносятся более быстрым темпом, в результате чего гласные в них укорачиваются, а если безударных слогов мало, то они произносятся более медленным темпом, в результате чего гласные в них слегка удлиняются.

Изменения в темпе произнесения предложений, обусловленные различными эмоциональными окрасками последних и различными ситуациями общения также влияют на длительность гласных фонем.

Длительность английских сонантов *p*, *m* и *l* также весьма изменчива: они произносятся довольно протяжно на конце слова, когда они находятся после краткого гласного или перед звонким согласным, но они теряют эту долготу перед глухим согласным. В английском словоизменении это наблюдается особенно часто в формах некоторых неправильных глаголов. Сравни. *spend* [spen:d] (тратить) и *spent* [spent] (потратил) *build* [bil:d] (строить) и *built* [bilt] (построил). Кроме того, английские согласные могут удлиняться в предложении при выражении эмоций, например, согласный *f* суффикса *-ful* в предложении *It was awfully good!* [it wəz 'ɔ:f:əli gud] (Это было ужасно хорошо!)

Несоблюдение надлежащей длительности английских фонем при условии сохранения их качества не является фонематической ошибкой, но приводит к нарушению идентифицирующей функции их темпоральных аллофонов.

Из проведенного выше анализа видно, что звуковая оболочка морфем и слов в целом в их различных грамматических формах не является чем-то раз навсегда данным и неизменным. Она постоянно меняется в соответствии с определенными закономерностями данного языка, действующими как в пределах изолированных слов и словоформ, так и в рамках предложений. Эти закономерные изменения входят в произносительную норму языка, которая и обеспечивает наиболее эффективное функционирование языка в процессе устно-речевого общения людей. Отсюда ясно, что правильное фонетическое оформление словообразования и словоизменения по линии всех компонентов фонетического строя языка во всех их проявлениях как при произнесении изолированных слов и словоформ, так и, особенно, при произнесении их в предложениях, имеет огромное практическое значение при изучении иностранного языка с целью свободного владения не только письменной, но и устной речью. Успешное же обучение изучающих иностранный язык правильному фонетическому оформлению словообразования и словоизменения этого языка возможно только при условии тесной координации преподавания грамматики и лексики с обучением произношению путем включения в учебники и использования на занятиях по грамматике и лексике необходимых для этого специальных объяснений и упражнений с широким применением фонетической транскрипции.

ПО ПОВОДУ ЯВЛЕНИЯ ОМОНИМИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В процессе изучения иностранного языка учащиеся склонны запоминать новые слова в том значении, в каком они им впервые встретились в связи с определенным контекстом. Так например, изучающим английский язык уже с первых уроков известен предлог till — до. По мере накопления словарного запаса учащийся может обнаружить слово till в ином контексте, с незнакомым ему значением, например, в предложении: land belongs to those who till it (земля принадлежит тем, кто обрабатывает ее). Чтобы предостеречь от возможных затруднений при понимании и переводе слов омонимов, необходимо знакомить изучающих английский язык с явлением омонимии в процессе работы над лексикой по возможности на более ранней стадии обучения языку.

Задача данной статьи показать значимость и широту распространения омонимов в современном английском языке и дать анализ ряда примеров их коллизии.

Каждое слово с лексической точки зрения выступает, как отдельная языковая единица, отличная от других слов. Обычно внешнее различие слов выражает различие их и в значении, однако, во многих языках встречаются слова, которые внешне ничем не отличаются друг от друга, а значения их совершенно разные, например, в русском языке: *ключ*—родник, *ключ*—инструмент. Такие слова называются омонимами.

В недавно вышедшем сборнике «Лексикология английского языка» авторы указывают: «До тех пор, пока различные значения одного и того же слова в современном языке сохраняют между собой семантическую связь и группируются вокруг единого смыслового центра, лишь в большей или меньшей степени отдаляясь от него, можно говорить о различных значениях единого слова; в том случае, если семантическая связь со стержневым и другими значениями в слове утрачена можно говорить о разных словах-омонимах»¹.

¹ «Лексикология английского языка». Под ред. Н. Н. Амосовой, Учпедгиз, 1955, стр. 25.

Среди омонимов различают омографы—т. е. слова, у которых совпадает написание, а произношение не совпадает, например, bow [bau] (кланяться), bow [bou] (лук, смычок), и омофоны, т. е. слова с различным написанием, но с одинаковым произношением, например, key [ki:] (ключ), quay [ki:] (набережная). Встречаются также слова, которые одновременно являются и омографами и омофонами, т. е. имеют одинаковое написание и произношение, например, host (множество, толпа, войско) и host (хозяин). Такие слова называются полными омонимами. Данная классификация принята в советской методической литературе.

Следует, однако, отметить, что эта научная терминология еще не закрепилась. Так например, английский лингвист Бриджз¹ называет омофонами два или несколько слов различного происхождения и значения, имеющих одинаковое произношение при одинаковом или разном написании. Е. Р. Уиллиамс² пользуется одним термином—омонимы, не проводя никаких разграничений.

История развития английского языка показывает, что этот язык особенно сильно подвергался фонетическим изменениям. В связи с постепенной редукцией многих неударных слогов, в нем образовалось значительное количество односложных слов. Лингвистическими исследованиями установлено, что чем больше в языке кратких слов, тем больше случаев омонимии.

Исследуя омонимы английского языка, Е. Р. Уиллиамс отмечает сильное влияние французского языка еще до норманского завоевания и в последующие за ним периоды.

Это влияние осуществлялось через светские круги, судебные инстанции, религию и торговые связи. При тесном языковом контакте новые слова - заимствования иногда вытесняли старые слова того же значения, но имеющие омонимы. Например, слово французского происхождения to cover (закрывать) вытеснило слово heal (в древне-английском языке helap—закрывать), имеющее омофон heel (пята). В современном английском языке остался глагол heal со значением «исцелять», «залечивать».

Возникновение омонимов объясняется разными причинами:

Наиболее частая причина—это совпадение по форме двух или нескольких отдельных слов, которые произошли из разных источников и в процессе исторического развития английского языка слились в одинаковую звуковую форму.

Примером образования полных омонимов по данной причине может служить слово sound в трех его значениях:

а) sound, а (здоровый). Слово германского происхождения соответствует немецкому слову gesund (здоровый).

б) sound, п (звук). Слово восходит к французскому слову son

¹ См. R. Bridges. On English Homophones. SPE Tracts, London Clarendon Press, 1919

² См. E. R. Williams. The Conflict of Homonyms in English. N. Haven, Yale University Press, 1944.

(звук), с последующим присоединением *d* и изменением корневого гласного.

в) *sound*, *n*, *v* (зонд, прибор для измерения глубины). Слово произошло в результате заимствования от французского глагола *sonder* (измерять глубину) и видимо существует историческая связь между этим словом и четвертым значением слова *sound* (узкий, водный проток), имеющимся в германских языках.

Процесс совпадения орфографической формы и звуковой оболочки может происходить также в словарном составе данного языка помимо заимствованных слов. Например, древнеанглийские слова *weod*—(сорняк) и *woed* (одежда) не были омофонами. В XVIII веке при стирании различия среднеанглийского закрытого *e* и открытого *e* указанные слова стали омонимами. Однако, слово *weed* (одежда) утратило широкое применение и стало арханзмом, и в современном языке существует только слово *weed* (сорняк). Также от разных древнеанглийских слов произошли современные омофоны *sail* (парус) (древнеанглийское *segel*) и *sale* (продажа) (древнеанглийское *sala*). К омонимам такого типа можно отнести: *berry* (ягода) и *bury* (хоронить) и многие другие.

Другой причиной возникновения омонимов является утрата связи между значениями одного многозначного слова в процессе развития слов-омонимов по разным направлениям.

Шведский лингвист Стефен Ульман¹ установил прямую первоначальную зависимость таких слов-омофонов: *flower* (цветок) и *flour* (мука). Первоначально слово выражало понятие «пыльца», т. е. тончайшая и совершеннейшая часть растения (*flower*). Это понятие было перенесено на пищевой продукт и стало означать *муку*. В дальнейшем развитие слов пошло по разным направлениям, произошло переосмысление первоначального их значения, появилось различие в их написании, и к настоящему времени грань смысловой зависимости стерлась.

Также, например, во французском языке совершенно не ощущается никакой зависимости между словами омонимами *pas* (шаг) и *pas* (частица-отрицание), например, *pas un pas* (ни шагу), хотя эти омонимы по своему происхождению были когда-то связаны близкими лексическими значениями. В английском языке слова *metal* (металл) и *mettle* (пыл, нрав) оцениваются зарубежными лингвистами как варианты одного и того же слова, но, по их мнению, правописание явилось мощным фактором нарушения исторической связи между этими вариантами. В подтверждение этой ранее существовавшей связи С. Ульман приводит пример из Шекспира, который знал родство этих слов: «See, whether their basest metal be not moved!»². (Трагедия «Юлий Цезарь»).

¹ См. Stephen Ullmann. Words and their use. N. Y. Philosophical Library, 1951.

² Видимо, в данных словах Шекспир употребил слово *mettle* в значении «нрав» («характер»), так как контекст показывает, что о металле, даже метафорически, речи здесь идти не может. Русские переводчики Шекспира не

Процесс переосмысления значений слов происходит в языке непрерывно, и, когда старому слову придается новое значение, связь со старым значением может утратиться. Например, пластинки—диски для граммофонной записи стали называть record (пластинка), хотя раньше слово record означало вообще «запись». Пока это перенос старого значения на новый предмет, но спустя много лет связь значений может нарушиться.

Можно проследить появление слов омонимов при заимствованиях из других языков и переносе значений иностранных слов на понятия родного языка. Как известно, многим техническим устройствам присваивается наименование живых существ по сходству. Так, например, в русском языке «подъемный кран», видимо, является словом, заимствованным из английского языка, где словом crane (журавль) (сравни немецкое Kranich) была названа машина с длинной стрелой для поднятия тяжестей, и данное слово можно считать омонимом слова «кран» в другом контексте «водопроводный кран», где никакой ассоциации с crane (журавлем) нет. (Сравни русское переносное значение: журавль—колодезное устройство с длинным шестом и прикрепленной к нему веревкой с ведром). Такие заимствования в большинстве случаев не отражаются на жизнеспособности исходного слова: птица на английском языке продолжает называться crane, а на русском—журавль, наряду с машиной (crane) или колодезем (журавль). Однако, на примере русского языка нам известны случаи, когда в процессе развития многозначности при переносном значении и постепенной утрате семантической связи с основным значением исходное слово, давшее наименование новому понятию, может «умереть», как это произошло, например, со словом, канитель сохранившемся в русском словарном фонде только в переносном значении¹.

Вопрос о проведении граней между полисемией и омонимией и выявление причин распада полисемии в задаче данной статьи не входят. Здесь следует лишь отметить утрату связи полисемантических слов с основным значением, как одну из причин появления омонимов, наряду с ранее упомянутой причиной, т. е. со случайным совпадением звучаний, а иногда и написаний совершенно раз-

приняли во внимание развитие одного из значений слова в слово—омоним с последующим изменением правописания и перевели эту фразу следующим образом: в издании А. Ф. Маркса, С. — Петербург 1895 г. переводчик А. Л. Соколовский дал совершенно искаженный перевод: «Мы проняли дрянную эту вещь» и в примечании к данному месту пояснил: «В подлиннике «their basest metal»,— т. е. их низкий металл, в смысле ничтожества натуры ремесленников». Такая оговорка не может, конечно, оправдать искажение. В издании 1950 г. Государственного издательства художественной литературы в переводе И. Б. Мандельштама строка переведена весьма вольно: «Так самый твердый властитель металл». Нам кажется, что учитывая историю слов metal—mettle, восклицание римского трибуна Флавия по отношению к ремесленникам следует понимать так: «Смотри, лишь бы их подлый нрав не пробудился!»

¹ Раньше словом канитель называлась очень тонкая металлическая нить для вышивания, а о процессе производства такой нити говорили: «тянуть канитель».

личных по происхождению слов в результате изменения звуковой оболочки и морфологического состава.

Одной из основных причин появления большого количества омонимов в английском языке можно также считать особенность словообразования (словопроизводства) путем конверсии. Например: *rareg, n* (бумага), *rareg, v* (оклеивать обоями)¹.

Перейдем к оценке явления омоимии в английском языке некоторыми современными лингвистами и к примерам коллизии между отдельными словами омонимами.

Р. Бриджз, специально занимавшийся изучением этого явления, упомянутый выше, утверждает, что в английском языке имеется от 1600 до 2000 слов-омофонов. Как доказательство он приводит в своей книге таблицу, состоящую из 700 пар омонимов. Если считать предельный запас слов в разговорной речи образованного человека в Англии от 3000 до 5000 слов, то процент омофонов оказывается очень большим. Р. Бриджз считает, что часть слов омофонов обречена на отмирание, так как они, якобы, создают «неудобство» в языке, как например, глагол *to know* (знать), который в трех формах имеет парные слова-омофоны, а именно, *know—no, knows—nose, knew—new*.

Стефен Ульман считает абсурдным утверждение Бриджза о том, что глаголу *know* (знать) грозит отмирание из-за наличия омофонов, хотя признает возможность появления путаницы в устной речи при наличии такого количества слов с одинаковой звуковой оболочкой. Ульман ограничивает возможную сферу появления двойного понимания слов лишь областью устной речи и считает положительным моментом то, что многие одинаково звучащие слова имеют разное написание. Сравни *piece* (кусок) и *peace* (мир). Отсюда он делает вывод о ценности старой орфографии, так как благодаря сохранению на протяжении столетий старых орфографических норм, возможность путаницы слов омофонов в письменной речи исчезает. По этой причине С. Ульман и другой крупный лингвист Л. Р. Пальмер (L. R. Palmer) выступают против реформы орфографии, так как одинаковое написание слов омонимов (точнее омофонов) сильно усложнило бы понимание письменных текстов.

Действительно, огромное количество примеров показывает, что это опасение обосновано.

Если в устной речи нет разницы в предложениях типа *I saw a pier near the embankment* (я видел пирс (мол) близ набережной) и *I saw a peer near the embankment* (я видел пэра близ набережной), или в сочетаниях слов *his gate* (его ворота) и *his gait* (его походка), то в письменной речи разница смысла этих высказываний ясна.

¹ Подробнее об этом см. Сборник «Некоторые вопросы усвоения грамматики иностранного языка», изд. АОН при ЦК КПСС, 1957.

Лингвисты, исследовавшие вопрос об омонимах, считают, что несмотря на орфографические различия слова омонимы находятся в постоянной борьбе, в которой более незаменимое слово одерживает победу и закрепляется в словарном составе, а другое постепенно вытесняется. При появлении слов омонимов в разных языках наблюдается иногда стремление как-то оттенить омоним во избежание двоякого смысла. Так к французскому слову *potte* (яблоко) присоединилось выражение *de terre* (земли) для обозначения понятия *potte de terre* (картофель). Два английских прилагательных омонима *light* (светлый) и *light* (легкий) приобрели уточняющие их придатки *light — coloured* (светлый) (антоним *dark* — темный) и *light — weight* (легкий) (антоним *heavy* — тяжелый). Иначе из предложения типа «*he put on a light gray coat*» было бы неясно, какое пальто он одел, так как можно дать двоякий перевод прилагательного омонима *light* «он одел светлое серое пальто» и «он одел легкое серое пальто». Или возьмем пример из художественной литературы: Фразу *She admired the fashionable negligence of his suit of smooth, light cloth* (Cronin) можно перевести двояко: «Она восхищалась модным, свободным покроем его костюма из мягкого, светлого материала», или «... из мягкого, легкого материала».

Процесс коллизии омонимов обостряется и усугубляется тем, что иногда омонимы обозначают понятия одной категории или относящиеся к одной сфере деятельности.

В связи с этим С. Ульман упоминает, что в одном из диалектов Франции существовали одинаковые слова для обозначения понятий «петух» и «кот», что в условиях крестьянского хозяйства было очень неудобно и привело к замене одного из слов новым, отличным от другого словом.

Иногда омонимы относятся к понятиям, смешение которых может быть весьма неудобным. Например, два английских слова омофона относятся к понятиям, связанным с женщинами: *queen* — (королева) и *quean* (распутница). Поскольку подобное сходство давало в устной речи повод к двусмысленности, то второй омоним *quean* вытеснен в литературе теперь почти повсеместно словом *hussy* (распутница). Такие омонимы, ведущие к нежелательным ассоциациям, особенно подвержены опасности исключения из словарного состава, как сейчас это происходит в Америке со словом *ass* (осёл), которое постепенно заменяется словом *donkey*. Возможно, что в дальнейшем замена будет угрожать и слову *blessed* в одном из приобретённых им значений, так как сейчас оно одновременно означает «благословенный» и «проклятый».

В вышеупомянутой книге С. Ульмана «Слова и их употребление» приведён пример вытеснения из словарного состава английского языка слова *peag* в значении «почка» (орган), так как при употреблении с неопределённым артиклем *a peag* оно являлось омонимом к слову, также обозначающему орган тела — *an ear* — (ухо), что было весьма неудобно для обиходного языка, где два

органа не должны называться одинаково. В современном языке понятие «почка» обозначается словом kidney.

Английский лексиколог Дж. Ор (J. Orr) считает, что постепенная замена глагола flee глаголом fly (летать) происходила вследствие наличия омонима flea (блоха).

Отмечается также коллизия слов gate (вход, ворота) и старого слова gate (улица). В результате борьбы слово gate в значении «улица» было вытеснено. Возьмём другой пример: в староанглийском языке было два глагола let сначала с небольшими различиями в форме, а затем с полным совпадением форм в одну с противоположными значениями «разрешать» и «препятствовать». В результате коллизии одно из значений, а именно, «препятствовать» исчезло, сохранившись лишь как имя существительное во фразеологическом обороте «without let or hindrance (беспрепятственно).

Анализируя омонимы, С. Ульман приходит к выводу, что некоторые из парных слов-омонимов эмоционально окрашены. Так, можно проследить общность звука и значения в глаголе to ring (звенеть, звонить), который в сочетании своих согласных передаёт звук звонка, тогда как существительное ring—(кольцо) не имеет эмоциональной окраски, потому что ничего общего между его звучанием и значением нет.

Работы зарубежных лингвистов содержат богатый иллюстративный материал, относящийся к выявлению и учету омонимов, а также к вопросам их коллизии.

Однако, многие такие работы грешат тем, что в них не показано взаимоотношение исследуемых слов во всей системе языковых явлений. Например, Бриджз делает вывод, как указывалось выше, о возможном исчезновении глагола know (знать) в результате воздействия слов-омофонов, но он не учитывает при этом всей сложности системы языка. Его опасения в отношении судьбы этого глагола неверны и опровергаются во-первых, тем, что омонимичные формы глагола know совпадают со словами, относящимися к другим частям речи, а по законам синтаксических связей в английском языке никакого смещения значения глагола, прилагательного, существительного, наречия быть не может. Во-вторых, совпадение звучаний имеется не во всей парадигме глагола know (формы know, knowing, а также производные слова никаких омофонов не имеют), т. е. вышеприведенные примеры омонимов глагола know относятся к явлению, называемому в советском языкознании частичной омонимией. Взяв любые примеры, можно доказать, что не может получиться двойственного смысла в предложениях типа: Two noes make a yes — (два отрицания равны утверждению); the boy's nose was snub — (нос у мальчика был курносый); he knows it (он знает это); she knew my brother (она знала моего брата); his new suit was brown (его новый костюм был коричневый) и т. д.

Аналогичных случаев немало в английском языке. Например,

можно подобрать не меньшее число омонимов также и к глаголу see (видеть), в ряде его форм: see и sea — море; sees — видит, и seize — хватать; saw — видел и saw — пила; seep — увиденный и scene — сцена.

Из наблюдения над словарным составом английского языка можно сделать вывод, что не может быть коллизии между омонимами, относящимися к разным частям речи, поскольку распространенным способом словообразования и одной из характерных особенностей английского языка является конверсия, т. е. образование слова без словообразовательных аффиксов, например: further — (дальше), to further (продвигать, способствовать) или father — (отец), to father — (производить) и т. д.¹ Если бы подобное явление тормозило языковое развитие и вызывало бы смешение значений производных слов-омонимов, оно не могло бы так широко распространиться в современном языке.

Что касается омонимов внутри одной и той же части речи, то здесь, как было показано выше, двойственность смысла может иметь место, но говорить о развитии или постепенном исчезновении того или иного слова можно только на основе анализа этого слова в системе языка. Утрата одного из слов омонимов может произойти в пределах одной и той же части речи, если у омонима есть пригодный для замены его синоним, причем прежде всего обречены на исчезновение из словарного состава слова, не имеющие производных. В статье Т. А. Дегтерева «Системный анализ языковых явлений»¹ подробно исследуются на примерах омонимов русского и других языков интересные случаи проявления системности языка, показана устойчивость корневых слов, богатых производными, утрата многозначности некоторых слов, вследствие наличия обширной синонимии и перечисляются средства деомонимизации.

В статье подчеркивается, что в языке существует тенденция к повышению коммуникативной четкости языковых единиц, приводящая разными путями в разных языках, в зависимости от их системы, к процессу деомонимизации или к полной утрате омонимов.

Метод системного анализа применим также и к явлению омонимии в английском языке. Только при изучении истории английских омонимов во взаимодействии с другими семантическими и грамматическими явлениями можно дать правильное заключение об устойчивости или возможности отмирания тех или иных слов в процессе развития языка.

Системную обусловленность судьбы каждого омонима можно проиллюстрировать анализом любой пары из приведенных выше омонимов, например queep и queap. Пока Англия остается королевством, понятие «королева» требует четкого словесного оформления. Но, несмотря на то, что слово queep ослабляется своим омонимом со столь неприятной эмоциональной окраской, оно не

¹ См. Ученые записки 1-го МГПИИЯ, том VII, Москва 1955, стр. 5—18.

может выйти из употребления, так как английский язык не располагает синонимичной заменой для него. Поэтому, вытеснению из языкового употребления подвергается второй член омонимичной пары, а именно слово *queen*, которое будучи словом оценочного характера, легко заменяется в процессе речи другими словами как общепринятого так и индивидуального словоупотребления. Эта замена облегчается еще и тем; что слово *queen* не имеет производных, тогда как слово *queen* находит поддержку в глаголе *to queen* (пройти в королевы) — термин шахматной игры и в имени прилагательном *queenly* — (подобающий королеве).

Покажем на примере, как наличие омонима к одному из слов синонимической группы может повлиять на жизнеспособность этого слова. В английском языке имеется ряд слов для обозначения понятия «дорога», а именно: *way*, *road*, *path*, *route*, *alley*, *track* *avenue* и ряд других с разной стилистической окраской. Первые три слова омонимичных пар не имеют, если не считать частичного омонима *road* — прошедшее время глагола *ride* (ехать верхом). Этот частичный омоним не может вступить в коллизию с существительным *road*. Кроме того, первые три слова образуют ряд производных, такие как *wayfarer* (путник), *away* (далеко, прочь); *wayside* (обочина); *wayward* (своеравный); *highway* (шоссе); *byway*; (проселок); (*higroad*, *byroad* в тех же значениях, как *highway*, *byway*); *roadway* (мостовая, проезжая часть дороги); *roadside* (край дороги); *roadster* (путешественник, буквально — ходок по дорогам); *pathfinder* (следопыт); *pathless* (непроходимый); *pathway* (тропинка) и многие другие производные слова, привести которые в данной статье не представляется возможным. Как видно, слова основы *way*, *road*, *path* весьма продуктивны, каждое из них образует группу производных слов. Что касается слова, заимствованного с французского, *route* (дорога), то оно не установило прочных связей в языке путем образования производных. Оно продолжает существовать в языке главным образом в сочетании *trade route* (торговый путь). Можно предположить, что слово *route* ослабляется своим омонимом *root* (корень, подножие). В предложениях типа: «let us go to the mountain route» или «to the mountain root» в устной речи ощущается коммуникативная нечеткость. («Пойдемте к горной дороге» или «пойдемте к подножию горы»). Второй член пары омонимов *route* — *root* не может быть вытеснен из языка, так как нет другого слова, обозначающего понятие «корень». Кроме того слово *root* имеет прочные языковые связи, т. е. образует по конверсии глагол *to root* (укореняться) и производные: *-to uproot* (вырывать с корнем); *rootlet* (корешок), *rooty* (усеянный корнями).

Можно показать, как язык находит средство создать коммуникативную четкость (в данном случае посредством, хотя бы прилагательного) при наличии таких пар существительных омонимов как *ash* — ясень и *ash* — пепел. В первом случае производным прилагательным будет *ashen* (ясеневый), а для второго члена

омонимичной пары *ashy* (пепельный) (при помощи суффикса *y*).

Иногда одно из слов в паре омонимов вытесняется словосочетанием или сложным словом, что можно проиллюстрировать примером: *flow* (поток); *floe* (льдина, ледяное поле). Слово *floe* заимствовано из норвежского языка (*flo* — слой). Оба слова обозначают понятия довольно близкие. О них одновременно может идти речь, например, в мореходстве, и для большей четкости речи пловучий лед (ледяное поле) обозначается словами *floating ice*, *icefield*.

В заключение статьи нам хотелось бы еще раз подчеркнуть, что вопрос о положительной или отрицательной роли омонимов в языке не может быть решен в отрыве от системы языка в целом. Если омонимы не нарушают коммуникативной четкости высказывания, то они могут сосуществовать в языке длительное время. Если же коммуникативная четкость нарушается, то язык стремится восстановить равновесие своих единиц внутренними путями, то ли через более частое употребление синонимов, ведущее в конечном итоге к вытеснению омонима, то ли через создание разницы в акценте (*'permit* — пропуск, *per'mit* — позволять; *'concrete* — конкретный, *con'crete* — бетон), то ли какими либо другими средствами. Какой именно путь избирается в том или ином случае, это определяется конкретными системными соотношениями в языке.

О ПРИНЦИПАХ КЛАССИФИКАЦИИ ОМОНИМОВ

В языкознании прочно утверждается взгляд на язык как систему. Системный характер языка вытекает из самой функции языка быть средством общения. Ведь если бы языковые явления не представляли собой систему, а были хаотическим скоплением разрозненных, не связанных друг с другом фактов, общение на таком языке стало бы невозможным. Но системный характер языка проявляется по-разному в разных областях языка. Если фонология может гордиться результатами, достигнутыми на пути исследования структурной целостности фонологической системы различных языков, если грамматисты, следуя по тому же пути в своей области, добиваются значительных успехов, то показать системный характер словаря — намного труднее. Эта трудность объясняется прежде всего обилием материала, который необходимо исследовать. Фонология оперирует несколькими десятками фонем, грамматика исследует 100—200 форм, в которых проявляется 20—30 грамматических категорий; задача же лексикологии объяснить взаимодействие тысяч и сотен тысяч слов, выражающих миллионы человеческих понятий. Вот основная причина того, что исследования системного характера словарного состава языка не дают до сих пор достаточно ощутимых результатов.

Тем не менее, сам факт системного характера словаря становится все более очевидным. Уже в настоящее время в лексической системе языка удалось выявить целые группы слов, объединенных по какому-либо общему признаку: по значению (синонимы, антонимы), по происхождению (слова «исконные» и заимствованные), по степени и сфере употребления (стилистическая классификация словаря), по сочетаемости и т. д.

По признаку общности звуковой формы в словарном составе языка выделяются омонимы, представляющие особую систему или, лучше сказать, множество маленьких систем внутри общей лексической системы языка.

Что такое омонимы? Омонимы традиционно определяются как слова, одинаковые по звучанию, но различные по значению; рус-

ские *брак* — плохая работа и *брак* — супружество, немецкие *Lied* — песня и *Lid* — веко, французские *pi* — голый и *pie* — об-лако, английские *fair* — «красивый, справедливый» и *fair* — ярмарка¹. Для того, чтобы отличить омонимию от полисемии, иногда указы-вают на то, что омонимы должны иметь совершенно различные значения². Впрочем, последнее замечание справедливо лишь с из-вестной оговоркой, а именно: что под значением следует понимать не только лексическое, но и грамматическое значение слова. Не делая такой оговорки, авторы пособия «Лексикология английского языка» дают следующее определение омонимов: «Омонимами на-зываются слова, имеющие одинаковую форму, но не имеющие ни-чего общего друг с другом по значению»³, а буквально через стра-ницу приходят в противоречие с этим определением, называя омо-нимами слова *work* (работа) и *to work* (работать), которые явно имеют «что-то» общее друг с другом по значению.

К разряду омонимов обычно также относят не только слова в совокупности всех своих форм, но и отдельные словоформы раз-ных слов. Некоторые западные лингвисты, стремясь к большей точности определений, определяют омонимы, не употребляя тер-мина «слово». (Впрочем, для многих современных зарубежных лингвистов, для структуралистов — в особенности, характерна тен-денция заменять старые термины новыми). Так например, Балли, дает следующее определение омонимов: «Омонимами называются два знака, имеющие тождественные означающие и различные оз-начаемые»⁴. Под данное определение можно подвести даже слу-чай употребления слова, различающиеся лишь контекстуальным значением; таким образом, устраняется граница между омонимией и полисемией. Это обстоятельство делает определение Балли практически непригодным.

Шире и полнее всего можно определить омонимы как любые отрезки речи с одинаковым звучанием, но совершенно разным значением. Под такое определение омонимов подошли бы и слу-чай омонимии морфем (корней, аффиксов и т. д.) и случаи омони-мии сочетаний слов⁵. Однако, такое широкое определение, факти-чески правильное, практически нецелесообразно, так как оно за-

¹ См. А. А. Реформатский. Введение в языковедение, 1955, стр. 56: «Омонимы — это разные слова, имеющие одинаковый звуковой состав».

² См. Л. А. Булаховский. Введение в языковедение, ч. II, 1953, стр. 46.

³ Е. Ф. Ворно, М. А. Кашеева, Е. В. Малишевская, И. А. По-тапова (под ред. Н. П. Амосовой). Лексикология английского языка, 1955, стр. 24—26.

⁴ Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка, 1955, стр. 189.

⁵ Фактически на такой точке зрения стоит профессор Галкина-Федорук, которая хотя и определяет омоформы как слова, совпадающие по звучанию лишь в части форм, тем не менее в качестве примера «каламбура из омо-форм» (!) приводит стихи Минаева:

Область рифм моя стихия,

темняет тот факт, что основной единицей словаря, основным объектом лексикологии является слово. Неслучайно, вышеприведенное определение по существу близко к определению Блумфилда: «Различные языковые формы, которые имеют одну и ту же фонетическую форму (и поэтому различаются только своим значением) называются омонимами», который фактически растворяет понятие «слово» в понятии «морфема» (между тем, в качестве примеров омонимов Блумфилд дает именно слова, а не морфемы).

Это не значит, что такое широкое определение омонимов совсем лишено смысла. Явления, охватываемые этим определением, можно называть не омонимами, а омонимичными морфемами, омонимичными словосочетаниями и т. д. Особенно важны омонимичные сочетания в изучении французского языка, где отсутствуют резкие фонетические границы слова, а следовательно, большую роль приобретают сочетания слов. «Тогда как во французском языке les zones и les aunes произносятся совершенно одинаково [lezð:n], английский язык может различать a name [э'пэме] и [an aim] [эп'ейм]», пишет Пасси². Этим объясняется чрезвычайная легкость образования каламбуров во французском языке. Так игра слов в каламбуре:

Quel est le roi le plus manchot?
C'est le roi du Népaule.
(Какой король больше всех разиня?
Король Непала).

основана на омонимии сочетаний — du Népaule (Непала) и d'une épaule (об одном плече). «Французский язык — по преимуществу язык каламбуров»³.

В данной статье мы будем придерживаться следующего рабочего определения омонимов:

Омонимами называются слова и словоформы одинакового звучания, но совершенно разного значения (понимая под значением не только лексическое, но и грамматическое значение).

Омонимы объединяются в омонимические группы, каждая из которых может состоять из двух или более омонимов. Так в английской омонимической группе с произношением [po:t] насчитывается семь омонимов следующих значений: 1) порт, гавань, 2) портвейн, 3) иллюминатор, амбразура, 4) держать оружие по-

И легко пишу стихи я;
Без раздумья, без отсрочки
Я к строке бегу от строчки,
Даже к финским скалам бурным
Обращаюсь с каламбуром...

т. е. именно омонимичные сочетания слов (См. Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык, 1957, стр. 61).

¹ L. Bloomfield. Language, N. Y. 1933, p. 145.

² P. Passy. Petite phonétique comparée. Leipzig, 1922, p. 22.

³ Ibid.

диагонали перед собой, 5) осанка, 6) левый борт, 7) поворачивать налево.

Каждая омонимическая группа представляет собой маленькую систему в языке. Слова-омонимы, входящие в такую систему, определенным образом связаны друг с другом. Значения одного из этих омонимов до какой-то степени зависят от изменений значений другого омонима. В результате семантического развития близких по значению омонимов, один из них может войти в состав значений другого, т. е. два омонима сольются в одно слово. В других случаях столкновение значений омонимов может привести к тому, что один из этих омонимов исчезнет из языка¹. Одним словом, омонимическая группа характеризуется многообразными связями между входящими в эту группу омонимами.

Необходимо, однако, перейти к непосредственно интересующему нас вопросу: Каковы принципы классификации омонимов?

В основу классификации тех или иных явлений может быть положен один или несколько признаков. Самыми простыми являются классификации по одному признаку (например, деление имен существительных на собственные и нарицательные). Две классификации одних и тех же явлений, но по разным признакам, в совокупности образуют сложную классификацию — классификацию по двум признакам (так гласные звуки русского языка можно с успехом классифицировать по двум признакам — по ряду и подъему). Если классификацию по одному признаку графически можно представить в виде вертикальной колонки, то классификацию по двум признакам удобнее отобразить в таблице: те или иные явления занимают здесь определенное место на пересечении вертикальных и горизонтальных рядов. Еще более сложными являются классификации по трем и более признакам (самая распространенная классификация согласных составлена по трем признакам: месту образования, способу образования и наличию или отсутствию голоса)². Вопрос заключается лишь в том, чтобы пра-

¹ Проблема так называемого «конфликта омонимов» имеет обширную литературу. Достаточно сослаться на работы Жильерона, Доза, Вильямс, Оманна, Меннера. Однако, до сих пор нет ясного представления о том, насколько значительна роль конфликта омонимов в исчезновении или сохранении отдельных слов. Следует помнить о том, что несмотря на «конфликт омонимов» число омонимов продолжает расти. Так если в древнеанглийском языке омонимы составляли 3 процента всего словаря то в современном английском языке: по самым грубым подсчетам они составляют 8—9 процентов. (Речь идет только о лексических омонимах.)

² Эти замечания могут показаться избыточными и ненужными, однако на самом деле они полезны, так как во многих случаях в классификации омонимов все еще царят путаница и неясность. Именно неясность принципов классификации позволяет Реформатскому рассматривать омонимы *печь* (глагол) и *печь* (существительное) в разделе омоформ, а омонимы *зло* (существительное) и *зло* (наречие) в разделе собственно омонимов (конверсия), хотя эти две пары омонимов принципиально не отличаются друг от друга.

вильно выбрать признаки классификации и приложить мерку того или иного признака ко всем классифицируемым явлениям.

Само определение понятия «омоним» должно указать нам пути, по которым следует идти при решении этой проблемы. В вышеприведенном рабочем определении омонимов можно выделить три основных, конституирующих признака омонимов:

- 1) общность звучания (или шире — общность формы),
- 2) различие значения (или шире — содержания)¹,
- 3) отнесение омонимов к словам или к словоформам.

Классификации, построенные согласно этим признакам, и будут наиболее важными, наиболее существенными.

Предлагаемая в настоящей статье классификация омонимов в значительной своей части базируется на соображениях А. И. Смирницкого, высказанных им в статье «Некоторые замечания по английской омонимике» («Иностранные языки в школе», № 5, 1948 г.). Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы несколько подробнее рассмотреть возможности применения классификации А. И. Смирницкого, не только на материале английского, но и русского, немецкого, французского языков. Естественно, что расширение лингвистического материала вызвало необходимость некоторого расширения и модификаций классификации А. И. Смирницкого. Кроме того, некоторые детали потребовали более четкого изложения. Отсутствие в дальнейшем ссылок на работу А. И. Смирницкого не означает, конечно, что она недостаточно использовалась. Наоборот, все основные мысли, излагаемые здесь, обязаны своим появлением именно работе А. И. Смирницкого.

Обратимся к первому признаку. Некоторые авторы в понятие формы включают не только звучание, но и написание. (См. например, определение омонимов из «Лексикологии английского языка», уже приводившееся на страницах настоящей статьи). В таком случае классификация омонимов предстает в следующем виде: 1) полные омонимы — слова, разные по значению, но совпадающие по написанию и произношению: русские *град* — город и *град* — метеорологическое явление, немецкие *Neske* — изгородь и *Neske* — выводок, французские *Pupille* — воспитанник и *Pupille* — зрачок, английские *mite* — полушка и *mite* — клещ; 2) частичные омонимы, включающие омофоны — слова, совпадающие по звучанию но различающиеся в написании: русские *рог* и *рок*, немецкие *Meer* (море) и *mehr* (больше), французские *ru* (ручей) и *ru* (улица), английские *to pray* (молиться) и *prey* (добыча); и *омографы* — слова, совпадающие в написании, но звучащие по-разному: русские *дорога* и *дорога́* французские *est* — есть и *EST* — восток английские *tear* — слеза и *to tear* — рвать. Именно эта классификация обычно приводится в практических учебниках языка, поскольку

¹ Само собой разумеется, что слова «форма», «содержание» употребляются в настоящей статье отнюдь не в их философском смысле.

ку она удобна в преподавании. Однако, с научной точки зрения такая классификация неубедительна, так как неубедительна сама основа классификации—взгляд на форму слова как на соединение звучания и написания. Дело в том, что письмо—явление вторичное по отношению к звуковому языку. Несмотря на то, что с изобретением печатного станка, с появлением газет, всеобщего школьного обучения письмо играет все большую роль, основным остается все-таки звуковой язык (кино, радио, телевизор еще больше укрепляют его). Далее, если форма слова включает в себя звучание и написание, а без одного из этих компонентов форма не является полной, то как быть с бесписьменными языками? Значит ли это, что в бесписьменных языках форма дефектна, а следовательно, что в них могут существовать только частичные омонимы? Очевидно, нет. Итак, признавая всю важность написания слова, его следует все же считать вторичным по отношению к звучанию слова, чем-то внешним по отношению к форме слова (т. е. его звучанию). Таким образом, омофоны включаются в число омонимов, поскольку они совпадают по звучанию, написание же слова в данном случае является несущественным¹. Что же касается омографов, то их ни в коем случае нельзя считать омонимами, так как они совпадают по написанию, а не по звучанию.

Как же можно классифицировать омонимы согласно первому признаку—общности формы (-звучания)? Представляется возможным разделить все омонимы на две большие группы: фонематические и фонетические. У фонематических омонимов состав фонем одного слова полностью совпадает с фонемным составом другого слова: ² русские *бур*—в технике и *бур*—потомок голландских колонистов в Южной Африке, немецкие *Heuer*—косарь и *Heuer*—фрахт, французские *Puis*—затем и *Puits*—колодец, английские *Plane*—самолет и *Plane*—чинар. Большинство омонимов относится к этой группе.

Фонетические омонимы представляют полное тождество друг с другом с акустически-артикуляторной (фонетической) точки зрения, однако, при фонологическом анализе наружу выступает различие фонемного состава этих омонимов. Теоретически такое положение возможно лишь в одном случае—при существовании слабой позиции, в которой дифференциальные признаки двух или более фонем исчезают, противопоставление этих фонем нейтрализуется. В качестве примера можно привести русские слова, оканчивающиеся на шумный согласный. Законы русского произноше-

¹ Собственно, термин «омофон», согласно своему этимологическому значению, более удобен, чем термин «омоним», поскольку первый ясно указывает на существенный признак явления. Однако, термин «омоним» настолько прочно укрепился в языкознании, что его трудно было бы заменить.

² Разумеется, кроме совпадения фонемного состава необходимо полное тождество звучания двух слов. Слова, имеющие одинаковый состав фонем, но различные в артикуляторно-акустическом отношении (типа русских *замок* и *замок*, английских *présent* и *présent*) омонимами не являются.

ния не допускают звонкого шумного согласного в абсолютном исходе, также не допускается звонкий шумный согласный перед глухим согласным, наоборот, глухой согласный переходит в звонкий при слитном произношении с последующим звонким шумным (кроме *B*). Такое положение шумного согласного является слабой позицией для противопоставления фонем по глухости и звонкости. В результате нейтрализации этого противопоставления возможно образование фонетических омонимов: сравни *маг* и *мак*, *род* и *рот*, *гриб* и *грипп* и т. д. В результате нейтрализации противопоставления некоторых гласных фонем в безударном положении образуются фонетические омонимы—*волы* и *валы*, *лиса* и *леса* (множественное число слова *лес*), *века* (родительный падеж от *век*) и *веко*. Характерной чертой многих фонетических омонимов является их зависимость от фонетического окружения, от темпа и стиля речи и т. д. При известных условиях возможно противопоставить фонемы даже в слабой позиции, подчеркивая их произношение. Так фонетические омонимы *алеем* и *алеям* в медленной аффецированной речи могут различаться.

Примерами фонетических омонимов в немецком языке могут служить слова: *Bund* (союз) и *bunt* (пестрый), *fund* (нашел) и *Fant* (фат, хлыщ), *riet* (советовал) и *Ried* (камыш) и др.

Очевидно, к фонетическим омонимам следует отнести английские омонимы типа *raw* (лапа) и *pour* (лить), *raw* (сырой) и *roar* (реветь), *saw* (пила) и *sore* (больной) и т. п. При определенных условиях (перед гласным следующего слова) на конце слов, имеющих в орфографии *г*, звучит *г*. Такие же фонетические омонимы мы находим во французском языке: *si* (так) и *six* (шесть), *sans* (без) и *sang* (кровь). Изменение фонетического положения слова (наличие начального гласного в следующем слове) вызывает появление конечного согласного, который в других условиях обычно не произносится (явление *liaison*).

Впрочем, объяснение английских и французских примеров вызывает известные трудности. Может быть в данном случае следует говорить не о варианте согласной фонемы в конце слова, а о чередовании согласной фонемы с отсутствием звука. Во всяком случае, у этих омонимов есть что-то общее с фонетическими омонимами—известная зависимость от фонетического окружения, от стиля речи (так *liaison* появляется чаще, в торжественной речи в декламации), что совершенно не характерно для фонематических омонимов.

По признаку различия в значении все омонимы делятся на три неравные группы. Прежде всего, выделяются *лексические омонимы*, т. е. омонимы, различающиеся только лексическим значением, при полном совпадении грамматического значения однозвучных форм: русские *горн* (в кузнице) и *горн* (музыкальный инструмент) *дог* (собака), и *док* (в гавани) — грамматическое значение одно и то же — именительный падеж единственного числа, *жать* (1 лицо, единственного числа—*жму*) и *жать* (1 лицо единственно-

до числа *жну*)—и то, и другое—форма инфинитива; немецкие *Star* (скворец) и *Star* (бельмо), *Bauer* (крестьянин), *Bauer* (строитель) и *Bauer* (клетка)—формы именительного падежа единственного числа, *reifen* (созревать) и *reifen* (набивать обручи)—формы инфинитива; французские *laser* (зашнуровывать) и *lasser*—(утомлять) — формы инфинитива, *port* (порт), *port* (ношение) — формы существительных; английские *oar* (весло) и *ore* (руда), *bill* (алебарда) и *bill* (билль)—формы общего падежа, *to meet* (встречать) и *to mete* (мерить)—формы инфинитива.

Прямую противоположность лексическим омонимам представляют собой *грамматические* омонимы, т. е. омонимы, различающиеся только своим грамматическим значением, но абсолютно тождественные по своему лексическому значению (следовательно, грамматические формы одного и того же слова); русские *березы* (родительный падеж, единственного числа и именительный падеж множественного числа), *нас* (родительный винительный и предложный падеж); немецкие *Tage* (именительный, родительный, винительный падеж множественного числа), *Frau* (формы единственного числа); французские *frère* (единственное число) и *frères* (множественное число), *riche* (мужской и женский род прилагательного), *parle* (1 лицо единственного числа), *parles* (2 лицо единственного числа), и *parlent* (3 лицо множественного числа).

Между этими двумя крайними типами располагаются все остальные омонимы, которые можно условно назвать *лексикограмматическими*. Любая пара лексико-грамматических омонимов обнаруживает различие, большее или меньшее, как в лексическом, так и в грамматическом значении.

Необходимо подробнее рассматривать каждый из этих трех типов.

Основная задача, которую необходимо решить в отношении лексических омонимов, состоит в том, чтобы найти критерии различения омонимии и полисемии. Решить эту проблему, в настоящей статье не представляется возможным. Слишком слабо еще изучены сложные вопросы полисемии, взаимодействия отдельных значений слова и т. п. Обычно указывают на то, что значения одного слова как-то связаны друг с другом, тогда как значения омонимов совершенно не связаны друг с другом. Но что такое связь значений, в чем она заключается—неизвестно. Отсюда расхождения в практической работе, в составлении словарей. Так например, английские слова *ear* (ухо) и *ear* (колос) единоголасно признаются омонимами всеми словарями, согласно же мнению Л. Блумфилда значение «колос» является маргинальным значением слова *ear* (ухо), т. е. в сознании людей эти два значения каким-то образом связываются. Может быть, провести четкую границу между омонимией и полисемией невозможно, (исторически у одних и тех же слов эта граница может меняться), в таком случае задача заключается в том, чтобы выделить лишь крайние типы—несомненно случаи омонимии и несомненно случаи полисемии, для практической же работы—принять какое-то условное решение.

Определить разницу в грамматическом значении двух омонимичных форм часто не менее трудно, чем определить отличие полисемии от омонимии. В этом случае можно также говорить о грамматической полисемии и грамматической омонимии. Грамматическое значение некоторых грамматических форм очень широко (например, значение русского родительного падежа, или чрезвычайно широкое значение английского общего падежа). Какие у нас имеются основания утверждать, что в данных случаях наблюдается не звуковое совпадение разных грамматических форм, а одна форма? На помощь приходят формальные признаки. Для того, чтобы утверждать, что два грамматических значения представляют две грамматические омоформы, а не являются вариантами значения одной грамматической формы, в языке должно существовать хотя бы одно слово, у которого эти два значения передаются разными звуковыми формами. Например, различие числа в прошедшем времени у английского глагола *to be* (*was* и *were*) заставляет нас признать наличие омоформ числа в прошедшем времени у всех других глаголов. «Существование хотя бы одной передифференцированной парадигмы предполагает омонимию в регулярных парадигмах», пишет Блумфилд¹. Возможно, такое утверждение слишком категорично. Так у нас очевидно нет оснований признавать омоформы лица в прошедшем времени английских глаголов только на основании различий в употреблении глаголов *should* и *would* для образования *Future in the Past*. В данном случае доказательства существования омоформ лица слишком слабы. Напротив, в вышеприведенном примере—различение числа в прошедшем времени глагола *to be* говорит о том, что в английском языке категория числа распространяется и на прошедшее время глагола, ведь посредством глагола *to be* категория числа положительно выражается и в прошедшем времени длительного вида, и в прошедшем времени страдательного залога, т. е. так или иначе охватывает все глаголы языка, а не связана исключительно с глаголом *to be*.

Следуя Е. И. Шендельс², можно выделить в грамматической омонимии случаи внешней грамматической омонимии, т. е. омоформы, входящие в парадигмы разных грамматических категорий слова, и случаи *внутренней* грамматической омонимии, т. е. омоформы в пределах одной грамматической категории. Примерами внешней грамматической омонимии могут служить омоформы: русское *белым* (с одной стороны, форма творительного падежа единственного числа мужского и среднего рода, с другой—форма дательного падежа множественного числа), здесь разница заключается не в одной грамматической категории, а в трех: падеже, числе, роде; немецкие, (*er*) *arbeitet* (он работает) и *arbeitet!* (работайте!), где разница заключается в грамматическом значении

¹ L. Bloomfield, *Language*, N. Y., 1933, p. 224

² См. Е. И. Шендельс. О грамматической омонимии. «Иностранные языки в школе» № 6, 1955 г., стр. 16.

лица, числа и наклонения; французские *parler* (говорить) и *parlez* (вы говорите), где разница состоит в грамматическом значении числа, лица и наклонения (отсутствие этих значений в первой форме); английские *(he) were* (он был бы) и *(we) were* (мы были), где разница заключается в грамматическом значении числа и наклонения.

Примеры внутренней грамматической омонимии: русское *тебе* (дательный и предложный падежи), немецкое *Vätern* (родительный, дательный, винительный падежи единственного числа), французское *parle* (1 и 3 лицо единственного числа); английское *sheer* (единственное и множественное число). При внутренней грамматической омонимии омоформы различаются лишь в пределах одной грамматической категории (падежа или числа, или лица и т. д.).

Среди лексико-грамматических омонимов прежде всего можно выделить простые лексико-грамматические омонимы, т. е. омонимы, принадлежащие к одной и той же части речи: русские *граф* (именительный падеж единственного числа) и *граф* (родительный падеж множественного числа слова *граф*), *вина* (именительный падеж единственного числа) и *вина* (родительный падеж единственного числа слова *вино*); немецкие *Granate* (гранаты-самоцветные камни) и *Granate* (граната—оружие, гранат—фрукт), *Muske*—слабые звуки—(множественное число) и *Muske*—каприз (единственное число); французские *(je) vue* (мою в щелочке) и *(je) bus* (я пил), *(je) tue* (убиваю) и *(je) tus* (скрыл); английские *maze*—лабиринт (общий падеж) и *May's*—мая (притяжательный падеж), *to fell* (валить) и *fell* (упал).

Лексико-грамматические омонимы, относящиеся к разным частям речи называются сложными лексико-грамматическими омонимиями: русские *дам* (1 лицо единственного числа будущего времени), и *дам* (родительный падеж множественного числа существительного *дама*), *весел* (краткое прилагательное) и *весил* (прошедшее время глагола); немецкие *Vask* (бак—на корабле) и *vask!*—(пеки! — повелительное наклонение глагола), *fiel*—упал (прошедшее время глагола) и *viel*—много (наречие); французские *(ils) sont*—(они) суть (3 лицо множественного числа глагола), *son*—звук (существительное) и *son*—свой (местоимение); английские *to bear*—нести (глагол), *bear*—медведь (существительное) и *bare*—голый (прилагательное), *must*—должен (глагол) и *must*—суло (существительное).

Тип лексико-грамматических омонимов не представляет собой систему однородных явлений. У различных пар лексико-грамматических омонимов на первый план выступает то различие лексического значения, то различие в значении грамматическом. Необходимо остановиться на некоторых подразделениях этого типа омонимов.

Промежуточное положение между лексико-грамматическими и лексическими омонимиями занимают родовые омонимы. Их выделение в особую группу основывается на том, что категория рода

существительных несколько отличается от остальных грамматических категорий. Категория рода существительных является категорией лексико-грамматической: с одной стороны, она указывает на отнесенность слова к тому или иному классу существительных (т. е. является лексической категорией), с другой стороны, она связана с категорией рода у прилагательных и местоимений (где категория рода—чисто грамматическая категория). Эта двойственность категории рода и заставляет выделить родовые омонимы, т. е. омонимы, совпадающие во всех грамматических значениях, кроме грамматического значения рода. Это различие может проявляться при помощи чистограмматических, формальных (не лексических) средств—формы прилагательного, местоимения, артикля¹. Примеры родовых омонимов: русские *туш* и *тушь* (но: *красная тушь*; *бравурный туш*), предложный падеж—*буре* и *буре* (но: *о сильной буре*, *о твердом буре*); немецкие *der Mähre* (житель Моравии) и *die Mähre* (кобыла), *der Kiefer* (челюсть) и *die Kiefer* (сосна); французские (*le*) *mal* (зло) и (*la*) *malle* (чемодан), (*le*) *poste* (пост, караул) и (*la*) *poste* (почта). В современном английском языке нет категории грамматического рода, а следовательно, нет и родовых омонимов. В древнеанглийском еще существовали родовые омонимы: *fōr*—поросенок (мужской род) и *fōr*—поездка (женский род), *wang*—поле, луг (мужской род) и *wang*—щека (средний род).

В некоторых случаях никакие синтаксические показатели (формы прилагательных, местоимений, артикля) не могут выразить грамматический род существительных, совпадающих по звучанию. Чаще всего это происходит в формах множественного числа, иногда и в некоторых падежах единственного числа: русские *о дне* (от *день*) и *о дне* (от *дно*), *луки* (множественное число слова *лук*—оружие) и *луки* (множественное число слова *лука*); немецкие *des Bundes* (от *der Bund*—союз) и *des Bundes* (от *das Bund* вязанка, сноп), *die Fratzen* (от *der Fratz*—шут) и *die Fratzen* (от *die Fratze*—рожа). В этих случаях родовые омонимы еще более сближаются с лексическими омонимами.

Лексико-грамматическая омонимия двух слов основывается 1) на одинаковом звучании основ (или корней) этих слов, и 2) на одинаковом звучании грамматических формантов этих слов². Необходимо подробнее остановиться на этом. Рассмотрим рус-

¹ Однако формы прилагательного, местоимения, артикля не свидетельствуют об омонимии определяемых слов в тех случаях, когда они относятся к существительным общего рода (типа *сирота*) или к словам, которые хотя и относятся к какому-то определенному роду, но легко употребляются с прилагательным другого рода (типа *профессор*, *товарищ*).

² Это—простейший случай. Могут быть омонимы, у которых основы и грамматические форманты, взятые в отдельности, не совпадают по звучанию, но формы в целом—по звучанию совпадают: сравни формы *голов* (родительный падеж множественного числа слова *голова*), где основа *голов*—и нулевое окончание, и *голов* (родительный падеж множественного числа слова *гол*), где основа *гол*—и окончание *-ов*.

ский пример—лексико-грамматические омонимы *гол* (в предложении «Бедняк гол, как сокол») и *гол* (в предложении «Футболист забил гол»). Эти две формы отличаются друг от друга как лексическим, так и грамматическим значением, в то же время они обладают разными корнями и разными грамматическими формантами (в данном случае—нулевыми), совпадающими лишь по звучанию. С другой стороны, лексико-грамматические омонимы могут обладать омонимичными формами и тождественными корнями: сравни формы *покрывала* (в предложении «Она покрывала голову платком») и *покрывала* (в предложении «На кроватях—белые покрывала»), эти омонимы можно назвать однокорневыми. Из факта тождества корней не следует, что лексическое значение этих двух форм тождественно. Как известно, корень дает лишь основу лексического значения слова, которое обуславливается также значением словообразовательных морфем, принадлежностью к той или иной части речи и т. д. Вместе с тем, нельзя недооценивать роли корневого значения слова. Разница лексического значения слов *покрывать* и *покрывало* меньше, чем разница лексического значения слов *голый* и *гол*, где корни не тождественны, а лишь омонимичны. Наоборот, разница грамматического значения играет здесь соответственно большую роль в различении слов. Может быть, правильнее было бы выделить среди омонимов, группу «однокорневых» омонимов. В свою очередь, среди однокорневых сложных лексико-грамматических омонимов необходимо выделить группу *грамматико-лексических* омонимов, т. е. омонимов, у которых различие грамматического значения явно превалирует над различием лексического значения. В рассматриваемых языках, в особенности западно-европейских, можно найти много примеров грамматико-лексической омонимии. Особенно характерны они для английского языка с его конверсией, чрезвычайно употребительным способом словообразования.

Рассмотрим несколько примеров грамматико-лексических омонимов. В русском языке такие пары встречаются сравнительно редко: *белила*—существительное и *белила*—прошедшее время глагола, *горячи*—множественное число краткого прилагательного и *горячи*—повелительное наклонение глагола, *добра*—прилагательное женского рода и *добра*—родительный падеж существительного. В немецком и французском языке их очень много: немецкие *der Drill* (муштра) и *drill* (буравь, муштруй), *gießen* (лить) и *das Gießen* (литье), *grimt* (яростный) и *der Grimm* (ярость, гнев) и другие; французские *goutte* (капля) и *(il) goutte* (каплет), *préface* (предисловие) и *(il) préface* (снабжает предисловием), *bruit* (шум) и *il bruit* (шумит). В английском языке почти от каждого неособенно длинного существительного можно образовать по конверсии глагол, который станет грамматико-лексическим омонимом к существительному: *patch* (заплата) и *to patch* (делать заплата), *steel* (сталь) и *to steel* (покрывать сталью), *dupe* (простофиля) и *to dupe* (обманывать). Грамматико-лексическими омо-

ними в английском языке могут быть не только глагол и существительное, но и существительное-прилагательное: *dummy* (манекен, болван) и *dummy* (подставной), прилагательное-наречие: *daily* (ежедневный) и *daily* (ежедневно) и т. д.

Большинство однокорневых омонимов входит именно в тип грамматико-лексических омонимов; некоторая часть однокорневых омонимов входит в состав родовых омонимов: русские *о моей супруге* и *о моем супруге*; немецкие *den Flinten* (кремням) — (дательный падеж множественное число от *der Flint*) и *den Flinten* (ружьям — (дательный падеж множественного числа от *die Flinte*); французские *(le) paté* (пирог) и *(la) patée* (похлебка, месиво).

Остается рассмотреть еще один основной признак классификации омонимов (см. стр. 129). В зависимости от того, совпадают ли по звучанию отдельные формы разных слов или по звучанию совпадают слова в совокупности всех своих форм, можно различать омонимы *полные* и *частичные*.

Полными омонимами называются слова, совпадающие друг с другом по звучанию во всех своих формах: русские *печься* — «приготовляться в печи» и *печься* — «заботиться»; немецкие *Saum* (груз) и *Saum* (кайма); французские *chaton* (котенок) и *chaton* (серезка); английские *saw* (пила) и *saw* (поговорка). Частичные омонимы совпадают по звучанию лишь в части своих форм: русские *взрывать* (совершенный вид — *взорвать*) и *взрывать* (совершенный вид *взрыть*); немецкие *Bauer* (крестьянин) — (множественное число — *Bauern*) и *Bauer* (строитель — множественное число — *Bauer*); французские *(je) crûs* (верил, полагал (от *croire*)) и *(je) crûs* (рос (от *croître*)).

Итак, согласно трем основным признакам, указанным на стр. 129 омонимы можно делить на 1) фонетические и фонематические; 2) лексические, лексико-грамматические, грамматико-лексические и грамматические; 3) полные и частичные¹.

Интересно выяснить, как соотносятся друг с другом эти три классификации. Первая классификация не связана внутренне с двумя другими. Что касается второй и третьей, то они тесно переплетаются друг с другом.

Лексические омонимы могут быть как полными, так и частичными (см. только что приведенные примеры, где все омонимы — лексические). Чем разнообразнее формы словоизменения в пределах одной и той же части речи, тем меньше возможностей для полной лексической омонимии и тем чаще встречаются случаича-

¹ Во многих работах можно найти классификации омонимов, в основу которых положены пути возникновения омонимов. Однако, такой подход противоречит синхронному анализу языка и ничего не дает для понимания современного соотношения омонимов. Историческая классификация омонимов полезна только в диахронии. Известно, что многие омонимы представляют исторически одно слово, но из этого нельзя делать вывод о том, что и в настоящее время их значения как-то объединяются. С другой стороны, в языке происходит и процесс слияния омонимов в одно слово, причем этот процесс совершенно не зависит от исторического происхождения этих омонимов.

стичной лексической омонимии. Так, если в древнеанглийском языке с 8 типами склонения существительных, с 10 типами спряжения глагола частичные омонимы составляли 45 процентов общего числа лексических омонимов, то к настоящему времени в результате сокращения форм словоизменения и унификации типов словоизменения их удельный вес сократился до одного процента.

Родовые омонимы точно также могут быть и полными и частичными. В русском языке возможны только частичные родовые омонимы. Во французском языке возможны только полные родовые омонимы (*le manche*—ручка, рукоятка, *la manche*—рукав).

Остальные лексико-грамматические омонимы, как правило, могут быть только частичными. Найдено всего несколько примеров лексико-грамматических полных омонимов: английские *our*—(наш) и *hour* (час), французские *si* (если—союз) и *si* (так) — наречие. Грамматико-лексические омонимы чаще всего бывают частичными. К полным грамматико-лексическим омонимам относятся, прежде всего, неизменяемые слова-омонимы: русское да — утвердительная частица; частица, выражающая удивление; союз; немецкое seit — с тех пор (предлог и союз); французское que — чем (союз) и что? (вопросительное местоимение); английское the (артикл и союз при сравнительной степени). Сюда же относятся некоторые изменяемые слова: английские hard—тяжелый (прилагательное) hard—тяжело (наречие); long — длинно (наречие) и long—длинный (прилагательное). Впрочем вопрос о возможности существования полных грамматико-лексических омонимов зависит от решения вопроса о том, действительно ли однокорневые союзы, наречия, предлоги являются разными словами (следовательно, омонимами), или это случаи особого синтаксического употребления одного и того же слова. В последнем случае вопрос об омонимии отпадает.

Представляет интерес проблема полной грамматической омонимии¹. Действительно, может ли существовать слово, все формы которого омонимичны друг другу? Не является ли такое слово неизменяемым, т. е. не имеющим никаких форм? Принципиально говоря, такая полная грамматическая омонимия возможна. Она наблюдается, например, во французских словах: *pez* (нос) (*le pez* и *les pez*), *poix* (орех) — (множественное число *les poix*) в прилагательном *grec, greque* (греческий-ая)). Примером полной грамматической омонимии в английском языке может служить личное местоимение *you*. Это местоимение ничем не отличается по своему значению от остальных личных местоимений, следовательно, оно должно иметь те же грамматические формы (падеж), что и

¹ В приложении к грамматической омонимии термин «полные омонимы» приобретает несколько иной смысл, чем раньше. Поскольку речь идет о формах одного слова, постольку «полный» может значить лишь то, что все формы данного слова совпадают по звучанию, а не то, что у каждой формы данного слова имеется омонимичная форма в другом слове (как это предполагалось до сих пор).

остальные личные местоимения. Таким образом, слово *you* существует в двух омонимичных друг другу падежах.

Более спорной представляется точка зрения П. С. Кузнецова впервые высказавшего мысль о том, что русские существительные типа *метро, депо, такси* представляют собой набор омоформ¹. Все эти существительные пришли из других языков и продолжают ощущаться как заимствованные. Отличие их в этом отношении от других существительных позволяет считать, что они не имеют форм падежа и числа, что они — неизменяемы.

Взаимодействие двух классификаций омонимов удобнее представить на следующих таблицах:

РУССКИЙ ЯЗЫК

	Полная омонимия	Частичная омонимия
Грамматическая омонимия	—	БЕРЕЗЫ — род. пад. ед. ч. и БЕРЕЗЫ — им. пад. мн. ч.
Сложная омонимия		
Грамматико-лексическая омонимия	ДА («Да говори же!» — усилительная частица)	БЕЛИЛА («Свинцовые белила» — существительное)
	ДА («Видит око, да зуб неймет» — союз)	БЕЛИЛА («Она белила хату» — глагол)
Лексико-грамматическая омонимия	—	ДАМ («Я дам тебе книгу» — глагол) ДАМ («За здоровье дам!» — существительное)
Простая омонимия		
Родовые омонимы	—	ВИНА — («Это его вина» — имен. пад. ед. ч.) ВИНА («Налейте вина» — род. пад. ед. ч.) ТУШ («Бравурный туш» — мужской род) ТУШЬ («Красная тушь» — женский род)
Лексическая омонимия	ПЕЧЬСЯ — «приготовляться в печи» ПЕЧЬСЯ — «заботиться»	ВЗРЫВАТЬ (но ВЗОРВАТЬ) ВЗРЫВАТЬ (но ВЗРЫТЬ)

¹ См. А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове. Сб. «Вопросы грамматического строя», 1955, стр. 16.

	Полная омонимия	Частичная омонимия
Грамматическая омонимия	—	dem Bären (медведю — (дат. пад. ед. ч.) die Bären (медведи — им. пад. мн. ч.)
Грамматико-лексическая омонимия	Сложная seit („Seite“ 1951— —предлог) seit („Seit ich hier arbeite“ — союз)	омонимия Drill (муштра — существительное) Drill (муштруй — глагол)
Лексико-грамматическая омонимия	—	Back (бак — существительное) back! (пекн — глагол)
Родовые омонимы	Простая der Taube (глухой человек) die Taube (голубь) ¹ der Tau (роса) das Tau (канат)	омонимия Granate (гранаты — камни — мн. число) Granate (граната ед. ч.) der Kiefer (челюсть) die Kiefer (сосна)
Лексическая омонимия	der Saum (груз) der Saum (кайма)	der Bauer (крестьянин — мн. ч. Bauern) der Bauer (строитель — мн. ч. Bauer)

¹ Слова Granat (гранат-камень) и Granate (граната) являются также частичными лексическими омонимами поскольку у них полностью совпадают формы дательного падежа множественного числа (Granaten). Слова der Taube (глухой) и die Taube (голубь) точно также являются частичными лексическими омонимами, поскольку у них совпадают формы мн. числа, в формах же именительного падежа единственного числа эти слова являются родовыми омонимами, так как они различаются только грамматическим родом. По-видимому, все немецкие простые лексико-грамматические омонимы — существительные являются одновременно частичными лексическими омонимами.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

	<i>Полная омонимия</i>	<i>Частичная омонимия</i>
Грамматическая омонимия	You („I saw you“ — — объектный падеж) You („You saw me“ — — именительный падеж)	Sheep (One sheep — — единств. число) Sheep (Many sheep — — множ. число)
Грамматико-лексическая омонимия	Сложная the — артикль the — союз („The more, the better“)	омонимия patch (заплата — существительное) to patch — глагол (делать заплаты)
Лексико-грамматическая омонимия	our (наш) hour (час) Простая	омонимия bear (медведь) bare (голый) fell (упал — от глагола to fall) to fell (валить)
Лексическая омонимия	saw (пила) saw (поговорка)	to wear (носить — неправильный глагол) to ware (беречься)

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

	<i>Полная омонимия</i>	<i>Частичная омонимия</i>
Грамматическая омонимия	le nez (нос — единств. число) les nez (носы — множ. число)	Je parle (я говорю) Tu parles (ты говоришь) Il parle (он говорит) Ils parlent (они говорят)
Грамматико-лексическая омонимия	Сложная Que — союз („Je compris que. . .“) Que — вопрос. местоимение („Que dit-il?“) dit-il	омонимия Bruit (шум — существительное) Il bruit (шумит — глагол)

Лексико-грамматическая омонимия	Si (если—союз) („Si vous savies...“) Si (так—наречие) („Si vite“)	sop (звук—существительное) sop (свой—местоим. прилаг.)
---------------------------------	--	---

Простая омонимия

Родовые омонимы	— Le mal (зло) (la malle чемодан)	— —
Лексическая омонимия	chaton (котенок) chaton (сережка)	Je crus „время“ (от глагола croître) Je crus „рос“ (от глагола croître)

Границы выделенных здесь типов не являются раз навсегда данными, незыблемыми. Отдельные пары омонимов могут переходить из одного типа в другой. Некоторые типы могут исчезать, другие—появляться. Приведем несколько примеров перехода омонимических групп из одного типа в другой (на материале истории английского языка).

У личного местоимения второго лица множественного числа *ge* (вы) в древнеанглийском языке наблюдалась частичная грамматическая омонимия форм дательного и винительного падежей (*eow*). В современном английском языке это местоимение представляет собой пример полной грамматической омонимии (тот же процесс наблюдался и у местоимения 3 лица единственного числа среднего рода—*it*).

Уже в древнеанглийском языке начался процесс выделения формы творительного падежа и указательного местоимения *se* в особое слово-союз, употреблявшееся при сравнительной степени прилагательного. Этот союз *the* и артикль в среднеанглийский период образовывали пару частичных грамматико-лексических омонимов. Но когда артикль перестал изменяться (т. е. приблизительно в XIII веке), эти слова превратились в полные грамматико-лексические омонимы.

В результате унификации типов склонения существительных и полной утраты изменяемости прилагательных и артикля в английском языке исчезла грамматическая категория рода. Часть родовых омонимов по тем или иным причинам исчезла, некоторые—совпали в одном слове, а некоторые, как например, древнеанглийские *geard*—(двор—мужской род) и *geard*—(ветка—женский род) перешли в разряд собственно лексических омонимов (современное *yard*—двор и *yard*—ярд).

Семантическое развитие древнеанглийских грамматико-лексических омонимов *gād* (ехал) и *gād* (путешествие) привело к тому, что связь корней этих двух слов в настоящее время уже не ощущается, и в современном английском языке слова *goe* (ехал верхом) и *goad* (дорога) являются не грамматико-лексическими, а лексико-грамматическими омонимами.

Настоящая статья написана на материале четырех европейских языков: русского, немецкого, английского и французского. Естественно, что принципы классификации омонимов, применимые к этим языкам, могут оказаться непригодными для некоторых других языков. Тем не менее эти принципы могут иметь некоторое общее значение. Было бы весьма интересно применить настоящую классификацию к материалу языков иного типа. Положительный результат применения данной классификации к более широкому кругу языков дал бы возможность сделать вывод о еще большей ее всеобщности, отрицательный — способствовал бы выдвижению новых принципов и новых классификаций.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ И ИЗМЕНЕНИИ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА

Историческая лексикология является наименее изученной областью языкознания. Трудями отечественных и зарубежных лингвистов накоплен большой фактический материал в области различных языков, но многие проблемы лексикологии, в частности, вопрос о путях развития и изменения значений слова, еще не разрешены.

Установление закономерностей в процессах изменения значений слова связано с большими трудностями, поскольку семантические сдвиги варьируются и видоизменяются в каждой семантической группе и в отдельных словах.

До сих пор не существует единого мнения по вопросу о путях развития значений слова и об основных моментах или ступенях, которые слово проходит в процессе своего исторического развития.

Даже термины, обозначающие отдельные этапы семантического развития слов, применяются далеко не одинаково.

За последнее время появилось немало исследований, частично или полностью посвященных изучению истории семантического развития как отдельных слов, так и семантических групп в современном английском языке и других языках¹. В этих работах затрагиваются общие проблемы развития и изменения значений слов, но при этом сохраняется во многом прежняя терминология, используемая часто без оговорок и разъяснений. А, между тем, раскрытие и уточнение содержания традиционных терминов смогло бы облегчить понимание и изучение многих семасиологических

¹ А. А. Неёлов. Многозначность и омонимия некоторых слов в английском языке, Л., 1953.

В. П. Конечкая. К вопросу о развитии идеографических синонимов в английском языке, М., 1953.

Д. А. Вард. Исследование группы слов, связанных с распространением грамотности в Англии, М., 1952.

А. А. Уфимцева. Историко-семасиологическое исследование группы слов, связанных с понятием «земля», М., 1954.

В. А. Звегинцев. О принципах семасиологических исследований, М., 1954.

процессов и выявление некоторых закономерностей изменения значений как отдельных слов, так и лексико-семантических групп.

¹ Традиционная точка зрения большинства языковедов XIX века и начала XX века на развитие и изменение значений слова сводится к тому, что изменение значений слов происходит путем «расширения», «сужения» и «переноса» значений.

В трактовке и классификации этих процессов так же, как и в понимании самих терминов «расширение» и «сужение», много неясного. При довольно подробном изучении различных случаев «сужения» и «расширения» значений, отсутствуют четкие выводы и нет единообразия в понимании этих терминов¹.

В работах многих русских и зарубежных лингвистов исследуются то отдельные значения слов, то совокупность их (т. е. смысловая структура слова в целом) без четкого разграничения. Говоря о процессах «расширения» и «сужения» значений слова, языковеды обычно рассматривают отдельные случаи конкретизации и специализации значения слов в разные периоды их существования, упуская из виду изменение смысловой структуры слова в целом за весь период его существования в языке; отсюда зачастую процессы «расширения» и «сужения» представляются взаимоисключающими.

В этой статье, где нами исследуется история семантического развития нескольких групп английских слов, мы опирались на положения академика В. В. Виноградова о лексическом значении слова.

Приступая к семасиологическому исследованию, необходимо прежде всего, разграничить семасиологические процессы, относящиеся к отдельному, частному значению слова и ко всей совокупности значений слова, т. е. к смысловой структуре слова в целом.

Слово «значение» не однозначно. Оно включает два понятия:

¹ В опубликованных в последние годы работах Л. А. Булаховского и Р. А. Будагова рассматриваются вопросы «расширения и сужения» значений слова, но далеко не исчерпывающе. Л. А. Булаховский указывает, что «конечный результат изменения значений слов с точки зрения количества заключенных в нем признаков в ряде случаев может быть определен как расширение содержания былого значения и, следовательно, сужение объема применения или, наоборот, сужение количества признаков, но при этом расширение объема применения». (Л. А. Булаховский. Введение в языкознание, часть II, 1953, стр. 71. См. также Л. А. Булаховский. Нариси с загального мовознавства, Киев, 1955, стр. 58). Под «расширением объема применения» Л. А. Булаховский понимает то, что «в новом употреблении слово охватывает больший круг понятий, т. е. может быть употреблено как средство названия шире, чем раньше» (См. там же).

Таким образом, Л. А. Булаховский считает, что процессы «расширения» и «сужения» значений слов было бы более правильно называть расширением и сужением объема применения слова.

В своей работе «Очерки по языкознанию» (1953) Р. А. Будагов очень убедительно и подробно раскрывает на многочисленных примерах, почерпнутых из классических произведений русской литературы, различные случаи переноса значений. Однако, он не указывает, какое содержание следует вкладывать в термины «расширение» и «сужение» значений слов.

значение слова в узком понимании, т. е. одно из нескольких отдельных, частных значений в смысловой структуре многозначного слова, и значение слова в широком, обобщенном понимании, то есть совокупность всех его значений, всю его смысловую структуру в целом.

К значению слова в широком понимании вполне применимо положение академика В. В. Виноградова о том, что содержание слова представляет собой как бы внутренне связанную систему «лексических значений»¹, по-разному отражающих наиболее существенные признаки определенного круга предметов или явлений.

Отдельные, частные значения слова не равны. Следует различать «номинативные значения», которые свободны и независимы от контекста, и «номинативно-производные значения», возникающие лишь на базе номинативных значений и выявляющиеся, главным образом, в сочетаниях с другими словами»².

Основное номинативное значение является лексико-семантическим центром смысловой структуры многозначного слова.

Помимо основного номинативного значения в разные периоды своего семантического развития слово приобретает дополнительные производные значения, развивающиеся на базе основного номинативного значения, а также других номинативно-производных значений, в основном в результате различного рода «переносов»³.

Смысловая структура слова, как и все элементы языка, находится в постоянном развитии и изменении.

В ходе исторического развития общества, в силу многих причин, оказывающих влияние на словарный состав, отдельное производное значение может стать новым свободным, то есть независимым от контекста, основным значением и, следовательно, новым лексико-семантическим центром смысловой структуры слова.

В смысловой структуре некоторых слов в разные периоды могут выделяться разные лексико-семантические центры, то есть может происходить смещение лексико-семантического центра.

Развитие частного значения слова — это процесс образования нового производного значения в смысловой структуре слова. Новое значение образуется на базе основного значения (поэтому оно и называется производным). Большей частью новое производное значение бывает номинативным, т. е. слово, структура которого пополнилась этим значением, получает возможность обозначать определенные предметы или явления окружающей действительности, прежде им не обозначавшиеся, что ведет к расширению предметно-вещественного содержания слова.

¹ См. В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. «Вопросы языкознания», 1953 г., № 5, стр. 10.

² Там же.

³ «Перенос значения» — нельзя рассматривать как какой-то особый путь изменения значения. Это один из основных способов образования номинативно-производных значений в смысловой структуре слова, так как огромное большинство производных значений в смысловой структуре слова образуется главным образом путем различного рода переносов значения.

Объем смысловой структуры слова не статичен; в разные периоды существования слова он может как сужаться, так и расширяться.

Расширение объема смысловой структуры слова (а не просто «расширение значения») есть пополнение ее новыми производными значениями, возникшими в результате расширения предметно-вещественного содержания и сферы применения слова.

Объем смысловой структуры слова расширяется независимо от того, каково новое производное значение — абстрактное, отвлеченное или конкретное, специализированное. Следует принципиально различать объем смысловой структуры слова и характер отдельных значений, ее составляющих.

С исчезновением того или иного предмета или явления обозначающее его слово либо выходит из словарного состава языка, либо утрачивает одно из своих значений, ранее обозначавшее вышедшую из употребления реалию. Таким образом, процесс семантического развития слова, традиционно называемый «сужением» было бы правильнее понимать как сужение объема смысловой структуры слова в результате выпадения из нее отдельных устаревших, архаических значений.

В разные исторические периоды слово может обозначать то более широкий, то более узкий круг предметов и явлений объективной действительности.

Термины «расширение» и «сужение» не могут относиться к отдельному, частному значению слова. Если мы говорим, например, что в среднеанглийский период слово *aid*, означавшее «помощь», сузило свое значение и стало употребляться в значении «феодалное пособие», то это предполагает что слово *aid* в своем основном значении («помощь») вышло из употребления, чего в действительности не было. В данном случае в смысловой структуре слова *aid* одновременно происходят два самостоятельных семасиологических процесса: а) появляется новое специализированное номинативно-производное значение «феодалное пособие», то есть слово *aid* начинает употребляться одновременно и в своем основном значении — «помощь» и в более специализированном значении «феодалное пособие»; б) с появлением нового номинативно-производного значения объем смысловой структуры слова *aid* подвергается расширению.

Говоря об отдельном частном значении слова, следует иметь в виду семасиологические процессы специализации, конкретизации и абстрагизации¹.

Изложенные выше теоретические положения подтвердились

¹ Термины «специализация», «конкретизация» и «абстрагизация» нельзя считать окончательно выясненными. Нам представляется, однако, что было бы правильнее применять эти термины к процессам, затрагивающим отдельные, частные значения в смысловой структуре слова, а не к изменению всего объема ее. (В настоящей статье процессы «специализации», «конкретизации» и «абстрагизации» специально не рассматриваются).

при исследовании части словарного состава английского языка, проведенном с целью обнаружить и описать некоторые закономерности, наблюдающиеся в семантическом развитии отобранных слов, а именно выявить причины, вызывающие увеличение количества значений слова (что приводит к расширению объема смысловой структуры слова), и причины, ведущие к исчезновению некоторых старых значений (в результате чего объем смысловой структуры слова сужается).

В каждом языке в ходе его исторического развития создаются семантически связанные лексические группы слов. Можно думать, что изменение значений отдельных слов, входящих в лексико-семантическую группу, связано, в какой-то степени с семантическим развитием других слов этой же группы. Поэтому представляется целесообразным изучать развитие и изменение значений слов, по своей семантике объединенных в одну, определенную группу, а не отдельных, ничем не связанных слов.

В последние годы в трудах академика В. В. Виноградова неоднократно указывалось на важность исследования смыслового развития как отдельных слов, так и лексико-семантических групп в историческом плане. Проведение целого ряда таких исследований, позволило бы выявить характерные особенности семантического развития словарного состава рассматриваемого языка.

Лингвистическому исследованию, результаты которого кратко изложены в данной статье, были подвергнуты следующие три лексико-семантические группы:

1) названия налогов и пошлин Англии — aid, customs, ferme, relief, rent, scutage, tax (феодалный побор, пошлина, натуральный налог, феодалный выкуп, арендная плата, военный налог, налог);

2) названия классов и социальных групп английского общества — baron, earl, duke, king, knight, lord, merchant, peasant, people, villein worker, yeoman (барон, граф, герцог, король, рыцарь, лорд, купец, крестьянин, народ, крепостной крестьянин, рабочий, йомен);

3) названия административно-территориальных единиц Англии — borough, country, county, city, hundred, land, port, shire, town, thriving wapentake (корпоративный город, страна, графство, город, «сотня», страна, город-рынок, графство, маленький город, «треть», округ).

Большинство отобранных слов многозначны или были многозначны в определенные периоды своего семантического развития.

Отбор данных групп слов обуславливался тем, что изменения в жизни общества отражаются в семантическом развитии общественно-политической лексики быстрее и несколько отчетливее, чем в других слоях словарного состава. Таким образом, общественно-политическая лексика является интересным материалом для исследования семантических процессов смыслового развития слов в тесной связи с факторами экономической и политической жизни

общества и, (разумеется, в неизбежной) взаимосвязи со всей лексико-семантической системой языка.

В нашем исследовании мы руководствовались положением К. Маркса о том, что «в налогах воплощено экономически выраженное существование государства»¹, высказыванием В. И. Ленина о классах в государстве², положением Ф. Энгельса о разделениях подданных государств по территориальным делениям³.

Исследование проводилось на материале английской письменности, начиная с самых ранних памятников среднеанглийского периода и кончая произведениями современных английских и американских писателей и периодической печатью XIX и XX веков. (Письменные памятники древнеанглийского периода привлекались только в случае необходимости).

Происхождение анализируемых слов и их значения в различные периоды их существования устанавливались при помощи английских этимологических, исторических и толковых словарей, главным образом Оксфордского словаря⁴. Использовались также специальные словари древнеанглийского и среднеанглийского языка⁵.

Данные этих словарей требуют критического подхода, так как в этих словарях общепризнанные значения слова зачастую не различаются от его случайного, индивидуального употребления, и не всегда легко определить, где основное, а где производное значение.

Определение объема смысловой структуры и отграничение основного номинативного значения многозначного слова от второстепенных, производных значений представляет большие трудности и требует учета многих факторов, так как границы смысловой структуры слова подвижны и лексико-семантическим центром ее в отдельные периоды существования слова могут быть разные значения.

Определение объема смысловой структуры слова, выявление основного номинативного значения, служившего базой для образования второстепенных дополнительных значений в смысловой структуре слова в определенные периоды его семантического развития, и уточнение отдельных значений проводилось на основании анализа значений слова в памятниках; где возможно, посредством сопоставления значений анализируемых слов со значениями одно-коренных слов в родственных языках; при этом были изучены кон-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 4, стр. 308.

² См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 353—462.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, Госполитиздат, 1955, т. II, стр. 160—310.

⁴ A. New English Dictionary on Historical Principles, ed by J. Murray, Oxford, 1893—1928.

⁵ An Anglo-Saxon Dictionary, ed. by Bosworth and Toller, Oxford, 1898.
A Middle—English Dictionary, ed. by Stratmann, Oxford, 1891.

тексты, в которых употреблялись исследуемые слова и их синонимические связи; была рассмотрена также семантика слов, произведенных от анализируемых посредством аффиксации, или же присоединением других основ.

Базируясь на положении профессора А. И. Смирницкого о том, что все значения слова в разные периоды его семантического развития, несмотря на свои отличительные особенности, образуют историческое тождество слова, основой которого является преемственность в его употреблении и «передача его от поколения к поколению как одного и того же слова в каждую данную эпоху»¹ мы попытались проследить историю семантического развития анализируемых слов в течение тысячелетия, начиная со среднеанглийского периода и до наших дней.

Изучение развития и изменения значений слов проводилось в двух основных направлениях:

1) Выявление объема смысловой структуры анализируемых слов и причин появления новых или, наоборот, выпадения старых значений.

2) Установление того, насколько основное номинативное значение исследуемых слов в современном английском языке отличается от их основного номинативного значения в средний (и в случае необходимости, в древний) период существования английского языка.

Изучение значений, составляющих смысловую структуру слова, проводилось в тесной связи с историей экономической и политической жизни общества. Это позволило во многих случаях выявить причины, вызвавшие сдвиг в значениях отдельных слов, и установить некоторые закономерности, свойственные анализируемым лексико-семантическим группам.

Наше исследование, результаты которого кратко изложены в данной статье, позволило обнаружить известную закономерность в семантическом развитии большинства анализируемых слов не только на всем протяжении их существования в английском языке, но и в отдельные периоды их семантического развития.

На протяжении исследуемого периода значения всех 30 анализируемых слов претерпели изменения:

Смысловая структура большинства проанализированных слов имела различный объем в разные периоды их семантического развития. Семантическое развитие одних исследуемых слов шло по линии расширения их смысловой структуры, других — по линии сужения ее. У некоторых слов расширение объема смысловой структуры было кратковременным и часто чередовалось с сужением и наоборот.

Изменение объема смысловой структуры слов обусловлено многими причинами, среди которых очень важное место занимают

¹ А. И. Смирницкий. К вопросу о слове, «Труды института языкознания», т. IV, 1954, стр. 41.

связи слова с обозначаемыми им реальными предметами или явлениями, т. е. в конечном счете, изменения в общественном сознании людей.

В качестве примера остановимся кратко на истории семантического развития некоторых слов.

Borough (корпоративный город).

В средневековой Англии словом *burgh* назывался большой корпоративный город, обнесенный крепостной стеной.

Исконно английское слово *burgh* восходит к общегерманскому *burg* (укрепленное место). Исследователи связывают это существительное с общегерманским глаголом *bergan* (укрывать, находить укрытие, убежище), давшим древнеанглийское *beorgan* (защищать, беречь).

Слова этого же корня имеются в других германских языках: тотское *baug* (замок, город), древневерхненемецкое *burgh* (укрепление, крепость, замок), старофризское *burgch* (крепость, город).

Английский историк Мейтленд¹ пишет, что слово *burgh* означало «укрепленный забором и ровом дом и двор богатого человека, крупного землевладельца, или короля».

В IX веке словом *burg* стали называть военное укрепление, крепость, в которой в случае опасности укрывалось население ближайших сел.

Во время борьбы со скандинавами англосаксонские короли принялись за систематическое сооружение бургов. Особенно много их было построено в X—XI веках.

В дальнейшем почти все города средневековой Англии обносились крепостными стенами для защиты от нападения врагов. Поэтому словом *burgh* стали называть всякий город, обнесенный крепостной стеной, а население такого города — сложным словом *burgharu*.

...Will (el) m kyng grēt ealle pa burhwaru binnan Londone...

(Грамота Вильгельма Завоевателя, 1066—67 гг.)

(«Вильгельм король приветствует... всех горожан в Лондоне.»)

Слово *burgh* вошло в качестве составного элемента в названия многих городов, например, *Santwarburgh*—современное *Canterbery*, *Eadwinesburgh*—современное *Edinburgh* (Кэнтэрбери, Эдинбург).

В средневековой Англии многие города получали привилегии от королей и пользовались особыми правами. Обнесенные крепкими стенами, такие города были надежно защищены от нашествий, имели свою корпорацию горожан и считались независимыми корпоративными городами. Когда в Англии появился парламент, такие города получили право посылать в него своих представителей.

Посылая своих представителей в парламент, каждый корпоративный город являлся избирательным округом и слово *burgh* стало также употребляться в значении «избирательный округ».

В XIV веке словом *burgh* иногда также называли пригород

¹ T. Maitland. *Domesday Book and Beyond*, Cambridge, 1921.

корпоративного города, то есть часть города, лежащую за крепостной стеной.

В конце древнеанглийского периода начали появляться слова, произведенные от слова *burgh*, в средний период число их возросло. Например: *burghman* (житель города), *burgh gerefa* (правитель города), *Burghsc pe* (городская община), *burhtūn* (город, обнесенный стеной, корпоративный город), *burgh—gemot* (собрание жителей города), *burgh-folc* (горожане), *burghal-penny* городской (муниципальный) налог) и другие.

С начала среднеанглийского периода семантическое развитие слова *burgh* шло по линии расширения объема его смысловой структуры.

Постепенное развитие значений в смысловой структуре слова *burgh* довольно ясно.

В древний период развития английского языка основным номинативным значением и лексико-семантическим центром в смысловой структуре этого слова было «крепость», «укрепленный город».

С XI века основным номинативным значением и лексико-семантическим центром в смысловой структуре слова *burgh* становится значение «большой город с корпорацией горожан», т. е. происходит смещение лексико-семантического центра.

Таким образом, предметно-вещественное содержание слова *burgh* подверглось в среднеанглийский период постепенному расширению. Расширение предметно-вещественного содержания этого слова сопровождалось расширением сферы применения слова *burgh* и как следствие этого, расширением объема его смысловой структуры.

В новоанглийский период слово *burgh*, *borough*¹ встречается главным образом в двух значениях: «большой корпоративный город с муниципальной организацией горожан» и «избирательный округ», поскольку большинство корпоративных городов посылали своих представителей в парламент.

В XVIII веке эти два значения пытались одно время разграничить. Так, журнал «Spectator» употреблял слово *borough* в значении «избирательный округ», а город с муниципальной организацией горожан, чтобы избежать недоразумений, обозначался словом *corporation*. Например: ...«I can tell you the progress that virtue has made in all our Cities, Boroughs and Corporations»... («Spectator», v. 1, p. 42). («Я могу рассказать вам о том прогрессе, которого достигла добродетель во всех наших городах, избирательных округах и корпорациях...»).

Однако это разграничение не закрепилось и в XIX веке слово *borough* употреблялось в обоих значениях. Можно сравнить два случая употребления этого слова в одном и том же романе Диккенса.

¹ Это слово имело разные написания в древний и средний периоды. С XVIII века стала наиболее употребительной форма *borough*.

«...that Muggleton is a corporate town, with a mayor, burgesses, and freemen,... that Muggleton is an ancient and loyal borough...»

«...Gentlemen, Brother electors of the Borough of Eatanswill...» (Ch. Dickens).

«(...Маглтон корпоративный город, имеющий мэра, горожан и жителей (не членов корпорации...) Маглтон является древним и верным избирательным округом...»

«...Джентльмены, братья избиратели избирательного округа Этенсвила...»)

До XIX века любая местность, независимо от числа жителей, могла быть сделана по воле короля избирательным округом (borough).

Так, например, в романе Теккерея «Ярмарка тщеславия» рассказывается, что королева Елизавета была так очарована лордом Кроли в чьем поместье она остановилась на ночлег, что сделала его владения избирательным округом.

«...Queen Elizabeth... forthwith erected Crawley into a borough to send two members to Parliament...» (W. Thackeray).

«(...Королева Елизавета... немедленно возвела поместье Кроли в степень избирательного округа, посылающего двух представителей в парламент...»)

До реформы 1832 года представители в парламент не выбирались жителями избирательных округов, а посылались лордами, владевшими землей и поместьями в этих избирательных округах. Место представителя в парламент можно было продать и купить.

Так, Блайфил, один из персонажей романа Филдинга «Том Джонс-найденыш» копил деньги после своего изгнания из дома мистера Олворти, чтобы купить место представителя в парламент от соседнего избирательного округа.

«...to purchase a seat in the next parliament from a neighbouring borough...» (H. Fielding)

(«...купить место в парламенте от соседнего избирательного округа...»)

Продажа парламентских мест доставляла немалый доход крупным землевладельцам.

«...the income drawn from the borough was of great use to the house of Queen's Crawley...» (W. Thackeray).

(«...доход, получаемый от избирательного округа, употреблялся с большой пользой в поместье Кроли...»).

Слово borough входит в качестве составного элемента в названия многих районов и городов Англии. Например, Marlborough:

В новоанглийский период слово borough образует ряд устойчивых сочетаний и производных, в основу которых ложатся те же два значения: «корпоративный город» и «избирательный округ». Например: borough—constituency (избиратели корпоративного города), borough—election (выборы муниципалитета), borough—voter (избиратель, член избирательного округа), borough—let (маленький корпоративный городок, маленький избирательный округ),

borough—rate (муниципальный налог), borough—monger (продавец мест в парламент от избирательных округов).

В новоанглийский период объем смысловой структуры слова borough подвергается дальнейшему расширению: номинативно-производное значение «избирательный округ», возникшее в смысловой структуре слова borough в конце среднеанглийского периода, начинает играть очень важную роль.

В XIX веке это значение, по существу, становится вторым номинативным значением в смысловой структуре слова borough.

Сфера применения слова borough в значении «избирательный округ» в новоанглийский период значительно расширяется. Этому способствовало то, что до парламентской реформы 1932 года любая территория, независимо от того, был ли это город или сельская местность с небольшим числом жителей, могла быть избирательным округом.

Worker. Семантическое развитие слова worker, как и слова borough шло путем постепенного расширения объема его смысловой структуры. Этот процесс еще далек от своего завершения, так как в современном английском языке в смысловой структуре слова worker продолжают появляться новые производные значения.

Слово worker появилось в словарном составе английского языка в средний период его развития.

Древнеанглийское weogstan (труженик, работник) образовано путем сложения основ древнеанглийского глагола weogsan (работать) и древнеанглийского существительного stan (человек).

В среднеанглийский период слово workman сохраняет значение «труженик, работник». В таком значении оно встречается во многих письменных памятниках этого периода.

...«and mani strong worcmen come to ða kinge...» ,

(...«И много сильных (работников) пришло к королю...»).

...«ðat is ðe penydet he (god) yefð to his workmen hwanne even comð...» (Layamon «Brut»)

(...«И вот та награда, которую он (бог) дает своим работникам, когда наступает вечер...»).

В памятниках среднеанглийского периода слово workman встречается также в значениях «квалифицированный работник», «ремесленник», а также «создатель (бог)».

В среднеанглийский период слово workman становится широко употребительным. Об этом свидетельствует появление производных: workmanship (мастерство), workmanlike, workmanly (мастерски, умело).

В среднеанглийский период синонимом слова workman—в значении «работник, труженик», выступает заимствованное из старофранцузского языка существительное labourer.

В поэме Ленгленда «Петр Пахарь» встречаются оба слова в одном и том же значении:

...«Alle lybbing laborers that lyuen with honds...»

(...«Все живущие труженики, которые живут (трудом) своих рук...»)

...«So with wikked wille and wrathe my workmen I paye...»

(...«Так проклятиями (злыми пожеланиями) и гневом я расплачиваюсь со своими работниками...»)

В дальнейшем, однако, значения этих синонимов разграничиваются. Слово labourer начинает употребляться главным образом в значении «сельскохозяйственный работник, батрак», а слово workman сохраняет более общее значение—«работник, труженик».

Синонимом слова workman в значении «квалифицированный работник» выступает словосочетание man of crafts (ремесленник).

В среднеанглийский период от основ того же исконного английского глагола werke, wokke образуется другое существительное wokker (творец, создатель), которое сначала относилось только к богу (параллельные образования есть и в других германских языках: голландское werker, немецкое Werker и т. д.), а затем и к людям, в значении «работник, человек, производящий какую-либо работу».

В этих значениях слово wokker встречается в конце XIV века у Веклифа.

В письменных памятниках среднеанглийского периода слово wokker в значении «работник, труженик» встречалось редко, большей частью как антоним к словам «лодырь, лентяй». Гораздо чаще употреблялось слово workman (работник).

В новоанглийский период в смысловой структуре слова wokker происходят существенные изменения.

Остановимся кратко на некоторых исторических фактах, способствовавших этому.

В своей работе «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельс пишет: «История рабочего класса в Англии начинается со второй половины XVIII века, с изобретения паровой машины и машин для обработки хлопка. Эти изобретения послужили... толчком к промышленной революции, которая одновременно произвела полный переворот в гражданском обществе... Англия—классическая страна этого переворота... и Англия поэтому является также классической страной развития его главного результата пролетариата».¹

До середины XIX века слово wokker, имевшее значения: «творец, создатель, бог» и «человек, производящий какую-либо работу», употреблялось довольно редко, гораздо большее распространение имело слово workman. В новоанглийский период от слова wokker образуется ряд производных, в основу которых ложится его значение «производитель какой-либо работы». Словом wokker называют тягловых животных, основные части машин и др.

¹ Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии, 1953, стр. 45.

В значении «наемный фабричный рабочий» слово *worker* было впервые зафиксировано в 1848 году, но на всем протяжении XIX века оно встречалось гораздо реже, чем слово *workman*.

Слово *worker* в своем новом значении «рабочий, пролетарий» начинает широко употребляться только в XX веке. Вполне возможно, что его распространению во многом способствовала широкая популярность английской коммунистической газеты «Daily Worker», выходящей в Англии с 1933 г. и употребляющей это слово не только в своем заголовке, но и в статьях.

С 30-х годов XX века слово *worker* начинает также употребляться в значении «трудящийся человек», «труженик». В этом значении слово *worker* образует различные словосочетания для обозначения людей любых профессий—научных работников, людей умственного труда, общественных деятелей, конторских служащих, медицинских работников, сельскохозяйственных рабочих и др. Например: *intellectual workers—workers by brain* (работники умственного труда), *workers by hand* (работники физического труда), *social workers* (общественные работники), *office-workers* (служащие), *dairy-workers* (работники на молочной ферме, доярки, скотники), *health workers* (медицинские работники) и др.

«...they (the Soviet people) are putting an end to the differences between workers by hand and workers by brain...»

«...Они (советские люди) уничтожают различие между работниками физического и умственного труда...»

«...the Labour movement, social workers and informed public generally are, however, also alive to the dangers...»

(«Daily Worker», London, 3. XI 1954, p. 2).

(...«рабочее движение, общественные работники и информированная общественность, однако, знают об опасности...»)

...«Giant Cunarder Queen Mary is due to lock today. Office workers have been called on to help passengers carry luggage ashore... (the dockers are on strike)» («Daily Worker», London 6. X. 1954 p. 3) (...«Огромный пароход «Королева Мария» должен прибыть сегодня. Конторские служащие были вызваны, чтобы помочь пассажирам вынести багаж на берег (портовые рабочие бастуют)...»).

«...The hours worked by nurses and other health workers provide their own batch of records of endurance and devotion—qualities perhaps the most frequent to be ill paid...»

(«Daily Worker», 2.III.1955. p. 2).

(...«В свои рабочие часы сиделки и другие медицинские работники проявляют героическую самоотверженность и преданность делу—качества, которые, чаще всего плохо оплачиваются...»)

Слово *miner* (шахтер) в последние годы часто заменяется сложным словом *mineworker*.

Например:

«...He thanks Mr. M. Nkoloma, general secretary of the Northern Rhodesian African Mineworkers' Union, for the messages of support...»

(«Daily Worker», London, 12.1.1955, p. 3)

(...«Он благодарит Мистера М. Нколома, генерального секретаря профсоюза африканских шахтеров Северной Родезии за поддержку...»)

Употребление слова *worker* в качестве составного элемента в названиях многих профессий продолжает расти и, соответственно, расширяются его синонимические связи.

Синонимом слова *worker* теперь уже больше не выступает слово *workman*, которое вплоть до середины XIX века и даже еще в третьей четверти XIX века было широко употребительным, и встречалось во всех официальных документах того времени гораздо чаще, чем слово *worker*.

В петиции чартистов (*First National Petition 1838*) слово *workman* употреблено несколько раз, (слово *worker* не встречается ни разу) ...*our workmen are starving... that the labour of the workmen must no longer be deprived of its due reward... whose workmen are proverbial for their industry...*

(...наши работники голодают... труд работников больше не должен быть лишен должного вознаграждения... работники, которые славятся своим трудолюбием...)

Наряду со словом *workman* используются и другие слова для обозначения промышленных рабочих, чаще всего *working men* и *hands* (трудящиеся и рабочие руки).

В 70-х годах XIX века в парламентских актах, касающихся рабочего законодательства, в речах деятелей рабочего движения, в различных постановлениях профсоюзов, рабочих ассоциаций, и решениях Съезда профсоюзов и Первого Интернационала употребляются слова *workmen*, *working men*, *men of labour*, но не слово *workers*.

Заглавие устава Первого Интернационала, выработанного при участии К. Маркса в 1864 году, было... *The Rules of the International Working Men's Association*.

Устав гласит:

«*Considering*

That the emancipation of the working class must be conquered by the classes themselves...

...*That the economical subjection of the men of labour to the monopolizer of the means of labour, that is the sources of life, lies at the bottom of servitude in all its forms...»¹*

(«Принимая во внимание:

Что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом;...

что экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, т. е. источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах...»)².

¹ *British Working Class Movement, Selected Documents, London, 1951, p. 527.*

² *Общий Устав Международного товарищества рабочих. К. Маркс. Документы Первого Интернационала, Госполитиздат, 1939.*

В парламентском акте 1875 года¹.

«The Employers and Workmen Act»

говорится:

«...In any proceeding before a country court in relation to any dispute between an employer and a **workman** arising out of or incidental to their relation as such...»

(...При разборе любого дела в суде в отношении любого спора между нанимателем и *работником*, вытекающего из их отношений, как таковых...)

На базе основного номинативного значения в смысловой структуре слова *workman* еще в среднеанглийский период возникло специализированное значение «мастеровой», сохраняющееся до сих пор.

...«Public fountain in the great square suddenly ceased playing ... workmen employed to clean it...» (Ch. Dickens)

(...«Фонтан на большой площади внезапно перестал бить... Были наняты мастеровые, чтобы прочистить его...»)

...«Under the walls of the house a few workmen stood round some long white wood packing cases.»

(Manchester Guardian, 5.III, 1926, p. 186)

(...«У стен дома несколько мастеровых стояли возле длинных белых деревянных ящиков...»)

В современном английском языке слово *workman* в своем основном значении «работник, труженик» употребляется гораздо меньше, сфера применения этого слова значительно сузилась. Слово *worker* стало гораздо более употребительным, чем слово *workman*.

В современном английском языке стилистическим синонимом слова *worker* выступает слово *man*, которое входит в многие сложные слова и словосочетания.

Так, в статье, озаглавленной «The Ship Repair Workers' Strike» («Забастовка судоремонтных рабочих»), слова *workers* и *men* чередуются.

...«The great dock strike is over, but the strike of 80.000 London **ship-repair workers** goes on... The **men**, supported by 15 Unions, are even more strongly united than when the strike started...».

(«Daily Worker», 2. X. 54, page 1»)

(...«Большая забастовка в доках окончилась, но забастовка 80.000 *судоремонтных рабочих* Лондона продолжается... Бастующие *рабочие*, поддержанные 15 профсоюзами, еще больше объединились в настоящее время, чем в начале забастовки...»)

Таким образом, исследование позволяет прийти к выводу, что семантическое развитие слова *worker* в новоанглийский период шло по линии расширения объема его смысловой структуры. Со второй половины XIX века в смысловой структуре слова *worker*

¹ British Working Class Movement, Selected Documents, London, 1951, p. 1579.

на базе уже имеющегося в ней очень обобщенного производного значения «человек, производящий какую-либо работу» создается другое производное значение — «наемный фабричный рабочий», характеризующееся большей степенью специализации и конкретизацией, чем номинативно-производное значение, на базе которого оно образовалось.

С 30-х годов XX века слово *worker* в этом номинативно-производном значении в силу исторических причин становится широко известным и употребительным.

В современном английском языке на базе этого значения создаются новые номинативно-производные значения, например, «трудящийся», выступающие главным образом в различных сочетаниях.

Слово *worker* в значении «творец», «создатель (бог)» встречается в письменных памятниках английского языка в новоанглийский период крайне редко; это бывшее основное номинативное значение отошло на задний план и стало архаичным.

С 30-х годов XX века основным номинативным значением и лексико-семантическим центром в смысловой структуре слова *worker* становится значение «наемный фабричный рабочий». Одним из ведущих производных значений, в смысловой структуре слова *worker* в современном английском языке становится значение «трудящийся», которое выступает в различных словосочетаниях.

Peasant. Несколько иной характер имеет история семантического развития слова *peasant*. В среднеанглийский период слово *peasant* испытывает лишь кратковременное расширение объема своей смысловой структуры, которое сменяется затем сужением.

Слово *peasant* было заимствовано в словарный состав английского языка в среднеанглийский период из старо-французского языка:

среднеанглийское *peasant* (крестьянин, сельский житель) из старофранцузского *paisent*, *paissant* (крестьянин, сельский житель, земледелец) от старофранцузского существительного *paus* (страна) из латинского существительного *pagus* (страна).

В старофранцузском языке смысловая структура слова *paisent* включала несколько значений, но можно предположить, что первоначально основным номинативным значением и лексико-семантическим центром в смысловой структуре этого слова было «житель страны». — В дальнейшем ведущим стало номинативно-производное более специализированное значение «сельский житель», а прежнее основное номинативное значение выпало из смысловой структуры слова *paisent*.

В английский язык слово *peasant* было заимствовано в значении «сельский житель, крестьянин». В этом значении оно впервые встречается в письменных памятниках английского языка в 1475 г., а в устной речи оно употреблялось в Англии повидимому и раньше.

В словарном составе английского языка в средний период было несколько названий различных категорий крестьян. В XV в., когда крепостное право в Англии фактически исчезло, наиболее подходящим словом для выражения обобщенного понятия «сельский житель, крестьянин» оказалось заимствованное *peasant*.

Смысловая структура слова *peasant* в среднеанглийский период была несложна. Основным номинативным значением слова *peasant* было «сельский житель, крестьянин».

Производные от слова *peasant* появляются только в письменных памятниках новоанглийского периода.

В начале новоанглийского периода оно имеет то же значение, в котором оно употреблялось в среднеанглийский период — «крестьянин, сельский житель».

В английском языке слово *peasant*, (аналогично тому, как когда-то употреблялись *villein* и *churl*) использовалось аристократией (хотя только временно) в значениях «негодяй, злодей» и «простолудин». Таким образом в смысловой структуре этого слова появились еще два значения.

В этих значениях слово *peasant* встречается в трагедии Шекспира «Гамлет».

...«O, what a rogue and *peasant* slave am I...»

(...«Какой же я негодяй и *крестьянский* холоп...»)

...The Age is grown so picked that the toe of the *peasant* comes so near the heel of the courtier, he galls his kibe...» (W. Shakespeare)

(...«Век стал таким, что большой палец на ноге *простолудина* так близко подходит к пятке придворного, что почти наступает на нее...»)

В новоанглийский период встречаются производные от слова *peasant*, например: *peasantess* (крестьянка), *peasantship*, *peasanthood* (крестьянство, положение, состояние крестьянина), *to peasant* (делаться сельским жителем, жить, работать по-крестьянски.).

Крестьянство как класс исчезает в Англии во второй половине XVIII века. Его место занимают помещики и зажиточные крестьяне-фермеры, эксплуатирующие наемных сельскохозяйственных рабочих.

Исчезновение крестьянства как класса в Англии нашло свое отражение в словарном составе английского языка, в частности в обозначениях людей, занимающихся сельским хозяйством.

В своем конспекте брошюры В. Либкнехта «К земельному вопросу» В. И. Ленин записал: «У англ[ичан] нет даже слова «кр[естьян]н». ...«*peasant*» иностр[анное] слово, которое в Англии многие не понимают»¹.

Синонимами слова *peasant* выступают *villager* (деревенский житель) и *farmer* (фермер—мелкий и средний землевладелец). Оба эти слова производные и сохраняют, очевидно, связь со словами *village* (деревня) и *farm* (ферма), т. е. выражают сущест-

¹ «Ленинский сборник» XIX, стр. 163.

венные признаки этой социальной группы: то, что крестьяне живут в деревне и занимаются сельским хозяйством (Наиболее употребительно слово *farmer*). Итак, в самом начале новоанглийского периода семантическое развитие слова *peasant* шло по линии незначительного расширения его предметно-вещественного содержания и отчасти сферы применения.

Объем смысловой структуры этого слова подвергся, соответственно, некоторому расширению.

В конце XVIII века, после исчезновения в Англии крестьянства, употребление слова *peasant* значительно сокращается.

В XIX—XX веках семантическое развитие этого слова идет по линии сужения объема его смысловой структуры: утрачиваются прежние номинативно-производные значения; сужение предметно-вещественного содержания приводит к сужению сферы употребления слова.

Aid u relief. Кратковременное расширение объема смысловой структуры наблюдается в начале среднеанглийского периода в словах другой лексико-семантической группы—названий налогов и пошлин Англии—*aid* и *relief*.

В период господства натурального хозяйства большинство налогов феодальной Англии были натуральными; для обозначения этих налогов были использованы слова *aid* и *relief*, заимствованные из старофранцузского языка в их основном значении.

Сохраняя свое основное абстрактное значение, эти слова стали употребляться в то же время в производном более узком специализированном значении как названия различных налогов.

Например: *aid* — основное значение «помощь», специализированное значение — «феодальный побор», взимаемый феодалом в трех случаях, требующих от него особых расходов (помощь феодалу): 1) при принятии старшим сыном феодала рыцарского звания; 2) при первом замужестве старшей дочери феодала; 3) при необходимости выкупить из плена самого короля или феодала.

Relief — основное значение «облегчение», специализированное значение «феодальный выкуп», уплачиваемый феодальным держателем лорду при вступлении во владение земельным держанием.

В XIII—XV веках с развитием товарно-денежных отношений средневековые феодальные поборы заменяются денежными налогами иного характера. Соответственно из употребления выходит большинство обозначений старых налогов, в том числе *aid* и *relief*.

Поскольку смысловая структура слов *aid* и *relief* не ограничивалась этими устаревшими к концу среднеанглийского периода значениями, эти слова сохранились в языке, но объем их смысловой структуры подвергся некоторому сужению.

Shire. Другим примером сужения объема смысловой структуры является семантическое развитие слова *shire* (графство).

Самая крупная административно-территориальная единица средневековой Англии обозначалась исконным английским словом *shire* (древнеанглийское *scīr*).

В древнеанглийском слове *scīr* имело несколько значений: «забота, попечение», «официальная должность», «область, находящаяся под надзором официального должностного лица», «крупная административно-территориальная единица, находящаяся под управлением олдермена и шерифа».

В этом (последнем) значении слово *scīr* встречалось в 1000 г. в законах короля Этельстана.

...*thæt ælc gerēfa name thæt wedd on his agenre scīre*
(—...чтобы каждый шериф брал тот залог в своем собственном графстве¹)

В древнеанглийском были производные от слова *scīr* в значении «графство»: *scīrman* (староста графства), *scīrgemot* (собрание жителей графства), *scīr—gerēfa—*(шериф).

...*Will (el)m Kyng gret Will (el)m b (isceop) and Swegn scyrgerefan...*
(...Вильгельм король приветствует Вильгельма епископа и Свена-шерифа...)

(Жалованная грамота Вильгельма Завоевателя Деорману).

В конце среднеанглийского периода слово *shire* утрачивает значения «забота, попечение», «официальная должность», а также «область, находящаяся под надзором, на попечении официального должностного лица». В письменных памятниках XIII—XIV вв. слово *shire* встречается главным образом в качестве названия самой крупной административно-территориальной единицы средневековой Англии «графства», либо входит составным элементом в названия графств.

Помимо этого, слово *shire* в среднеанглийский период имело еще значения: «жители графства», «суд графства», «город-графство».

—...«*Hit nis nout ine Godes kurt ase hit it iðe schire*»
(...«Это не в божьем суде, т. к. это подлежит суду графства».)
...«*In every citee or Burgh in this your seide Roialme...*
...*be yng a Shire incorporate...*»

(*Rolls of Parliament*, 1433)

(...«В каждом большом и укрепленном городе в этом названном королевстве..., который является самостоятельным графством...»).

В среднеанглийский период (так же как и в древнеанглийский) в словарном составе английского языка был ряд слов, произведенных от слова *shire* в его значении «графство»: *a shire-knight*, *knight-of the shire* (представитель от графства в парламенте), *shire-court* (суд графства), *shire-clerks* (чиновники, ведающие делами графства), *shirewyte* (налог на суд графства), *shire-day* (день созыва совета графства), *shire-borough* (город-графство).

В XIII веке синонимом слова *shire* как названия самой круп-

¹ На русский язык слово *shire*, как и слово *county* переводится словом «графство».

ной административно-территориальной единицы Англии ставится слово *county*, заимствованное из старофранцузского слова *comte* (графство)—производного от слова *sunt, cont* (граф).

Семантическое развитие слова *shire* представляет большой интерес, тем более, что удается довольно ясно проследить постепенное развитие его значений.

В древнеанглийском основным номинативным значением слова *scīr* было «забота, попечение».

На базе абстрактного значения «забота, попечение» в смысловой структуре слова *scīr* образовалось более специализированное значение «официальная должность» и другие номинативно-производные значения, например, «район, находящийся под надзором, на попечении официального лица», характеризующиеся еще большей степенью конкретизации и специализации.

В IX—X веках в Англии были созданы административно-территориальные единицы, которые стали также обозначаться словом *shire*, иными словами в смысловой структуре слова *shire* в конце древнеанглийского периода появилось еще одно специализированное номинативно-производное значение.

Деление страны на районы, имевшие вначале естественные границы, приобретало все большее значение в средневековой Англии; эти административно-территориальные единицы стали играть важную роль в общественной жизни страны. В связи с этим последнее номинативно-производное значение в смысловой структуре *scīr* приобретает особую важность.

В письменных памятниках X—XI веках слово *scīr* встречается главным образом как название административно-территориальной единицы. Это же значение ложится в основу ряда слов, произведенных от него.

В среднеанглийский период из смысловой структуры слова *shire* выпадает ряд прежних устаревших, архаических значений, в результате чего объем смысловой структуры этого слова подвергается постепенному сужению. С XIV—XV вв. слово *shire* употребляется только в значении «графство».

Knight. Можно также остановиться кратко на семантическом развитии слова *knight*.

Knight исконно английское слово. Слова этого же корня встречаются в других германских языках: древнефризское *knecht*, *kniucht*, древнесаксонское *knecht*, древневерхненемецкое *kneht* (юноша, слуга, воин). В английском языке в древний период его развития слово *snīht* означало «мальчик», «юноша», «юноша благородного происхождения—военный слуга короля или феодала».

Например:

...«*Him be healfē stōd hyse unweaxen, cniht on gecampe, sē full cāffice, bræd of ðām beorne blōdigne gār...*»

(The Battle of Maldon, 152—4)

(«...На его стороне стоял отрок невозмужалый, помощник в бою, который очень храбро подхватил копье этого воина....»).

В словарном составе древнеанглийского языка было несколько производных от слова *spiht* (рыцарь), в основу которых легло значение «юноша»: *spihthod* (юность, юношество), *spihthly* (юношеский).

В среднеанглийский период слово *knight* начинает обозначать не только «юноша-воин», но «воин любого возраста, охраняющий средневековые бурги, военный слуга короля или феодала, участник крестовых походов, член рыцарского ордена, участник турниров и поклонник благородных дам, странствующий, бескорыстный, бесстрашный воин и искатель приключений».

Слово *knight* начинает ассоциироваться с чертами характера рыцарей: храбростью, бескорыстием, любовью к приключениям и поклонением благородным дамам.

Идеальный образ английского средневекового рыцаря создал Чосер в «Прологе» к «Кентерберийским рассказам».

...«A knyght ther was, and that a worthy man,
...he loved chivalrie,.. Trowth and honor,
freedom and curteisie, and therto hadde he ridden,
no man ferre, As well in cristendom as in hethenesse»...

(...«Рыцарь там был, он был достойный человек... он любил рыцарство, правду и честь, свободу и любезность... и дальше его не ездил (в походы) ни один человек, ни в христианских странах, ни в языческих....»)

За свою военную службу рыцари получали от лорда или короля землю; отсюда одним из значений слова *knight* становится «мелкий или средний военный земельный держатель», о чем свидетельствуют парламентские акты и другие официальные документы и художественные произведения. Описывая рыцаря, Чосер упоминает, что тот проявлял великую доблесть в войнах своего сюзерена:

...«Ful worthy was he in his lordes werre...»
(G. Chaucer).

(...«Он полностью оправдывал себя в войнах своего сюзерена...»)

Это значение слова *knight* легло в основу производных *knightee* (рыцарское поместье), *knightship* (земельное владение рыцаря), и словосочетания *knight's fee* (рыцарское феодальное держание). Помимо указанных значений в среднеанглийский период слово *knight* начинает употребляться в обобщенном отвлеченном значении «благородный человек рыцарского звания» по отношению не только к мелким и средним земельным держателям, но и к богатым крупным феодалам.

...«and in the same gere was Sir John Oldecastell knyght lord of Cobhan, arrested into the Towre of London...»

(Lesdon Chronicle, 1470)

(—...«В том же году был сэръ Джон Олдкастел, рыцарь, владелец Кобхама, посажен в лондонский тауэр.»)

Не все рыцари средневековой Англии были обязательно благо-

родного происхождения. В отличие от других стран Европы, в Англии рыцарство не было замкнутым сословием и вступать в него могли и даже обязаны были все землевладельцы с доходом свыше 20 фунтов стерлингов¹.

Поэтому в Англии в XIII—XV веках были средние и мелкие землевладельцы неблагородного происхождения, имевшие рыцарское звание.

Король за особые заслуги мог жаловать рыцарское звание людям неблагородного происхождения.

Рыцарство как социальный слой составляло основной костяк местной администрации графств и играло решающую роль в судебных делах и собраниях графств. Когда в XIII в. каждое графство стало посылать в парламент своих представителей, эти knights of the shire избирались обычно из среды мелких и средних землевладельцев, т. е. рыцарей.

...«Ful ofte—tyme he was knyght of the shire»...

(G. Chaucer)

(...«Часто он бывал представителем от графства в парламенте...»)

Таким образом, можно прийти к выводу, что семантическое развитие слова knight в среднеанглийский период шло по линии расширения объема его смысловой структуры за счет появления в ней целого ряда новых производных значений. Кроме того, в смысловой структуре слова knight прослеживается и смещение его лексико-семантического центра.

В древний период основное номинативное значение слова spiht «юноша благородного происхождения военный слуга короля или феодала», в среднеанглийский период основное номинативное значение слова knight «рыцарь, военный слуга короля или феодала независимо от возраста». Второе номинативное значение в его смысловой структуре это «мелкий и средний военный феодальный земельный держатель».

В начале новоанглийского периода слово knight употреблялось в основном, в тех же значениях, что и в среднеанглийский период.

Особенно часто слово knight употреблялось в обобщенном значении «рыцарь», т. е. благородный воин и «благородный человек», независимо от его социального положения.

...These be the knights which should defend the land...

...Since be the knights...

—Is ment no more, but worthy Souldiours...

—this noble name of knight. May comprehend both Duke, Eorl, Lorde, Knight, Squire...

(G. Gascogne)

(...Это рыцари, которые должны защищать страну...

¹ «Крестьянин-фригольдер, достигший определенного достатка, обязан был принять рыцарское звание и нести все связанные с этим званием повинности» (Е. А. Росминский и Д. М. Петрошевский, Английская деревня XIII—XIV вв. и восстание Уота Тайлера, 1935, стр. 12).

Поскольку рыцари это достойные солдаты, Благородное название «рыцарь» может относиться и к Герцогу и графу, лорду, рыцарю и оруженосцу...)

В таком значении слово knight встречается в исторических трагедиях Шекспира часто в сочетании с прилагательным noble.

Например:

—...Doubtless he would have made a noble knight.

(...Несомненно, из него вышел бы благородный рыцарь...)

—...He seems a knight. And will not any way dishonour one...»
(W. Shakespeare)

(...Он кажется рыцарем, и ни в коем случае не обесчестит это звание...)

С ростом товарно-денежных отношений рыцарские земельные держания теряют свое значение. Лорду гораздо больше нужны деньги, чем военная служба рыцаря.

Кроме того, после окончания крестовых походов значение рыцарских орденов упало. В 1649 году Английская буржуазная революция отменила прежний порядок держания земель, в результате чего бывшие рыцари стали дворянами.

С конца XVII века слово knight употребляется только в производном отвлеченном значении «бесстрашный и бескорыстный благородный человек» и как название дворянского титула.

До середины XVIII века представители графств в парламенте, как и в среднеанглийский период, назывались knights of the shire.

—...A Free-Holder may be either a Voter, or a knight of the Shire... (The Free-Holder, 1757, p. 2).

(...Свободный (земельный) держатель может быть либо избирателем, либо представителем от графства в парламенте...)

Но с конца XVIII века, поскольку мелкие и средние землевладельцы, бывшие в большинстве случаев представителями от графств в парламенте, больше не назывались knights, появился новый термин: members of Parliament for the county of... и словосочетание knight of the shire выходит из употребления.

В словарном составе современного английского языка есть несколько слов производных от слова knight и ряд устойчивых словосочетаний, образованных на основе его прежнего основного номинативного значения и производного обобщенного, абстрактного значений.

knighting

—«посвящение в рыцари»

knightless

—«не рыцарский»

knight-errant

—«странствующий рыцарь»

knight-errantry

—«странствование рыцаря»

knight-errantship

—« " " »

knight of the road

—«разбойник»

knight of the fortune—«рыцарь легкой наживы», «авантюрист»

Таким образом, материал исследования показывает, что семантическое развитие слова knight в новоанглийский период шло по линии сужения объема его смысловой структуры.

Поскольку в XVII веке в Англии исчезают рыцари и рыцарские земельные держания, слово knight в своем основном номинативном значении («средневековый рыцарь») и во втором номинативном значении «мелкий и средний феодальный земельный держатель») становится историзмом. В современном английском языке слов knight употребляется главным образом в своем производном обобщенном значении «благородный, бескорыстный защитник, благородный человек».

Yeoman. Остановимся кратко также на истории семантического развития слова yeoman, в которой много сходных черт с семантическим развитием слова knight.

Слово yeoman германского происхождения. По всей вероятности оно образовалось из словосочетания *yonge man*¹.

В письменных памятниках среднеанглийского периода слово yeoman встречается главным образом в значении «крестьянин-вассал, сопровождающий своего господина в военных походах в качестве оруженосца и слуги».

За свою военную службу йомен получал от своего господина землю. В дальнейшем, с развитием товарно-денежных отношений в Англии, сопровождение господина на войну (как и другие феодальные повинности) заменяется денежной арендной платой. Йомены (также как и рыцари и сквайеры) освобождаются от несения военной службы и превращаются в свободных землевладельцев или арендаторов земельных участков. Поэтому словом yeoman стали называть также мелких и средних землевладельцев в Англии.

В конце среднеанглийского периода слово yeoman употребляется в значениях «мелкий и средний землевладелец», «солдат или офицер королевской стражи», «королевский чиновник», «помощник судейского чиновника».

Например:

...«And in the same gere was Trauers a geman of the kynges a rested in the kynges Chambre...» (London, Chronicle)

(—...«И в том же году Траверс, офицер королевской стражи, был арестован в опочивальне короля...»)

Примерно с начала XVII века слово yeoman в значении «мелкий и средний землевладелец» становится широкоупотребительным. Оно начинает выступать синонимом слов *farmer*, *peasant*, *freeholder*. В основу слов, произведенных от слова yeoman, ложит-

¹ Большинство английских лингвистов разделяют эту точку зрения в отношении происхождения английского слова yeoman. В подтверждение этого предположения английский лингвист Э. Викили приводит два одинаковых предложения из двух вариантов поэмы Ленгленда «Видение о Пьере Пахаре». Предложению первого варианта *yonge men to renne and to ride*, во втором варианте соответствует предложение *yomen to yernen and to ride*. В переводных текстах среднеанглийское существительное yeoman соответствовало латинскому слову *valetus* (молодой, младший вассал). В современном немецком языке *Junker* (*jung Herr*) по своему происхождению близко к английскому слову yeoman.

ся главным образом именно это значение: *yeomanry* — (свободные мелкие и средние землевладельцы), *yeomanly* — (прилагательное как *йомены*, достойно *йомена*).

В смысловой структуре слова *yeoman* на базе этого значения создается другое производное абстрактное, отвлеченное (обобщенное) значение «свободный, независимый, всеми уважаемый человек», т. е. слово *yeoman* начинает обозначать все качества, которые приписывались *йомену* в то время.

У Шекспира встречается словосочетание *yeoman's service* (хорошая, преданная, расторопная служба).

...«I ... laboured much. Now to forget that learning; but sir now it did me yeoman's service». (W. Shakespeare, «Hamlet» act V, sc. II)
(—...«Я очень старался забыть ученье, но оно сослужило мне верную службу».)

В истории семантического развития слова *yeoman* (также как, например, и в слове *villein* можно проследить влияние классов на язык.

Крепостному виллану приписывались только отрицательные свойства, в то время как *йомен*—свободный земледелец независимый и уважаемый человек—наделялся только хорошими качествами.

Э. Викли¹ говорит, что английское слово *yeoman* вызывает представление о добродушном джентльмене, верном друге и неукротимом враге, чей мощный лук завоевал Англии победу во всех битвах в средние века. Сердечный, неподкупный и смелый *йомен* постоянно воспевался в средневековой английской литературе.

Крушение крестьянского общинного землевладения началось в Англии очень рано. Захват лордами общинных угодий и крестьянской надельной земли широко практиковался еще в последней трети XV века, в течение всего XVI и даже XVII веков.

Крестьянские восстания против огораживаний общинных земель неизменно кончались неудачами.

Английская буржуазная революция XVII века разрешила аграрный вопрос односторонне, исключительно в интересах землевладельцев из дворян и буржуазии. Она освободила землевладельцев от феодальных обязанностей по отношению к государству и фактически превратила феодальное землевладение в полную буржуазную собственность.

Крестьянство, как класс, по- существу исчезает в Англии во второй половине XVIII века, его сменяют предприниматели—фермеры и сельские рабочие—батраки².

¹ E. Weekly. Words Ancient and Modern. London, 1946.

² В I томе «Капитала» (1955, стр. 729) К. Маркс пишет: «Когда на место независимых *йоменов* стали *tenants-at-wille*, мелкие фермеры, арендовавшие землю погодно... то систематическое расхищение общинных земель наряду с грабежом государственных имуществ особенно помогло образованию тех крупных ферм, которые в XVIII веке назывались капитальными фермами или купеческими фермами; эти же причины способствовали превращению сельского населения в пролетариат, его «освобождению» для промышленности.

«Приблизительно в 1750 г. исчезает yeomanry, а в последние десятилетия XVIII столетия изглаживаются всякие следы общинной собственности земледельцев»¹.

Изменения в классовом составе английского общества нашли свое отражение в словарном составе английского языка.

Семаитика слов, обозначающих различные слои крестьянства, претерпевает изменения, обусловленные изменениями в экономическом и политическом положении Англии.

В новоанглийский период слово yeoman употребляется в двух основных значениях: «мелкий и средний свободный, независимый землевладелец» и «солдат или офицер королевской стражи»².

В конце XVII века йомены составляли значительный процент населения Англии. Особенно много их было в Кенте. Некоторые из них владели большими земельными участками³.

Однако, к концу XVIII века хозяйство йоменов приходит в упадок и их становится все меньше⁴.

Земли мелких разорившихся йоменов продавались или за долги попадали в руки крупных капиталистов—фермеров. Свободные мелкие и средние землевладельцы—йомены как класс фактически исчезают в Англии в середине XVIII в. Отсюда сфера применения слова yeoman в этом значении подвергается значительному сокращению.

В новоанглийский период слово yeoman широко употреблялось также и в значении «гвардеец, т. е. солдат или офицер королевской стражи, гвардии, вольноопределяющийся солдат или офицер в особых королевских частях британской армии».

Так, в справочнике *New State of England* (1694 г.) перечисляются йомены, несшие различные службы при королевском дворе: yeomen of the Guards, yeomen of the Wardrobe yeomen of the Robes, Harbingers, Guns, Woodyards, Pastry, Larder, Poultry и др.

¹ К. Маркс, *Капитал*, 1955, т. I, стр. 727.

² В справочнике «*The New State of England*» («Новое положение в Англии»), Лондон, изд. 1694, т. II, стр. 203 говорится: «yeomen are such amongst the Commonalty who having Land of their own to a good value, keep it in their own hands, husband it themselves, and live with their families upon it». («...Мелкие землевладельцы йомены—это та часть престолярдия которая имеет изрядное количество земли, обрабатывает ее сама и живет на ней со своими семьями...»)

³ ...«Their Number is great in England, and many of them have Ectates fit for Gentlemen...» vbg («...В Англии их было очень много; многие из них владели большими поместьями, как настоящие помещики...»)

⁴ В книге «*The Rural Economy of Norfolk*», изданной в 1787 г., на стр. 6 автор сетует на то, что число мелких землевладельцев все время уменьшается:

...«Formerly, in this district were many small owners yeomen... who cultivated their own estates...»

...The decline of the independence of this country is a striking one... («...Раньше в этом районе было много мелких землевладельцев (йоменов)... которые обрабатывали свою землю... упадок свободного мелкого землевладения в этой области очень значителен...»).

(Имена королевской гвардии, гардероба, мантии, дворца, оружия, деревянных складов, пекарни, кладовой, птичника и других служб).

В современном английском языке слово yeoman употребляется также в отвлеченном (обобщенном) производном значении «свободный, независимый всеми уважаемый человек». Так, например, в сельскохозяйственном журнале *Agenda*, *A Quarterly Journal of Reconstruction* мы читаем:

...«The men however would be independent yeomen, masters of their own fate, instead of recipients of wages...»

(*Agenda*, 1942, No 1, p. 15).

(...«Люди, однако, хотели бы быть свободными и независимыми хозяевами своей судьбы, а не наемными работниками (т. е. получателями зарплаты)...»).

В словарном составе в новоанглийский период есть много производных, в основу которых легли два значения слова yeoman — «мелкий и средний землевладелец» и «солдат или офицер королевской стражи», «гвардеец». Причем, судя по появлению производных значений, второе значение развилось в них позже первого.

yeomanry 1) «свободные мелкие и средние землевладельцы» (первая фиксация в письменных памятниках английского языка 1375 г.)
yeomanry 2) «королевская гвардия» (первая фиксация в 1794—8 г.).

Материал исследования дает нам основание полагать, что в истории семантического развития слова yeoman дважды прослеживается смещение лексико-семантического центра. В древнеанглийский период основным номинативным значением и лексико-семантическим центром в смысловой структуре слова yeoman было «молодой слуга». В среднеанглийский период объем смысловой структуры слова yeoman подвергается значительному расширению в результате образования новых (номинативно) производных значений, одно из которых — «мелкий и средний свободный землевладелец» — в силу целого ряда исторических причин становится новым лексико-семантическим центром в смысловой структуре слова yeoman. Прежнее основное номинативное значение «молодой слуга» становится архаическим и выпадает из смысловой структуры этого слова.

В конце XVIII века в силу тех же причин, слово yeoman в его новом основном номинативном значении становится историзмом. Сфера применения его сужается. Слово yeoman иногда употребляется только в его отвлеченном производном значении «всеми уважаемый порядочный человек».

Таким образом анализ материала показал, что расширение объема смысловой структуры большинства исследованных слов произошло в результате образования новых производных значений, что в свою очередь было обусловлено расширением предметно-вещественного содержания и сферы применения этих слов.

Расширение объема смысловой структуры слов обычно сопровождалось расширением синонимических связей данного слова.

Проведенное исследование показывает, что в ходе исторического развития общества в силу многих причин политического и экономического характера, отдельные явления и понятия приобретают особую важность. Поэтому слова, обозначающие эти предметы и выражающие эти понятия, также становятся более употребительными. Если название нового предмета или выражение нового понятия были только производным значением в смысловой структуре слова, то в результате возросшего значения предмета или понятия и более многостороннего отражения и выражения его производное значение становится либо вторым значением, либо новым свободным, т.е. независимым от контекста, основным значением слова и, следовательно, новым лексико-семантическим центром его смысловой структуры.

Исследование показало, что в смысловой структуре некоторых проанализированных нами слов в отдельные периоды их существования были разные лексико-семантические центры. С другой стороны, когда соответствующие явления исчезли из жизни английского общества, обозначавшие их слова в ряде случаев также исчезли, но иногда сохранились, изменив свое значение.

Недостаточно было только утраты обозначавшихся словом реалий чтобы оно вышло из употребления. Исчезало такое слово, смысловая структура которого была ограничена и содержала в сущности только одно номинативное значение. С утратой его слово не имело причин оставаться в языке.

Выпадению слова содействовало также его «одинокость» — отсутствие однокоренных слов, а также соотносительных, синонимических и антонимических связей. Часто такими нежизнеспособными оказывались заимствованные слова (но далеко не все).

Некоторые из проанализированных нами слов существовали в словарном составе английского языка в средний период его развития. После того, как реалии, обозначаемые ими, вышли из употребления, эти слова также вышли из словарного состава английского языка. Так, например, в конце XIX века слова *hundred* (административно-судебный округ) и *wapentake* (округ, уезд) выходят из употребления и становятся историзмами, так как функции сотенных и окружных судов, так же, как и этих административно-территориальных единиц, сначала ограничиваются, а затем совсем упраздняются.

В рамках данной статьи не представляется возможным подробно остановиться на анализе слов, иллюстрирующих данное положение. Тем не менее, можно указать на то, что из 7 слов первой лексико-семантической группы 4 слова (*aid*, *ferme*, *relief* и *scutage*) как названия древних феодальных налогов средневековой Англии (*aid* — «феодальное пособие», *relief* — «феодальный выкуп», *ferme* — «натуральный налог» и *scutage* — военный налог — «щитовые деньги») становятся историзмами в конце среднеанглийского периода,

поскольку с развитием товарно-денежных отношений в Англии большинство феодальных налогов, поборов и пошлин заменяется денежным налогом, который обозначался одним словом tax.

Из слов второй лексико-семантической группы к концу среднеанглийского периода слово villein (крепостной крестьянин) в силу целого ряда исторических причин становится историзмом и выходит из словарного состава английского языка.

В новоанглийский период новые понятия выражаются часто не новыми словами, а словосочетаниями уже существующих слов, имеющими большей частью атрибутивный характер. Это происходит потому, что многие новые явления оказываются лишь видоизменениями существующих уже в жизни страны и народа явлений;—для обозначения их достаточно модифицировать имеющиеся слова, видоизменив в той или иной степени, ограничив в том или ином направлении основное значение этих слов и в то же время пополнив их смысловую структуру новыми производными значениями.

В новоанглийский период особенно большое распространение имеет расширение сферы применения слов с отвлеченным (обобщенным) значением в сочетании с уточняющими их смысл словами.

Отвлеченное (обобщенное) производное значение, образовавшееся в смысловой структуре слова на базе его конкретного основного номинативного значения, обычно более устойчиво и долговечно, чем само основное номинативное конкретное значение.

После исчезновения реалий слова, обозначающие их, становятся большей частью историзмами. Однако слово в отвлеченном производном значении оказывается более устойчивым и дольше сохраняется в словарном составе языка.

Основные номинативные значения некоторых слов становятся более абстрактными: такие слова в речи обычно сочетаются с различными определениями, уточняющими их смысл. Объем смысловой структуры таких слов подвергается лишь незначительному расширению за счет образования фразеологически связанных номинативно-производных значений.

Для обозначения новых предметов и явлений язык использует свои словарные богатства: новые слова, выражающие новые понятия, образуются от уже существующих в языке слов разными способами словопроизводства и словосложения.

Кроме того, новые понятия могут выражаться старыми словами, достаточно устойчивыми и жизнеспособными для того, чтобы расширить свою смысловую структуру, развивать в ней новые значения и даже сменить свое основное номинативное значение.

Исследование позволило выявить некоторые закономерности, свойственные как всем анализируемым словам вместе, так отдельным лексико-семантическим группам.

В группе названий налогов, поборов и пошлин в среднеанглийский период преобладают специальные обозначения отдельных

конкретных видов налогов, а в новоанглийский период слова с очень обобщенным значением—*customs, relief, rent, tax*—употребляются часто в сочетаниях с уточняющими словами. Слова, являющиеся названиями различных налогов и пошлин в Англии, отличаются меньшей устойчивостью и подвержены более частым изменениям, чем обозначения социально-классового состава английского общества и административно-территориальных единиц.

В истории семантического развития второй проанализированной группы смещение лексико-семантического центра наблюдается чаще, чем в других группах.

В древнеанглийский период смещение лексико-семантического центра произошло в слове *lord*, в среднеанглийский—в *earl, duke, knight*, в новоанглийский период—в словах *worker* и *yeoman*.

Влияние на язык классовой дифференциации общества проявляется в истории названий крепостных или зависимых крестьян—*churl, farmer, peasant, villein*—(все эти слова приобретают иногда оттенок презрения).

Для большинства слов, являющихся названиями административно-территориальных единиц, характерна большая устойчивость.

Исконные слова: *borough, land, shire, town* известны по памятникам с IX—X вв.; заимствованные слова:—*city, county, country*—с XIII века.

Слова этой группы часто употребляются в различных словосочетаниях в роли определения, так как, обозначая местность, они определяют явления и события, которые происходят на обозначаемой ими территории, а также предметы и понятия, каким—либо образом связанные с нею.

Исследование истории семантического развития отдельных слов или лексико-семантических групп слов должно проводиться, (как показал опыт), исходя из основных номинативных и иноминативно-производных значений в их возникновении, изменении и отмирании. Необходимо во всех случаях возможно точнее определить смысловую структуру слова, которая может иметь разный объем (разное число значений) в определенных периоды своего существования.

Следует говорить не о «расширении» и «сужении» значения слова, а о расширении и сужении объема смысловой структуры слова, включающей и более абстрактные, отвлеченные и более специализированные значения, каждое из которых имеет разные сферы и разную длительность употребления.

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА РУМЫНАМ

Методика преподавания русского языка иностранцам находится еще только в стадии формирования. Процесс ее становления, к сожалению, идет слишком медленно. Жизнь, каждодневная практика преподавания ставит перед нами множество сложных вопросов, и в большинстве случаев решать их приходится самостоятельно, каждому в отдельности. Назрела необходимость перехода от разработки общих методических принципов к решению отдельных конкретных проблем, связанных с преподаванием русского языка иностранцам.

В этом смысле можно только приветствовать выход в свет таких работ, как методический сборник «Русский язык для студентов-иностранцев» (Изд. «Советская наука», 1955 г.), посвященный разработке одного из самых трудных вопросов преподавания русского языка иностранцам — учету особенностей родного языка учащихся.

Автор предисловия к сборнику И. Пулькина совершенно справедливо отмечает, что этот вопрос «менее всего освещен в методической литературе». Между тем, большинство преподавателей не знает родного языка своих учеников. Беглое и торопливое ознакомление с основами родного языка учащихся оказывает незначительную помощь. В этой связи разработка вопросов учета особенностей родного языка учащихся приобретает особое значение.

Изданный сборник, естественно, является лишь первым шагом: в нем затронуты некоторые особенности преподавания русского языка в албанских и немецких группах. За ним последуют, несомненно, новые работы, освещающие специфику преподавания в других языковых группах.

Данная статья ставит себе задачу выявления некоторых особенностей преподавания русского языка в румынских группах. При этом необходимо исходить из того, что строгий предварительный учет особенностей румынского языка позволяет предупредить многие характерные для румын, изучающих русский язык, ошибки. Кроме того, выявление сходных моментов в двух языках дает

возможность «приблизить» к учащимся, сделать более понятными самые трудные разделы русской грамматики. Одновременно с этим выявление различий обоих языков настораживает преподавателя и заставляет его более тщательно готовить занятия по разделам грамматики русского языка, которых нет в румынском языке.

Фонетика. Над произношением следует тщательно и настойчиво работать с первого же урока. Только выявление артикуляционных особенностей русского языка по сравнению со звуками румынского языка позволяет добиваться хороших произносительных навыков. При первом же ознакомлении с системой русских звуков необходимо провести сравнение со звуками родного языка, четко установить моменты сходства и различия. Это тем более оправдано, что, обычно, учащиеся стремятся произносить «по-иностранному» даже те звуки (а их большинство), артикуляционные особенности которых совпадают в обоих языках.

Румынский язык формировался под длительным влиянием соседних славянских языков, и следы этого влияния нетрудно обнаружить, в частности, в его фонетике.

Русским гласным фонемам *а, и, о, у, ы, э* — соответствуют румынские *а, і, о, и, ѓ*. Что же касается буквы *е, ё, ю, я* — то они находят свое соответствие в румынской гласной *е* и в дифтонгах *іа, іо, іи, еа*. При этом нужно однако учесть следующее:

а) Звук *э* в начале слова не соответствует полностью румынскому *ѓ*, так как этот последний по своим артикуляционным особенностям — гласный задний и более закрытый, близкий к нелабиальному *о*. Поэтому следует объяснить учащимся, что *э* — гласный переднего ряда, открытый, представляющий нечто среднее между румынским *е* в слове *egudit* и *ѓ* в слове *ѓста* (этот). Четко произнося русские слова: *эхо, экран, эгоист, экскурсия, поэт, экономия, экзамен, электричество* и другие, сравнивая их с соответствующими им румынскими словами *есоу, еcran, egoist, excursie, poet, economie, examen, electricitate*, можно легко научить учащихся слышать, а затем и передавать в произношении артикуляционные особенности русской фонемы *э*. Конечно, для этого потребуется неоднократная тренировка.

Необходимо также объяснить артикуляционные особенности гласного *е* после мягких согласных, перед твердыми, который в русском языке является немного более открытым и передним (ср. румынское *pentru* и русское *пена*). Следует также обратить внимание на произношение *е* между мягкими согласными (довольно близко к *и*). Сравнительное произношение таких слов, как *металл, змей, лень, вечерний, беженец, вредный, клещи, бесчестный, плешивый, ученик, подсвечник, бездна* и других и соответствующих им в румынском *metal, zmeu, lene, vecernie, bejenar, vrednic* (достойный), *clește, becisnic, pleșuv, ucenic, sfeșnic, bezna* — помогает уча-

щимся уяснить себе большое сходство произносительных особенностей русского гласного *е* с румынским и вместе с тем ту незаметную для непосвященного уха разницу, которая все же между ними существует. А затем уже можно переходить к составлению списков слов, не имеющих соответственной пары в румынском языке.

Сделав эти предварительные уточнения, необходимо обратиться к процессу редукации гласных, характерному для русской фонетики. Как известно, благодаря морфологическому принципу построения русской орфографии, вопрос о редуцировании гласных выходит широко за пределы произносительных норм.

В первые недели, пока происходит ознакомление с русским алфавитом, нетрудно заметить, что учащиеся «окают» «якают» и т. д., стараются четко произнести гласный *о*, *а*, *я*, *е*. Это неудивительно, так как в румынском языке гласные произносятся во всех позициях одинаково. И все же процесс редукации гласных постигается довольно легко, если умело прибегать к некоторым историческим сопоставлениям и к хорошо продуманным упражнениям. Уместно напомнить учащимся-румынам, что звук *я*, довольно близкий по своей артикуляции к русским *о*, *а* во втором предударном и в заударном слоге, является результатом исторического редуцирования латинского безударного *a*. (ср. *casa-casă* (дом); *barbatus-bărbat* (мужчина), а также и славянских *а*, *о*. Ср. славянское *хранити*, давшее в румынском слово *a hrăni*, *лопата*—*lopată*, *невеста*—*nevestă* и другие; ср. также чудо—*ciudă*, *долото* *daltă*, *правило*—*pravilă*, *сито*—*sită* *ведро*—*vadă* и другие. Поэтому в схеме, предлагаемой ниже, можно обозначать русский звук среднего ряда среднего подъема не твердым знаком (это сбивает учащихся с толку), а румынским *я*. В таком случае получится следующее:

в начальном открытом слоге	во втором предударном	в первом предударном	под ударением	в заударных слогах	в конечном открытом слоге
а	я	а	о	я	а или я
а	я	а	а	я	а или я

Такую же работу следует проводить с гласными *а* (после мягких согласных) и *э*¹.

Следует предостеречь преподавателей против чрезмерного увлечения транскрипцией при обучении чтению. Отнимая много времени, она, кроме того, представляет для многих учащихся значительную трудность. К транскрипции можно обращаться лишь в тех случаях, когда произношение того или иного слова не дается учащимся. В основном же работу следует ограничить чтением вслух связного текста и отдельно подобранных слов, повторением вслед за преподавателем, сравнением со звуками родного языка в

¹ См. «Грамматика русского языка», изд. АН СССР, т. I, 1952, стр. 63—64

сходных словах. В качестве итога работы можно практиковать запись речи учащихся на магнитофоне и внимательный разбор этой записи. Работу с магнитофоном можно считать полезной лишь тогда, когда она проводится регулярно, образуя определенные ступени в развитии произносительных навыков ученика.

б) Согласные.

Русские: б, б', п, п', в, в', ф, ф', т, т', д, д', к, к', г, г', х, х',

Румынские: b, b', p, p', v, v', f, f', t, t', d, d', k, k', g, g', h, h'.

Русские: м, м', н, н', с, с', з, з', ш, ж, ѣ, л, л', р, р', ц, ч,

Румынские: m, m', n, n', s, z, z', ș, j, i, l, l', g, g', ț, ț, g, ș', j'.

Сопоставление согласных двух языков позволяет сделать следующие выводы:

1. Мягкий долгий *ш'ш'* или *ш'ч* (графически-щ) незнаком румынскому произношению. Однако его артикуляция не представляет для румын особых трудностей, ибо в румынском языке бытует мягкий *ш* (*ș'*), а также (в индивидуальном произношении) сочетание *șç* (*шч*). Необходимо только подробно разъяснить артикуляцию *щ* (Как известно, русское литературное произношение допускает употребление *ш'ч* наряду с *ш'ш'*).

2. Переднеязычные шумные щелевые *ш, ж*, а также аффрикат *ц* являются в русском литературном языке твердыми. В румынском языке они могут быть и мягкими. Ср. *жир*—*jiŋ* (жолуди), *цинк*—*ținc*, *цеп*—*țer* (кол), *цель*—*țel* и др. Поэтому учащиеся—румыны произносят согласные *ж, ш, ц* перед *е, и* мягко. По отношению к *ж* этому содействует еще наличие в румынском языке переднеязычного мягкого *ğ* (сравни *жест* и *gest*, которое напоминает русское слово *жем* в мягком произношении). Поэтому необходимо заранее предостеречь учащихся от мягкого произношения сочетаний *жи, ши, ци, же, ше, це*, приучая их к русской артикуляции (*жы, шы, цы, жэ, шэ, цэ*).

3. Как видно из вышеприведенного перечня согласных, в румынском языке *d, s* не имеют мягкой пары. Следовательно, особое внимание нужно обратить на слова типа *кости, гость, очередь, жердь, грудь* и др., где русские *д, с* выступают в мягкой своей форме.

Произношение мягких русских согласных вызывает вообще немало затруднений у румын. Объяснение артикуляции мягких согласных следует поэтому вести особенно тщательно.

Прежде всего, необходимо обратить внимание учащихся, что мягкие согласные в конце слова встречаются весьма часто в родном языке (у существительных множественного числа, у глаголов во втором лице единственного числа и т. д.). Сравнение таких слов, как *боль*—*boli* (болезни), *верь*—*vegi* (двоюродные братья), *цепь*—*țeri* (колья), помогает учащимся быстро освоить мягкость согласных в конце слов. (О мягкости *д, т, н* смотри ниже).

В этой же связи полезно уделить особое внимание русским словам с мягкой основой, которым соответствуют румынские с твердой основой, например: *календарь*—*calendar*, *бюллетень*—*bu-*

letin, секретарь—secretar, бинокль—binoclu, спектакль—spectacol, туннель—tunel и др.

Труднее обстоит дело с мягкостью согласных в середине слова. Мы, конечно, не говорим о тех случаях, когда мягкий согласный находится в открытом слоге. Таких случаев немало и в румынском языке, они не вызывают затруднений. Ср. *вина*—*vina*, *сила*—*sila*, *мина*—*mina* (шахта). Но когда мягкий согласный закрывает слог, начинаются осложнения. Дело в том, что такой позиции в румынском языке нет. Ср. *бальзам*—*balsam*, *бальнеологический*—*balnear* и др. Отсюда частые ошибки в произношении, а следовательно, и в написании, типа *борба*, *специальный*, *Волтер* и др.

Освоение этого трудного раздела фонетики следует начинать с чтения слов по частям, разделив их так, чтобы мягкий согласный оказался в конце части. (горь-ко, боль-но, пись-мо, возь-ми, мос'-тик, зон'-тик, вет'-ви, гвоз'-ди, облас'-ти и др.) Эта позиция, как было сказано выше, свойственна и румынскому языку, поэтому при раздельном чтении мягкое произношение согласных в середине слова сразу становится доступным. Затем процесс чтения ускоряется, пока учащиеся не привыкают читать эти слова, как единое целое. Но опыт показывает, что ошибки в произношении слов с мягкими согласными в середине слова нелегко искоренять. Преподаватель должен долго и терпеливо работать, применяя все более разнообразные упражнения, запись на магнитофоне, возвращение к данной теме в связи с новыми разделами грамматики и грамматическими категориями. Полезно составить список наиболее употребительных слов, куда вписываются затем новые слова, встреченные в текстах. Немалую пользу в устранении подобных ошибок приносят диктанты. Подбор таких пар, как *польза*—*ползать*, *горько*—*горка*, *зорька*—*зорко*, *палки*—*пальчик*, *уголки*—*угольки* и т. д. содействует скорейшему усвоению артикуляции мягких согласных в середине слова.

К этой же теме нужно возвратиться при изучении правописания мягких согласных, затем при прохождении суффиксов существительных и прилагательных (*генерал*—*генеральский*, *деталь*—*детальный*, *феодал*—*феодальный*, *учитель*—*учительский*, *шинель*—*шинельный*), а также при изучении образования существительных и прилагательных от глаголов (*мучить*—*мучительный*, *убедить*—*убедительный*, *удивить*—*удивительный* и т. д.).

Необходимо также проводить сравнение собственных имен, в которых встречаются мягкие согласные, отсутствующие в румынском произношении этих имен: Гольбах, Вольтер, Вильнюс, Польша, М. Горький и др.

Большого внимания требует от преподавателя вопрос о палатализации согласных *д*, *т*, *н*, перед гласными *е*, *и* (а следовательно *я*, *ю*, *е*). Румынскому языку подобная палатализация незнакома. Достаточно сравнить слова: *стяг*—*steag*, *приятель*—*prieten*, *платить*—*a plăti*, *надежда*—*nădejde*, *тема*—*temă*, *система*—*sistem*, *нерв*—*nerv* и др., чтобы в этом убедиться.

Учащимся нужно объяснить, что «смычные переднеязычные мягкие *т*, *д*, *в* отличие от твердых, характеризуются значительным дополнительным подъемом средней части языка к небу».¹ Но еще важнее обратить внимание учащихся на то, что, в отличие от прочих мягких согласных, *д'* *т'* являются качественно измененными вследствие того, что раскрытие смычки происходит не сразу. Получается звук, близкий к *ц*, *дз'*. То же необходимо сказать о носовом сонанте *н'*, в артикуляции которого активно участвует средняя часть языка.

Как показал опыт работы, произношение мягких *д*, *т*, *н* осваивается позднее всех других артикуляционных отличий русских фонем. Следовательно, в этой области нужна самая длительная, самая кропотливая работа. При этом необходимо учесть, что румынский язык не знает мягких *д*, *т* в конце слова, ибо они чередуются, переходя в *ц*, *з*. Поэтому произношение и правописание русского инфинитива сопряжены с определенными трудностями, которые следует иметь в виду при первом же ознакомлении с глаголом. С трудом дается также произношение, а следовательно, и определение рода существительных на *нь*, *знь*, *сть* (*жизнь*, *честь*, *трудность*, *корень*, *радость*, *молодость* и т. д.). Склонение подобных существительных в качестве фонетического упражнения дает хорошие результаты. Не менее полезно заучивание наизусть пословиц, поговорок, стихотворных отрывков и т. д. При изучении суффиксов существительных (*-тель*, *-ник*, *-оньк*, и др.) следует снова обратиться к артикуляционным особенностям мягких *д*, *т*, *н*. То же при прохождении отрицательных и личных местоимений повелительного наклонения и других глагольных форм.

Преподавателю нужно обратить внимание на произношение мягкого *л* перед *у*. Если перед *э*, *и*, *а* мягкий *л* встречается довольно часто в румынском языке, то перед *у*—лишь в единичных случаях. Поэтому весьма часты у румын ошибки типа *революция*, *революционный* и т. д. Для устранения таких ошибок полезно сравнивать русские слова с соответствующими румынскими: *люцерна*—*lucerna*, *люлька*—*lulea*, *люминесценция*,—*luminescența*, *люстрин*—*lustrin*, *люкс*—*lux*, *революция*—*revoluție*, *революция*—*gevoluție*—обращая при этом внимание на разницу в артикуляции.

Таковы некоторые из тех фонетических особенностей русского языка, которые следует учесть при работе в группах, где учащиеся—румыны. Но изучение фонетики не ограничивается выяснением произносительных норм русского языка. Не меньшую важность представляет изучение состава слова и морфологии русского языка. Гарантией твердого усвоения грамматики служит изучение фонетических явлений лишь в связи с теми морфологическими категориями, в которых фонетические явления выступают носителями определенных грамматических значений. Все фонетические

¹ «Грамматика русского языка», изд. АН СССР, т. I, стр. 65.

явления выступают в слове и особенно на стыке его элементов — морфем.

С другой стороны, многие фонетические явления современного языка нельзя понять вне их исторического освещения. В румынских группах это представляется тем более оправданным, что, как было отмечено выше, родной язык учащихся запечатлел в своих формах длительное и плодотворное влияние окружающих его славянских языков.

Возьмем два примера:

а) Полногласные и неполногласные сочетания. Изучение данной темы представляет большое значение не только для выработки орфографических навыков правописания безударных гласных, но и для обогащения лексических запасов учащихся.

Для студентов и аспирантов-румын сведения о том, что «сочетания ор, ер, ол, ел общеславянского праязыка изменились в общерусском языке в сочетания оро, ере, оло, еле....; в древнеболгарском те же сочетания изменились в ра, ре, ла, ле»¹ находят наглядное подтверждение в самом румынском языке, позаимствовавшем много форм из южнославянских языков. В нем можно встретить слова типа *dalta* — *долото*, *gard* — *изгородь*, *balta* — *болото*, заимствованные, очевидно, еще из общеславянского праязыка. Большое количество румынских слов свидетельствует о более поздних заимствованиях из южнославянских языков: *vлага* — *влага*, *glas* — *голос*, *mlada* — *молодой лес*, *vraf* — *ворох*, *narav* — *норов*, *nрав*, *vrajba* — *вражда*, *brazda* — *борозда*, *ograda* — *двор*, *gradi-na* — *сад*, *ogorod*, *drag* — *дорогой*, *zdravan* — *здоровяк*, *vraja* — *врожьба*, *prag* — *порог*, *vrabie* — *воробей*, *praznic* — *праздник*, *straja* — *стража*, *strajnic* — *сторож*, *praf* — *порох*, *prepelija* — *перепел*, *vreme* — *время*, *treaz* — *трезвый*, *a preda* — *передать*, *a plenui* — *заполнить*, *взять в плен* и многие другие.

Естественно, что эти сведения облегчают ассоциативное усвоение многих новых слов от корня *город*, *болото*, *дорог*, *здоров*, *сторож* и других. Но и знакомство с новыми корнями, неизвестными румынскому языку (*дерево*, *берег*, и др.) происходит после этого сознательно, следовательно — более прочно.

Далее, необходимо познакомить учащихся с некоторыми параллельными лексическими сочетаниями, в которых использованы слова с полногласием и неполногласием: *здравый смысл* — *здоровый мороз*, *омрачить впечатление* — *морочить голову*, *сократить дробь* — *укоротить веревку* и др. Следующие затем упражнения по подбору слов с неполногласием к данным словам с полногласием (или наоборот) проходят весьма успешно.

б) Чередование я — и — и н — е н —, у — он.

Уместно напомнить учащимся, что румынский язык сохранил

¹ «Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку», Учпедгиз, 1952, стр. 246.

в своем составе немало слов, славянских по своему происхождению, в которых древние носовые звуки юс малый и юс большой перешли в *in, im, un, um* и т. д. Свидетельством тому являются слова: *lunca* — луг, *dumbrava* — дубрава, *grund* (галька) — пруд, *scump* (дорогой) — скуп, *cinste* — честь, *sînt* — свят, а *osîndi* — осудить, *stîncă* (скала) — стенка, *gînd* — ряд, *zimbru* — зубр, *ogînda* (зеркало) — оглядеться и другие. Подобные сведения делают понятными для учащихся такие трудные случаи перехода гласных в сочетания гласных с носовыми, которые мы встречаем в словах *начать* — *начинать*, *звякнуть* — *звенеть*, *звон* — *звук*, *взять* — *взимать* — *взаймы*, *семя* — *семена* и др.

Морфология. При изучении правил изменения слов и способов образования различных форм одного и того же слова выясняется также целый ряд устойчивых ошибок, связанных с расхождениями в грамматическом строе румынского и русского языков.

Это — категория рода у существительных, винительный падеж существительных женского рода и существительных мужского рода, обозначающих одушевленный предмет, разница между прилагательным и наречием, краткие формы прилагательных, сочетание числительного с существительным, отрицательные и неопределенные местоимения, причастия действительного залога, формы употребления деепричастного оборота, виды глаголов, возвратный залог, передача румынского предлога *pentru* предлогами *за, для, на* и т. д.

Размеры данной статьи не позволяют рассмотреть системы румынской и русской морфологии в целом и показать приемы и формы преодоления всех морфологических ошибок. Отметим лишь некоторые.

а) Категория рода. В румынских группах учащиеся испытывают значительные затруднения в определении рода русских существительных. Между тем, внимательное сравнение категории рода в румынском и русском языках показывает, что в большинстве случаев этих затруднений можно избежать. В отличие от других романских языков, румынский сохранил полностью категорию среднего (так называемого обоюдного) рода. Нельзя не видеть в этом решающего влияния славянских языков.

Но само по себе наличие обоюдного рода еще не решает вопроса. Ведь и в русском языке родовые грамматические представления не связаны в настоящее время с реальными родовыми представлениями, за исключением названий лиц и животных. Поэтому соотнесение существительных одного рода в румынском языке к существительным того же рода в русском языке возможно только в названиях лиц и животных (и то не всех). Выйти за пределы этой группы невозможно, так как несовпадения более часты, чем совпадения. Поэтому для ознакомления учащихся с категорией рода нужен иной подход.

Известно, что род имен существительных познается не только из синтаксических отношений, в которые ставится данное имя, а и

из характера основы и окончаний в том или ином типе склонения. Именно это необходимо иметь в виду при ознакомлении учащихся с категорией рода.

Обращение к системе румынского склонения оказывает чувствительную помощь. Дело в том, что и в румынском языке существительные первого склонения с окончанием *ă, a, ea* относятся к женскому роду. Даже исключения мужского рода в румынском и русском языках нередко совпадают: *папа, дядя*—в русском, *rara, tata* (отец)—в румынском. В румынском ко второму склонению относятся, как и в русском, существительные мужского и обоюдного рода, большинство из них без окончания, как русские существительные мужского рода.

Итак, учащиеся без особой трудности осваивают, что русские существительные с окончанием *-а, -я* относятся к женскому роду, с основой на твердые согласные и «йот»—к мужскому роду, с окончанием *-о, -е* и *-мя*—к среднему роду.

Главную трудность представляют существительные с основой на мягкий согласный. Нет между ними заметного водораздела, который позволил бы дать в руки учащихся ключ к определению рода. Поэтому единственным выходом представляется приучение к роду существительных с основой на мягкий согласный путем выяснения синтаксических отношений, в которые они ставятся (связь с прилагательными, местоимениями, глаголами в прошедшем времени и т. д.). Положительную роль здесь может сыграть список существительных, род которых не совпадает с родом соответствующих румынских существительных. Над этим списком следует особенно упорно работать. Вот некоторые из этих существительных.

Названия животных и птиц: *лебедь, гусь, тюлень* (в румынском языке они относятся к женскому роду); *лошадь, мышь, рысь* (в румынском языке они относятся к мужскому роду).

Названия предметов и явлений: *дождь, камень, кашель, корабль, монастырь, ноготь, рубль* (в румынском языке они—женского рода); *грудь, грязь, кровать, мысль, постель, пыль, роль, сталь* и др. (в румынском языке они—обоюдного рода).

Необходимо также учитывать, что многие весьма употребительные в обоих языках слова не совпадают в роде, что вызывает постоянные ошибки: *система*—*sistem* (обоюдный род), *метод*—*metoda* (женский род), *программа*—*program* (обоюдный род), *цитата*—*citat* (обоюдный род).

В первый период обучения русскому языку учащиеся затрудняются также в определении на слух рода существительных на *-ие, -ия*. Однако, достаточно объяснить учащимся, что существительные на *-ия*, за исключением немногих типа *молния*—по происхождению иностранные и принадлежат к общепринятому международному лексикону (монархия, апатия, гвардия, лекция и т. д.), ошибки в определении рода подобных существительных заметно сокращаются, так как учащиеся узнают эти существитель-

ные в родном языке, где они все относятся к женскому роду (gagda, lectje).

Винительный падеж существительных. Румынский язык не знает различий между окончаниями именительного и винительного падежа. Правда, перед существительными обозначающими названия лиц и животных в винительном падеже употребляется обычно предлог *pe*.

Поэтому в тех случаях, когда в русском языке не совпадают окончания именительного и винительного падежей (в женском роде существительных с окончанием *-а, -я* и в мужском роде существительных, обозначающих одушевленные предметы) учащиеся в румынских группах допускают постоянные ошибки. Для предупреждения таких ошибок требуется разнообразная система упражнений.

От практики нахождения существительных в винительном падеже и восстановления их первоначальных форм необходимо скорее перейти к упражнениям по образованию и самостоятельному использованию подобных форм в предложении. Это относится не только к данному разделу грамматики. К этой, как и к некоторым другим трудным темам, необходимо возвращаться неоднократно, проходить их нужно «сквозным» методом, постепенно углубляя и расширяя практические знания и навыки.

При изучении склонения прилагательных, местоимений, при ознакомлении с предложным управлением, с глаголами движения и статики, с винительным падежом прямого дополнения в утвердительной и отрицательной форме, с обстоятельствами места и времени и др. необходимо вновь и вновь возвращаться к этой теме. В число примеров для практического использования следует включать женские и мужские имена и отчества с разными основами (форма отчества вообще чужда румынскому языку, и это следует учесть). Упражнять следует и в склонении названий стран и других географических терминов. Полезны упражнения по сочетанию разных существительных с предлогами, требующими винительного падежа (*в, на, через, сквозь, под, за*), по придумыванию (сперва в письменной, а затем и в устной форме) предложений с подобными сочетаниями и т. д.

Работа эта ведется параллельно с упражнениями на употребление существительных в винительном падеже после глаголов, обозначающих движение, а также существительных с предлогами *в* и *на*. Значительную пользу приносит синтаксический разбор предложения.

Усвоение винительного падежа дается с трудом учащимся—румынам. Даже освоив хорошо окончания винительного падежа, учащиеся все равно ошибаются. Распространены такие ошибки: «Делегация принял наш председатель». «Глава он назвал...» Поэтому единственным выходом является как можно более частое упражнение в быстром определении членов предложения, главных и второстепенных. Научившись распознавать члены предложения

(строение русского предложения не отличается, в основном, от строения румынского), учащиеся легко преодолевают затем эту трудность.

Прилагательное и наречие. Нередко вместо наречия учащиеся употребляют прилагательное мужского рода (он говорил очень интересный). Объясняется это тем, что в румынском языке «часто прилагательное используется в качестве наречия, не изменяя при этом своей морфологической формы»¹. Сравни *un om frumos* (красивый человек) и *vorbește frumos* (красиво говорит).

Поэтому учащимся следует напомнить, что и в румынском языке огромное количество наречий отличается от прилагательных, например: *bun* (хороший) и *bine* (хорошо); *gusesc* (русский) и *gusește* (по-русски). Затем нужно проводить большую работу по составлению (сначала с помощью преподавателя, а потом самостоятельно—письменно и устно) предложений, в которых наречия были бы противопоставлены прилагательному, например: он интересный человек и интересно говорит.

В этой же связи стоит остановиться на употреблении местоимения *такой* и наречия *так*. Румынские учащиеся нередко допускают ошибки вроде: Это не так большая работа. Следовательно, они во-первых, принимают местоимение за прилагательное и, во-вторых, путают его с наречием. Следует разъяснить, что местоимение *такой* находится в прямой связи с существительным либо с полным прилагательным или причастием, в то время как наречие *так* сопровождает глагол, краткие формы прилагательных и причастий.

Глагол. Наибольшее количество ошибок делается при употреблении глаголов различных видов. Румынский язык не знает видовых форм выражения длительности, протяженности или повторяемости действия.

И все же можно найти в спряжении румынского глагола формы, которые облегчили бы дело усвоения учащимися видовых различий русского глагола. Это, во-первых, наличие таких глагольных пар, как *a dormi*—*a adormi* (спать—уснуть), где с помощью префикса очень резко разграничено понятие длительности и мгновенности. Еще убедительней сравнение румынского имперфекта с перфектом. Академик Йоргу Йордан пишет по этому поводу: «Говоря хронологически, имперфект выражает действие одновременное с действием перфекта, ибо оба действия протекают в одно и то же время. Отсюда следует, что разница между ними сводится к виду: действие имперфекта незакончено, действие перфекта закончено, иными словами, первое продолжается, второе уже завершилось»².

Именно этот факт следует учесть при работе над видами глаголов в группах румын. Переводя на румынский язык формы прошедшего времени глаголов совершенного и несовершенного вида, (*alegeam*—я выбирал, *am ales*—я выбрал; *rezolvam*—я решал, *am rezolvat*—я решил) учащиеся постепенно постигают смысловые от-

¹ I. Jordan. *Limba română contemporană* București 1954, p. 485.

² Там же стр. 411. (Курсив мой—М. Ф.)

личия между ними. Затем преподаватель может уже перейти к изучению настоящего и будущего времен.

Форма префиксального глагольного образования («основное и исконное отличие между обоими видами», по мнению академика Шахматова) знакома и румынскому языку. Ср. a face—a geface (делать—переделать). Поэтому весьма полезным бывает составление списка самых употребительных префиксов с теми значениями, которые они придают вновь образованному глаголу. Тем самым, работа над освоением видовых различий ведется параллельно с лексической работой, что значительно повышает заинтересованность учащихся.

Очень важной формой работы является выяснение синтаксических связей глагола с обстоятельственными словами, относящимися к нему и зависящими от его вида. Необходимо приучать слушателей к правильному использованию слов и выражений типа *всегда, каждый раз, вечерами, неоднократно, много раз, всю неделю, нечего, нередко, то и дело, начал, перестал* и др. с глаголами несовершенного вида (соответственно—слов и выражений: *вдруг, чуть не, в такое-то время, сразу, немедленно* и другие с глаголами совершенного вида).

Для большей активизации полезно практиковать рассказы учащихся в определенном «ключе». Поговорить, например, о событии, которое часто повторялось, в имперфективном ключе. Либо рассказать какой-нибудь конкретный случай в перфективном ключе.

Вообще по поводу упражнений необходимо сделать следующее принципиальное замечание. При всем кажущемся разнообразии упражнений, которые рекомендуются в методических сборниках и статьях, все они созданы по образцу и подобию упражнений из учебников для средней школы¹. Однако, цели и средства преподавания в средней школе, где грамматика изучается детьми до 14 лет, и в группах, где обучаются студенты и аспиранты-иностранцы, различны. Поэтому во втором случае упражнениям типа «подчеркните и укажите вид» и им подобным должен уделяться минимум времени. Теоретическая часть предлагаемого материала обычно не представляет для слушателей особых трудностей. Задача заключается в том, чтобы как можно скорее научить их правильно пользоваться в устной и письменной речи изучаемыми формами. Отсюда следует, что система упражнений является основным оружием в руках преподавателя, работающего со студентами и аспирантами-иностранцами, этим оружием он должен владеть умело.

Наибольший эффект дают упражнения, направленные на самостоятельное использование данных форм. Вначале эти упражнения связаны лишь с одной грамматической темой. Например, работа

¹ Этим, в частности, грешит «Сборник грамматических упражнений по русскому языку» (изд. МГУ, 1953), сборник «Русский язык для студентов-иностранцев» и даже такой серьезный труд, как «Пособие для практических занятий по русскому языку» Н. С. Рождественского и Н. П. Поспелова.

это составлению предложений с обстоятельными словами: *всегда, по временам, обыкновенно, бывало, вдруг, неожиданно, как-то раз, чуть не, лишь только* и др. Затем необходимо переходить к упражнениям смешанного типа, преследующим различные цели, например, образовать предложения с глаголами данного списка (в списке даются глаголы с трудно запоминающимся управлением или с управлением, не совпадающим с румынским): верить во что-либо, интересоваться чем-либо, бояться кого-либо, владеть чем-либо, возражать кому-нибудь, грозить кому-либо, доверять кому-либо, советовать кому-либо, влиять на кого-либо, благодарить кого-либо, гнаться за кем-либо, касаться чего-либо, дорожить чем-либо, ждать кого-либо, заведовать чем-либо и др.

Полезно давать упражнения на глаголы, требующие винительного падежа существительных разного рода в функции дополнения.

Например: описывать разных людей
описать разные явления
разную литературу

Работая над видами глагола, необходимо постоянно возвращаться к упражнениям по согласованию глаголов в прошедшем времени с подлежащим, выраженными существительными разного рода:

море
река шуметь—зашуметь (в прошедшем времени)
ветер

Полезно так же повторить при этом чередование гласных в таких парах, как *умереть—умирать, положить—полагать, коснуться—касаться* и т. д. Преподаватель должен требовать, чтобы подобные упражнения были как следует оформлены, т. е. чтобы учащиеся составляли полные, правильные предложения.

Возвратные глаголы. Категория возвратного залога имеется и в румынском языке. Большинству русских возвратных глаголов соответствуют такие же в румынском языке (сравни *ложиться—а se culca одеваться—а se îmbrăca, радоваться—а se bucura торопиться—а se grăbi, остановиться—а se opri* и другие).

Однако имеется и целый ряд несоответствий, которые преподаватель должен обязательно учесть. Это касается глаголов *начинаться, улыбаться, смеяться, переписываться, учиться, надеяться, вязаться, нестись, стучаться, продолжаться, оставаться, бороться, задержаться, целиться, добраться* и других, которым в румынском языке соответствуют глаголы действительного залога. Поэтому часты ошибки типа: *собрание начинает в 6 часов*.

При обзоре основных разрядов глаголов средне-возвратного залога русского языка в сравнении с румынскими выясняется следующее:

а) Большинству глаголов собственно-возвратного значения соответствуют такие же румынские (умываться—а se spăla).

б) Глаголам взаимно-возвратного значения соответствуют такие же румынские (встречаться — *a se întâlni*, целоваться — *a se săruta*).

в) Глаголам общевозвратного значения соответствуют также в большинстве случаев румынские глаголы, обрадоваться — *a se bucura*, удивляться *a se mira*).

г) Глаголов косвенно-возвратного и активно-безобъектного значения в румынском языке нет (браниться, укладываться и другие).

д) Глаголам пассивно-качественного значения соответствуют такие же румынские (гнуться — *a se îndoi*, рваться — *a se rupe*).

е) Глаголам пассивно-возвратного значения соответствуют румынские возвратные глаголы дательного падежа (мне вспомнилось — *mi-am amintit*).

ж) Глаголы возвратно-страдательного значения также находят себе соответствие в румынских возвратных глаголах (записаться, направляться — *a se înscrie*, *a se îndrepta*).

Как известно, если глаголы взаимно-возвратного значения употребляются в единственном числе, то они требуют присоединения к глаголу творительного падежа с предлогом *с* (Он встретился с другом). Этому предлогу соответствует румынский *cu*. Однако учащиеся употребляют предлог *с* и в других случаях после возвратных глаголов, так как в румынском языке *cu* употребляется и после других разрядов возвратных глаголов. Нередки ошибки типа: *Буквы пишутся с карандашом*. Поэтому необходимо объяснить учащимся, что предлог *с* обычно употребляется лишь после глаголов взаимных или глаголов совместного действия.

Думается, что эти немногие примеры показывают, какие обширные возможности открываются перед преподавателями русского языка при учете особенностей родного языка учащихся. Разработка приемов этого учета — неотложная задача методики преподавания русского языка иностранцам.

**«И. В. РАХМАНОВ — МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ
НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В VIII—X КЛАССАХ»**

Среди существующих пособий по методике преподавания немецкого языка книга И. В. Рахманова занимает особое место: ее с интересом и пользой для дела преподавания иностранного языка прочтут не только учителя средней школы (для которых она предназначена), но и преподаватели иностранных языков высших учебных заведений.

Автор ставит себе задачу показать, как в процессе преподавания сочетать сообщаемые учащимся знания с привитием им необходимых умений и навыков.

Книга состоит из семи глав, в которых последовательно рассматриваются следующие вопросы: чтение и перевод, развитие устной речи, письмо, произношение, грамматика, лексика и стиль. В главе второй («Чтение и перевод») и главе третьей («Развитие устной речи») дано, в качестве иллюстрации теоретических положений книги, описание уроков чтения и уроков развития устной речи в VIII—X классах (составитель Н. И. Гез).

Выгодно отличает данную книгу от обычных методических пособий приложение в форме «Краткого очерка современного немецкого языка» (составитель Е. И. Шендельс), а также список книг, рекомендуемых для самостоятельного чтения по немецкому языку, и обстоятельная библиография литературы по вопросам истории методики и общей и частной методики преподавания иностранных языков.

Первая глава («Задачи обучения немецкому языку в средней школе») рассматривает особую роль иностранного языка как учебного предмета в средней школе. Проводится сопоставление круга явлений, изучаемых на уроках родного и иностранного языков. Иностраный язык, в данном случае немецкий, автор рассматривает (вслед за Л. В. Щербой) как «термин для сравнения» родного языка с иностранным, причем значение иностранного языка как термина для сравнения отнюдь не ограничивается случаями расхождения, наблюдаемыми в грамматике и лексике родного и иностранного языков. На уроки немецкого языка переносится бо-

лее широкий круг явлений, имеющих образовательное значение — тех явлений, которые не могут быть рассмотрены в процессе изучения родного (русского) языка, ибо тот, кто знает только свой родной язык, настолько свыкается со средствами выражения понятий в нем, что часто наделяет их качествами, им по природе не свойственными. Так, например, в области грамматики создается представление, что понятие множественности предметов должно быть обязательно выражено с помощью окончаний, в то время как в немецком языке оно выражается с помощью суффиксов. Точно так же обстоит дело и в области лексики; в отдельных языках имеются слова, выражающие понятия, которых нет в других языках. Ср. русские «сутки», отсутствующие в других языках, или немецкие «Geschwister», отсутствующие в русском языке.

«Вследствие этого немецкий язык, во-первых, восполняет те пробелы в развитии мышления учащихся, которые образуются у них в связи с сознательным ограничением материала по курсу русского языка, а во-вторых, способствует обогащению сознания учащегося тем, что знакомит его с такими фактами языка, которые отсутствуют в русском языке» (стр. 6).

Вторая глава, наиболее обширная по своему объему (стр. 8—105), занимается вопросами чтения и перевода¹. Чтение совершенно справедливо рассматривается, как основной вид работы по иностранному языку; овладение умением читать оказывает решающее влияние на успех всего обучения иностранному языку. На практике мы иногда сталкиваемся с недооценкой роли чтения. Преподаватели нередко делают больший упор на грамматику и лексику, не учитывая того, что умение сознательно читать более или менее сложные тексты есть основа знания иностранного языка, обеспечивающая более или менее правильный разговор и письменное изложение мыслей. Между чтением, с одной стороны, и развитием устной речи и письма, с другой стороны, имеется непосредственная связь. Развитие этого сложнейшего умения требует тщательного отбора текстов и разработки системы упражнений.

Заслуживает внимания высказывание о том, что раскрытие значения текста должно начинаться с анализа содержащихся в нем грамматических явлений, тогда как обычно считают, что отправляться от лексики легче, поскольку лексика выражает всегда более частное и конкретное. Однако смысл высказывания меняется в зависимости от того, в какую грамматическую форму облечены слова. Начиная анализ иностранного текста с лексики, учащиеся начинают применять широко и без достаточных оснований догадку, что приводит часто к искажению смысла читаемого. Грамматический анализ текста, который может чередоваться и с лексико-семантическим анализом дает верное направление мысли, которое имеет решающее значение для понимания текста.

¹ Переводу внимание уделяется лишь как составной части чтения; он рассматривается как средство понимания читаемого и становится в дальнейшем, на старшей ступени обучения, не обязательным.

Из этого психологического факта вытекает определенное методическое положение. Чтобы учащийся мог направить свою мысль в должную сторону, он должен представлять себе грамматическую структуру предложений и иметь некоторое представление, о чем идет речь в данном тексте. Следовательно, для понимания текста нужно знание реалий, овладение необходимым грамматическим и лексическим минимумом и определенная направленность мысли.

Автор подробно анализирует существующие виды чтения: самостоятельное чтение (аналитическое и синтетическое) и чтение под руководством преподавателя (объяснительное чтение).

Аналитическое чтение, в свою очередь, бывает объяснительным и самостоятельным, в зависимости от того, где оно происходит: в классе или дома.

Характеризуя аналитическое чтение, автор видит его задачу не только в толковании содержания читаемых текстов, как это еще до сих пор полагают некоторые преподаватели иностранных языков, а в использовании самого языкового материала и в первую очередь его грамматики и лексики для образования и воспитания учащихся. Очень важно отметить, что «специфическая для иностранного языка (в отличие от других предметов средней школы) и главная образовательная и воспитательная задача при обучении иностранному языку заключается в использовании самого языкового материала и в первую очередь его грамматики и лексики...» (стр. 18).

Если в средней школе комментирование текста с точки зрения его содержания и языковых норм (т. е. объяснительное чтение) является задачей учителя (конечно, в зависимости от степени трудности и текста и класса обучения), то в высшей школе учащегося надо научить самостоятельно анализировать текст. Из сказанного вытекает, что при проведении аналитического чтения нужно создать сначала правильную направленность мысли у учащегося (заголовок, тема, краткая справка о времени и месте действия, беседа в связи с содержанием текста, восприятие знакомых элементов в тексте и т. п.). «Искусственно» создавать такую направленность необходимо до тех пор, пока учащийся не овладеет языком настолько, чтобы естественно создать себе эту направленность, бегло ознакомившись с предложенным для анализа текстом.

Этим как бы замыкается круг необходимых предпосылок для перехода к самому анализу, методика которого довольно хорошо разработана как для средней, так и для высшей школы.

Вопросы методики проведения и проверки синтетического чтения, которое обычно называется курсорным или домашним, более широко известны и в рассматриваемой книге им уделено меньше места. Поэтому ограничимся лишь замечанием, что овладение синтетическим чтением является основной задачей обучения иностранному языку в школе, тогда как аналитическое чтение служит средством для овладения синтетическим чтением, т. е. умением чи-

тать (про себя) и понимать текст, не прибегая к его анализу и переводу. При синтетическом чтении отпадает надобность искусственного создания направленности мысли, так как первичное понимание обеспечивается тем, что текст содержит, в основном, знакомый языковой материал. Теоретически выдвигаемое автором (стр. 28) положение о новом методе подбора материала само по себе разумно: тексты для аналитического чтения надо приспособлять к текстам, предназначенным для синтетического чтения. Однако, найти подобный материал практически почти не представится возможным, поскольку требования, предъявляемые к текстам для разного вида чтения, различны как с точки зрения степени трудности, так и с точки зрения лексического и грамматического состава.

Из наиболее важных методических положений, содержащихся в третьей главе («Развитие устной речи») укажем на требование одинаково прочного усвоения репродуктивного и рецептивного владения речью; необходимость этого требования убедительно доказывается автором на основе данных языкознания и психологии. Нередко в практике преподавания иностранного языка развитие устной речи понимается только как обучение умению говорить. Между тем невозможно успешно решить эту задачу без одновременного обучения умению понимать услышанное. Еще в большей степени, чем для развития умения читать развитие умения говорить требует создания специальных речевых репродуктивных и рецептивных упражнений соответственно двум сторонам речи. И в данном случае надо указать, что в практике преподавания эти специальные упражнения почти совсем отсутствуют, так как существует неверный взгляд, будто бы все языковые упражнения относятся к упражнениям по развитию устной речи.

Как и во второй главе мы имеем здесь образцы уроков устной речи; однако, жаль, что нет специального показа урока в X классе средней школы.

Четвертая глава («Письмо») и пятая глава («Произношение») значительно меньше по объему прочих глав; система письменных упражнений представлена сравнительно бедно: автор ограничился отсылкой к видам упражнений, рекомендуемых в других главах. Это досадно, т. к. именно письменная речь требует большой тренировки.

В качестве наиболее сложных письменных упражнений для IX—X классов рекомендуется проводить составление письменных планов и вопросно-ответных упражнений, но ничего не говорится о возможности проведения, хотя бы в простейшей форме, письменных работ творческого характера: письменный пересказ знакомого текста, письменное воспроизведение легкого фабульного текста, составление самостоятельных вопросов к тексту и т. п.

В главе, посвященной произношению, внимания заслуживают указания на необходимость ограничения произносительных норм, т. к. точное соблюдение всех норм немецкого произношения—непосильная задача для школы.

Усвоение грамматики, которой посвящена шестая глава книги, представляет большие трудности, особенно в репродуктивном плане. Отдельные новые грамматические формы не укладываются в сознании учащихся, они не чувствуют потребности пользоваться этими формами, учащимся доставляет затруднение и большая абстрактность грамматики. Отсюда вытекает необходимость довести до сознания учащихся, что изучение грамматики приносит практическую пользу и обладает научной ценностью, так как развивает абстрактное мышление, критичность мышления, умение обобщать явления языка. В книге дается ряд указаний относительно задач и методов обучения грамматике. Особо указывается, что при преподавании грамматики учителя часто неправильно представляют себе «историзм». Учеников не следует знакомить с единичными, архаичными, непродуктивными явлениями, не поддающимися какому-либо обобщению и показу на ряде явлений языка. Исторические экскурсы полезны только в том случае, если они распространяются на ряд явлений и если эти явления могут быть прослежены в рамках современного языка.

После рассмотрения задач обучения грамматике, автор останавливается на принципах отбора грамматического материала, подлежащего рецептивному усвоению, а также отбора грамматики, нужной для развития речи. Для соблюдения основного принципа отбора грамматических явлений следует учитывать и язык, и стиль тех текстов, которые изучаются в средней школе.

Весь подлежащий изучению грамматический материал делится на концентры. При объяснении грамматического материала принимается во внимание во-первых, для какого вида усвоения он предназначен, во-вторых, совпадают или нет грамматические явления иностранного языка с таковыми в русском языке и в-третьих, характер самого грамматического явления. Таким образом, цель, с которой изучается грамматический материал и характер самого грамматического явления определяют методику его объяснения. От цели объяснения будет зависеть и характер запоминания—только узнавание или воспроизведение и узнавание.

Грамматический разбор занимает особо важное место среди всех видов грамматических упражнений, т. к. он является не только средством усвоения грамматики, но и средством раскрытия смысла предложения.

Несколько разделов главы посвящены показу работы над наиболее трудными грамматическими явлениями немецкого языка (образование и употребление пассива, конъюнктива и кондиционалиса; употребление модальных глаголов, инфинитива и инфинитивных оборотов и т. д.).

Глава завершается подробным изложением методики повторения и систематизации знаний по грамматике в десятом классе средней школы.

Седьмая глава («Лексика и стиль») посвящена целому ряду важных вопросов методики обучения словарю, поскольку не сек-

рет, что область лексики представляет собой основную трудность в изучении иностранного языка.

Одним из условий успешного обучения лексике является отбор (пассивного и активного) словаря и фразеологии. К основным принципам отбора каждого отдельного слова относятся следующие: принцип сочетаемости слова и тематический принцип. К этим двум основным принципам дополнительными являются: словообразовательная ценность слова, его многозначность, частотность и принадлежность к строевым словам. Что касается принципа отбора фразеологических единиц, то он частично совпадает с принципами отбора лексики, такие как сочетаемость, образцовость, стилистическая ограниченность, соответствие установленной тематике и частотность. Исключения составляют фразеологические сочетания, поддающиеся дословному переводу на родной язык и являющиеся фразеологическими синонимами слов.

В объяснении лексики автор различает два основных способа раскрытия значения слов; первый (наиболее универсальный метод) переводный и второй—беспереvodный, при котором наибольшего внимания заслуживает выяснение значения слова из контекста, далее привлечение элементов словообразования и этимологии, толкование значения слов на иностранном языке и, наконец, принципы наглядности.

В связи с проблемой запоминания лексики автор делает интересное замечание относительно необходимости разработки методической типологии слов, т. е. определение характера самой лексики и его влияния на усвоение лексики. Конкретно это означает следующее: не надо давать заучивать одновременно слова, близкие по звучанию, а также синонимы и антонимы, так как они впоследствии легко смешиваются. Короткие слова, которые легче запоминаются, чем длинные, требуют, однако, для своего сохранения в памяти большего количества упражнений. Служебные слова требуют для своего усвоения особенно большого числа упражнений. Этимологическая связь новых слов с уже изученными значительно облегчает их запоминание и не требует много упражнений.

Спорным является положение автора о том, что каждое слово, которое должно быть усвоено репродуктивно, должно сначала изучаться лишь в одном значении. Практика показывает, что первое значение, с которым знакомится учащийся, прочно запоминается и впоследствии как бы мешает усвоению остальных значений слова. Неужели ученики VII—X классов не в состоянии запомнить, что слово *Feder* означает «перо» и «пружина» (обычно известно только первое значение), что *Glas* значит «стакан» и «стекло», *kommen*—не только «приходить», но и приближаться, приезжать и т. д.? На первом курсе вуза преподаватель сталкивается с необходимостью раскрывать объем значений самых простых, часто встречающихся в языке, слов.

В разделе, посвященном системе упражнений по лексике, перечислены виды возможных тренировочных и проверочных упражнений репродуктивного и рецептивного характера.

Преподавателей высшей школы заинтересует та часть главы, где говорится о параллельной работе в старших классах над лексикологическими понятиями и стилем. Из области лексикологии учащиеся должны ознакомиться со следующими понятиями: переносное значение слова, изменение (расширение и сужение) значения слова, пути изменения словарного состава немецкого языка. Из области стилистики изучаются различия между книжно-письменным и разговорными стилями, дается представление о поэтическом стиле, уделяется внимание стилистическим средствам, используемым в художественной, научной и публицистической литературе, что в конечном счете подводит к умению проводить в X классе стилистический анализ текста.

Стилистический анализ текста должен следовать за смысловым анализом, другими словами, стилистический анализ нельзя проводить без предварительного уяснения содержания текста. Значение стилистического анализа заключается не в том, чтобы раскрыть содержание текста, а в том, чтобы глубже понять его содержание в соответствии с идейным замыслом автора, если работа проводится над стилем художественной литературы или публицистики. При анализе стиля научной прозы анализ служит для более ясного и точного понимания выраженной мысли.

В конце главы приводится образец методики проведения стилистического анализа на отрывке из книги Г. Гейне «Путешествие по Гарцу».

Большого внимания заслуживает мысль автора о необходимости написания грамматик нового типа, так называемых «пассивных» грамматик, вернее грамматических справочников с описанием формальных признаков (префиксы и суффиксы, место глагола в предложении, прописная буква для существительных и пр.), которые дают возможность различать те или иные грамматические формы слов.

Проследивая по главам основное содержание книги, мы пытались остановить внимание на некоторых положениях книги, вносящих существенные поправки и изменения в традиционные методы преподавания иностранных языков в старших классах средней школы.

Методика преподавания иностранных языков в высшей школе еще не написана. Поэтому преподаватели высшей школы с интересом прочтут разделы о задачах и методике проведения аналитического чтения, о работе над лексикологическими и стилистическими понятиями, о принципах отбора и объяснения лексики и фразеологии и многое другое. Рецензируемая книга может помочь также авторам методических пособий и учебников для средней школы.

В ввводной части «От автора» И. В. Рахманов пишет, что книга не претендует на то, чтобы называться учебником методики или даже методическим пособием. Однако И. В. Рахманов дал в своей работе больше, чем обещал. Его книга может оказать реальную помощь преподавателям иностранного языка в их практической работе.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Т. А. ДЕГТЕРЕВА — О некоторых историко-познавательных моментах в изучении языковых контактов	3
Г. С. КЛЫЧКОВ — Индоевропейское S и некоторые вопросы ларингальной теории	19
В. Г. КОСТОМАРОВ — Работы академика М. М. Покровского в области лексикологии и словообразования	31
П. И. ПОЛЛЕР — К вопросу о сопоставлении частей речи в немецком и русском языках	47
Б. С. ФОКИН — Грамматизация и грамматическая абстракция некоторых глаголов в сочетании с инфинитивом	66
В. А. ВАСИЛЬЕВ — Роль фонетического строя в словообразовании и словоизменении современного английского языка	79
✓ Е. А. УТКИНА — По поводу явления омонимии в английском языке	115
✓ А. Я. ШАЙКЕВИЧ — О принципах классификации омонимов	123
Е. Я. РЕЗНИКОВА — К вопросу о развитии и изменении значений слова	144
М. В. ФРИДМАН — Из опыта преподавания русского языка румынам	174
Н. П. СТРАХОВА — «И. В. Рахманов — Методика обучения немецкому языку в VIII—X классах»	188

ПРОЦЕССЫ РАЗВИТИЯ В ЯЗЫКЕ

Сборник

Технический редактор К. М. Наумов
Корректор Н. Г. Розинский

А-04065. Подп. к печати 4/VI 1959 г. Зак. 395. Тираж 2400
Бумага 60×92¹/₁₆. Бум. л. 6,13. Печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 12,94

Цена в переплете 8 р. 75 к.

Типография Издательства ИМО Москва, Г-21, Метростроенская, 53